

Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла.

Благодатію Бжією єсмь, еже єсмь.
(1 Кор. XV, 10).

ВО ВСЕЙ исторіи міра едва ли возможно найти столь высокую личность по своему всеобъемлющему и непреходящему значенію, какъ св. Апостоль Павелъ, а въ его необычайной жизни трудно указать болѣе важный моментъ, чѣмъ обращеніе нетерпимаго гонителя Церкви Божіей въ пламеннаго ревнителя объ ея славу и самопреданнаго раба Христова. Предъ Дамаскомъ былъ разбитъ и уничтоженъ свирѣпый зилоть іудейскихъ преданій, но среди этого крушенія воскресъ великій проповѣдникъ Евангелія благодати. Отсель онъ является преимущественнымъ вѣстникомъ христіанства, почему весь ходъ послѣдняго въ существенной степени обусловливается его дѣятельностію. Само собою понятно и не требуетъ особыхъ разъясненій, что характеръ и направленіе св. Павла необходимо предрѣшались уже фактомъ Дамасскаго призванія, въ которомъ невѣрный Савлъ переродился въ столпа и глашатая вѣры, получилъ опредѣленную цѣль и награжденъ былъ соответствующими дарами. Очевидно поэтому, что отъ истиннаго воззрѣнія на это событіе прямо зависитъ и правильное научное пониманіе всей апостольской исторіи. Здѣсь мы имѣемъ ключъ къ проникновенію въ смыслъ первохристіанской эпохи и приобретаемъ дѣйствительное основаніе къ уразумѣнію ея поступательнаго движенія по пути къ побѣдоносному покоренію вселенной имени Распятаго. Св. Павелъ былъ яркимъ свѣтильникомъ Солнца правды, и лучи его до-

стигають насъ лишь по отраженію въ Апостолѣхъ языковъ. Естественно, что наше озареніе, будучи вторичнымъ, своими качествами и достоинствами всецѣло обязано посредствующему сіянію и—сообразно ему—будетъ или чистымъ, или тусклымъ. По своему содержанию церковное исповѣданіе идетъ отъ апостольскаго, держится и питается имъ и только отъ него получаетъ надлежащую цѣнность. Если оно было совершенно точнымъ во св. Павлѣ, то будетъ безупречнымъ и въ насъ; въ противномъ случаѣ мы заблуждаемся не менѣе его, принимая обманчивое мерцаніе за отблескъ Отца свѣтовъ въ Сынѣ.

Такъ въ вопросѣ объ обращеніи Савла, въ его отношеніи къ Павлову Евангелію, сходятся интересы объективнаго историческаго изысканія и живого христіанскаго чувства. Поелику же они составляютъ жизненную стихію богословско-академическаго образованія, — въ этомъ я усматриваю и достаточное оправданіе и законное побужденіе предложить этотъ предметъ вниманію достопочтеннаго собранія, украсившаго своимъ присутствіемъ нашъ торжественный праздникъ въ честь науки и во славу вѣры. И это тѣмъ болѣе, что въ отмѣченномъ фактѣ вторая наша себѣ высшее и ослѣпительное обнаруженіе. Вся задача теперь и заключается въ томъ, насколько подобное наблюденіе убѣдительно для научнаго сознанія. Отвѣчая потребностямъ мыслящаго ума и все воспринимая по его законамъ, наука не допускаетъ скачковъ въ исторіи и всюду ищетъ послѣдовательности постепеннаго развитія. Но тутъ именно и обрисовывается предъ нами во всей своей грозной непреклонности величественный образъ св. Павла, въ которомъ его настоящее не возникаетъ и не утверждается на прошломъ, а рѣшительно устраняетъ и отрицаетъ его. Въ чемъ связь между этими крайностями и есть ли золотой мостикъ для ихъ соединенія? Вспомнимъ, что онѣ одинаково уладываются въ душѣ Савла, — и для насъ будетъ очевидно, что примиреніе ихъ кроется въ духовныхъ тайникахъ молодого зилота. На этомъ соображеніи создается натурально психологическое истолкованіе чуда предъ Дамаскомъ. Эти попытки такъ близки и соблазнительны для разсуждающей мысли человѣческой, что издавна предносились ей и примѣ-

нялись къ изъясненію генезиса благовѣстія Павлова ¹⁾). Впрочемъ, онѣ были далеко не закончены и не приведены въ цѣлостную систему. Заслуга полного обоснованія и всесторонняго раскрытія этой теоріи принадлежитъ собственно К. Гольштену ²⁾), который остается крупнѣйшимъ представителемъ новотюбингенской школы и не снискалъ себѣ титула звѣзды первой величины единственно потому, что сосредоточивается на частныхъ пунктахъ и воздерживается отъ широкіихъ обобщеній. Онъ осмыслилъ научно всѣ разрозненные матеріалы и сплотилъ ихъ въ стройную психологическую гипотезу съ разрѣшеніемъ Дамасскаго явленія въ простой визионерный феноменъ ³⁾). Вотъ какимъ способомъ достигается этотъ удивительный и неожиданный результатъ ⁴⁾), гдѣ „христофанія переносится изъ внѣшняго міра во внутренній, изъ исторіи въ область ученія о душѣ и изъ вѣдѣнія обращается въ простое мнѣніе“ ⁵⁾).

¹⁾ О древнихъ опытахъ психологическаго объясненія обращенія Савла см. *Isagoge historico-critica in libros Novi Foederis sacros scripsit D. H. Aug. Schott*, Ienae 1830, p. 192, s, и *Einleitung in das Neue Testament von Dr. Karl. Aug. Credner*, erster Theil, erste Abtheil. (Halle 1836), S. 292, а разборъ ихъ въ русской литературѣ данъ въ книгѣ († архіеп. Херсонскаго *Иннокентія*: ср. сваяц. *Т. И. Буткевича* Иннокентій Борисовъ, бывшій Архіепископъ Херсонскій, Спб. 1887, стрн. 38, и іером. [† архим.] *Григорія* Третье великое благовѣстническое путешествіе святаго Апостола Павла, Сергіевъ Посадъ 1892, стрн. 16) «Жизнь святаго Апостола Павла», Спб. 1826, стрн. 38—46, и у † протоіер. *А. В. Горскаго* «Исторія Евангельская и Церкви апостольской», Москва 1883, стрн. 388—392.

²⁾ Его работы по этому предмету вошли въ сборникъ *Zum Evangelium des Paulus und Petrus. Altes und Neues von Carl Holsten*. Rostock 1868.

³⁾ Значеніе трудовъ Гольштена въ этомъ вопросѣ отмѣчено и въ *Referat, gehalten auf der Theologischen Conferenz zu Giessen am 24. Juni 1886 von Consistorialrat Prof. D. G. Heinrichi in Marburg*, «Die Forschungen über die paulinischen Briefe, ihr gegenwärtiger Stand und ihre Aufgaben», Giessen 1887, S. 103—104. Ср. еще замѣчанія Prof. *Wilh. Mangold* въ четвертомъ изданіи *Einleitung in das Neue Testament von Friedr. Bleek* (Berlin 1886). S. 475 Anm., и у *Theod. Keim* въ *Geschichte Jesu von Nazara*, dritter Bnd (Zürich 1872), S. 579—580.

⁴⁾ Подробно см. въ статьяхъ указаннаго сборника *Die Christusvision des Paulus*: 1. *Einleitung. Gegen Beyschlag* (S. 2—64). 2. *Die Christusvision des Paulus und die Genesis des paulinischen Evangelium* (S. 65—114).

⁵⁾ Такъ—и совершенно справедливо—характеризуетъ подобныя теоріи *H. Paret*: *Das Zeugniß des Apostels Paulus über die ihm gewordene Christus-Erscheinung* въ «*Jahrbücher für deutsche Theologie*» Vierter Bnd (Gotha 1859), S. 240.

Мы застаемъ Савла въ пылу звѣрскаго бѣшенства противъ христіанства. Въ яростномъ ослѣпленіи ума—онъ всѣ силы своего сердца сосредоточиваетъ на истребленіи даже самаго имени Распятаго. Это всего менѣе предвѣщало въ немъ будущаго Апостола. Но всмотримся ближе и внимательнѣе въ эту типичную личность, — и мы увидимъ совсѣмъ иное. Павелъ всегда былъ честный характеръ и неизмѣнно руководился голосомъ совѣсти нелицемѣрной. Поэтому и его лютое гонительство не было грубымъ выраженіемъ фанатизма, а имѣло для его сознанія разумное морально-религіозное оправданіе. Онъ ожесточается на Іисуса лишь въ той мѣрѣ, въ какой Ему усвояютъ достоинство Христа. Притязаніе на мессіанскія права было злѣйшимъ оскорбленіемъ всѣхъ завѣтныхъ чаяній іудейства, оскорбительнымъ помраченіемъ свѣтлыхъ чертъ идеала утѣхи Израилевой, рѣшительнымъ попраніемъ учительныхъ надеждъ на всемірное торжество славнаго Избавителя. Достаточно сказать, что Господь былъ позорно распятъ, — и этимъ въ молодомъ зилотѣ вызывалась неуголимая вражда къ Назаретскому Учителю и воспламенялась энергія на уничтоженіе всякихъ воспоминаній о коварномъ обольстителѣ. Крестъ былъ печатію и знаменіемъ посрамленія мнимаго Мессіи и священнымъ побужденіемъ для борьбы съ Нимъ, пока мрачная Голгова не сольется гармонически съ сіяющимъ Сіономъ. Въ этомъ отношеніи антихристіанская полемика Савла послужила и къ его спасенію. Въ теченіе ея онъ пришелъ въ непосредственное и близкое соприкосновеніе съ исповѣдниками новой религіи и могъ вѣрнѣе оцѣнить ихъ достоинства. Всѣ ихъ упованія, — обманъ; но почему же они настолько тверды и жизненны, что не ослабѣваютъ со временемъ, а постепенно приобрѣтаютъ все большую крѣпость и увлекаютъ множество жертвъ? Не свидѣтельствуетъ ли эта обаятельность, что въ нихъ заключается и доля истины? Разъ это допущено, хотя бы въ качествѣ богохульной нелѣпости, — спокойствіе іудейской совѣсти было навсегда отравлено въ Савлѣ. Между тѣмъ наблюденія наличной дѣйствительности ни мало не поддерживали его предубѣжденія; скорѣе — наоборотъ: они склоняли въ ту сторону, куда идти казалось преступнымъ ренегатствомъ. Гонитель, врываясь

въ дома христіанъ и влача ихъ на судъ, долженъ былъ видѣть чистоту жизни преслѣдуемыхъ, — и свѣтъ ихъ невозмутимыхъ радостей, высота настроенія, искренность одушевленія глубоко трогали нѣжное сердце по натурѣ мягкаго Тарсянина. Ко всему этому непреклонность въ своемъ званіи, неустрашимость въ опасностяхъ, мужество въ смерти, когда самыя злѣйшія пытки исторгали лишь хвалы Распятому съ мертвѣющихъ устъ стариковъ и юношей, женъ и дѣтей, невольно выдвигали коварный вопросъ: не тутъ ли и всецѣлая истина, если отъ нея не разрывна поразительная мощь? Поелику эта не человѣческаго происхожденія, — христіанская вѣра будетъ божественною. Тогда неизбѣжно закрадывалась мысль о воскресеніи Распятаго, потому что мертвый не въ состояніи обнаруживать столь необычайное вліяніе, „месить“ не можетъ быть вдохновителемъ правды и злодѣй—устроителемъ ея царства. Не возсталъ ли дѣйствительно Іисусъ?—этотъ грань сомнѣнія въ себѣ необходимо давилъ на впечатлительнаго Савла съ тяжестью цѣлаго центнера ⁶⁾. И ничто не облегчало этого невыносимаго бремени! Какъ фарисей, онъ безусловно признавалъ воскресеніе, которое теоретически было вполне мыслимо и для Назаретскаго Проповѣдника. Правда, Онъ пострадалъ, но Его ученики приводили убѣдительныя доказательства изъ пророковъ, что это было благостнымъ умиловленіемъ за грѣхи людей. Савлъ не отрицалъ, что народъ іудейскій въ своей совокупности совсѣмъ не удовлетворяетъ нормальному идеалу святости; поэтому онъ съ готовностію принималъ подобное объясненіе, ибо—и по его мнѣнію—Мессія будетъ царствовать лишь среди праведниковъ. Теперь зилоть нашель разгадку своему недоумѣнію и почувствовалъ порывъ внутренняго влеченія къ Іисусу, дабы съ Нимъ и въ Немъ обрѣсти и свою чистоту. Все его безпорочное преуспѣяніе не дало ему искомага мира и только заставляло его неотразимѣе и болѣзненнѣе испытывать гнетущую силу врожденной грѣховности и естественной скудости. И онъ страстно желаетъ узрѣть своими глазами того Господа, Котораго видѣли Петръ, Іаковъ, многіе братья. Въ такомъ

⁶⁾ *Holsten*, Zum Evangelium des Paulus und Petrus, S. 109.

состояніи духа Савль присутствуетъ при побіеніи Стефана. Образъ Распятаго, но воскресшаго и прославленнаго, уже носится предъ нимъ и привлекаетъ къ себѣ, хотя упорный ревнитель съ ужасомъ отвергаетъ его и еще больше распаляется. Въ душѣ происходитъ мучительный разладъ внутренней симпатіи ко Христу и самаго энергическаго протеста, пока смѣлая рѣчь эллиниста не вынуждаетъ его къ ожесточенному преслѣдованію. Онъ слышитъ объ отверженіи божественнаго закона, объ оскверненіи святынь храма, объ измѣненіи всѣхъ добрыхъ обычаевъ,—и это разжигаетъ окончательную ярость. И если его сердце поражено вѣрой, то тѣмъ безпощаднѣе мститъ онъ неотразимому оболъстителю за свое колебаніе. Оно составляетъ тяжкій грѣхъ предъ завѣтомъ Божиимъ, а такую вину можно загладить лишь сугубыми подвигами номистической ревности и обильными жертвами фарисейскаго зилотизма. И вотъ Павелъ неистово вторгается въ убѣжища христіанъ, стараясь потоками крови затушить снѣдающій его пламень. Ему ненавистно одно имя Іисуса Назорея, и онъ стремится въ Дамаскъ, чтобы совершенно уничтожить злую ересь, когда съ нею исчезнетъ и самый предметъ соблазна. Однако неотвязныя думы насильственно врываются въ его голову, временное бездѣйствіе и уединеніе пустыни растравляютъ его фантазію. И внутри и со внѣ все раздражаетъ и тревожитъ юнаго вождя антихристіанскаго отряда. Въ глубинѣ своего духа онъ ощущаетъ недостаточность своего нравственнаго возрастанія и, взвѣсивая объективно свое усердіе, боязливо отгоняетъ роковую мысль о непригодности самаго метода, о ложности избраннаго имъ пути. А тутъ предъ нимъ невольно и неумолимо возстаетъ свѣтлый ликъ всеисцѣляющаго Христа, Который наполняетъ такую небесною отрадой Своихъ исповѣдниковъ... Предъ духовнымъ взоромъ его рисуются величавые въ своей скорби, невозмутимые въ своихъ страданіяхъ, чистые въ своихъ радостяхъ образы христіанскихъ мучениковъ и убѣдительно всѣхъ словъ говорятъ ему: мы нашли утѣху Израилеву и потому не подлежимъ отчаянію, подобно тебѣ; обратись, и ты получишь желанный покой возрожденія! Его ярость получаетъ мрачный колоритъ богоборчества, и гонитель терзается въ безпомощной безысходности. Напро-

тивъ, въ его сознаніи оживаютъ гуманные уроки толерантнаго Гамалиила, и отъ своего учителя онъ слышитъ обличеніе за свою свирѣлость.

Дорога приходитъ къ концу, и въ туманной дали замѣчаются очертанія Дамаска. Рѣшительная минута приближается, и впереди опять вопли и стоны глубокой и несокрушимой вѣры: что же—въ замѣнъ ея—имѣеть и можетъ дать Савль? Страшно сказать, что это лишь тягостный номизмъ, потерявшій устой и никого не утверждающій... Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ, потому что это безбожно! Кризисъ достигаетъ крайней остроты, воображеніе работаетъ съ молниеносною быстротой, сердце само собою подбираетъ подходящій матеріаль. Голова кружится отъ жестокаго напряженія, неестественно циркулирующая кровь притупляетъ периферическую дѣятельность. „Душевная мука должна была разрѣшиться; иначе и болѣе крѣпкій сосудъ разбился бы отъ столбовенія враждующихъ силъ. Къ счастью, Павелъ былъ визионеръ, и въ этомъ заключалось его спасеніе“⁷⁾. Слабый отъ природы организмъ „нервознаго эпилептика“⁸⁾ не выдерживаетъ и повергаетъ Савла въ обморокъ, но въ этотъ моментъ предъ нимъ является ангельскій ликъ Стефана (Дѣян. VI, 15), и вмѣстѣ съ перво-мученикомъ онъ „видитъ небеса отверстыя, славу Божию и Сына человѣческаго—Исуса, стоящаго одесную Бога“ (Дѣян. VII, 55—56). Потрясеніе было настолько сильно и въ то же время настолько благотворно, таеъ счастливо разрѣшало всѣ душевныя антиноміи, что обязательно требовало для своего объясненія реального факта,—и Савль объективируетъ свое внутреннее настроеніе, которое было для него несомнѣнно реальнымъ, поелику доставляло ему неоспоримое благо душевнаго умиротворенія и всецѣлаго удовлетворенія завѣтнымъ стремленіямъ къ святости. Значитъ, Распятый—божественный Мессія; на крестѣ Онъ умертвилъ грѣхъ во плоти и Своимъ воскресеніемъ всѣхъ привлекаетъ къ Богу. Отселѣ таинство

⁷⁾ Prof. A. Hausvath, Neutestamentliche Zeitgeschichte. Zweiter Theil: Die Zeit der Apostel. Heidelberg 1872. S. 449.

⁸⁾ Возвѣтніе Max Krenkel'я, развитое въ статьѣ «Der Dorn im Fleisch» (S. 47—125) ero Beiträge zur Aufhellung der Geschichte und der Briefe des Apostels Paulus, Braunschweig 1892.

жертвы Голгоетской дѣлается жизненнымъ центромъ всего Евангелія, при чемъ содержаніе его опредѣляется прежними понятіями фарисея.

Такимъ способомъ іудаизмъ естественно переходитъ въ христіанство, и постепенный ростъ духовной жизни Павла будетъ непрерывнымъ. Соответственно этому исчезаетъ объективная противоположность прошлаго и настоящаго, и въ процессѣ болѣзненнаго перерожденія первое прямо предуготовляетъ второе. „Видѣніе Христа было продуктомъ конечнаго духа и раскрывается по внутреннимъ причинамъ изъ имманентнаго его развитія“⁹⁾. Оно было простымъ результатомъ взаимнаго дѣйствія историческихъ отношеній и духовной личности Тарсійскаго зилота¹⁰⁾. Внѣшній поводъ къ тому лежалъ въ гоненіи христіанской общины, а внутреннимъ движущимъ основаніемъ было добытое имъ новое чудесное слово, вѣчно звучащее въ ухахъ и мощно захватывавшее умъ и сердце людей того времени: Онъ былъ мертвъ и — однако живъ! При такихъ предпосылкахъ Дамасскій переворотъ былъ только „неизбѣжнымъ итогомъ необходимо возникшей на діалектическомъ умѣ Павловомъ діалектики противорѣчій между исторически данными фактами и исторически данными мыслями“¹¹⁾. Потому-то и видѣніе казалось Савлу безусловно объективнымъ¹²⁾. Тогда Евангеліе будетъ исключительнымъ его твореніемъ¹³⁾, зародышъ и корень коего находятся въ обращеніи¹⁴⁾. Но производящій духъ всегда отражается въ своемъ произведеніи; посему и оно условливается обычными категоріями іудейскаго, ветхозавѣт-

⁹⁾ *Holsten*, Zum Evangelium, S. 7.

¹⁰⁾ *Holsten* *ibid.*, S. 38.

¹¹⁾ *Holsten* *ibid.*, S. 39.

¹²⁾ *Holsten* *ibid.*, S. 8.

¹³⁾ *Holsten* *ibid.*, S. 55.

¹⁴⁾ См. *Holsten* *ibid.*, S. 66, и *C. P. Hofstede de Groot*, Pauli conversio praecipuus theologiae paulinae fons, Lipsiae et Groningae 1855; ср. также *A. Sabatier* Art. «Paul (Saint)» въ *Encyclopédie des sciences religieuses*, publiée sur la direction de *Lichtenberger*, tome dixième (Paris 1881), p. 273, и статью *Dr. Kuhn*'а *Die Bekehrung des Apostels Paulus nach ihrem innern Zusammengange mit seinem Lehrtypus* въ «*Jahrbücher für Theologie und christliche Philosophie*», IV. Bnd, zweites Heft (Jahrgang 1835, Frankfurt a. M.), S. 287 ff.

наго сознанія въ своемъ возникновеніи и развитіи. Такъ сохраняется единство духовной индивидуальности Павла и получается натуральный гинезисъ его антиюдаистическаго Евангелія изъ іудейстическаго настроенія. Все Павлово христіанство оказывается простою модификаціей іудеохристіанства¹⁵⁾, ибо и Самъ явившійся Христосъ былъ лишь „собственнымъ фантомомъ“ гонителя¹⁶⁾, а разныя „откровенія суть ничто иное, какъ психологическіе, феноменологическіе процессы“¹⁷⁾.

Послѣднимъ тезисомъ вполне опредѣляется и догматическое значеніе изложенной психологической попытки. Если переходъ Савла въ Распятому совершился естественно посредствомъ діалектической работы, то все богатство его вѣры будетъ субъективнымъ преобразованіемъ старыхъ іудейскихъ элементовъ въ оригинальную систему личнаго характера, поелику, „ставъ христіаниномъ, Павелъ не отказался отъ своей іудейской теологіи“¹⁸⁾. Это только „другая форма іудейства“¹⁹⁾, не совпадающая ни съ ученіемъ Христа, ни съ проповѣдію Его первоапостоловъ. Ясно, какой неожиданный свѣтъ бросаетъ эта теорія на Евангеліе Павлово, но не менѣе того очевидно, что она исключительно держится на своихъ историческихъ предположеніяхъ и торжествуетъ или крушится вмѣстѣ съ ними. Тутъ особенно справедливо, что *tertium non datur*. Тѣмъ болѣе необходимо со всею научною строгостію и совершеннымъ безпристрастіемъ разобрать и оцѣнить, насколько вѣроятно въ историческомъ отношеніи психологическое толкованіе факта Дамасскаго обращенія²⁰⁾.

¹⁵⁾ *Holsten* *ibid.*, S. 97.

¹⁶⁾ *Saint Paul par Ernest Renan* (Paris 1869), p. 563; ср. *ею же* *Les Apôtres* (Paris 1866), p. 182.

¹⁷⁾ *Das nachapostolische Zeitalter in den Hauptmomenten seiner Entwicklung*. Von Dr. *Albert Schweigler*. Erster Bnd. Tübingen 1846. S. 155. Даже Dr. *Kuhn* въ «*Jahrbüch. f. Thl. u. chr. Phil.* IV, 2, S. 288, » говорить, что «содержаніе всякаго (видѣнія и откровенія божественнаго) есть только модификація высшаго самосознанія».

¹⁸⁾ *A. Hausrath*, *Neutest. Z.*—Geschichte II, S. 460.

¹⁹⁾ *Paulus, der Apostel Jesu Christi. Ein Leben und Wirken, seine Briefe und seine Lehre*. Ein Beitrag zur einer kritischen Geschichte des Urchristenthums. Von Dr. *Ferd. Crist. Baur*. Zweite Auflage von Dr. E. Zeller. Zweite Theil. Lpzg 1867. S. 296, 1.

²⁰⁾ Безъ этого и самые благопамѣренныя писатели вынуждаются къ опис-

Вся эта гипотеза „внутренняго событія“²¹⁾ покоится на мысли, что въ эпоху своего гонительства Савль былъ потрясенъ въ своихъ позиціяхъ и потерялъ равновѣсіе, а потому новое само собою возобладало въ немъ надъ прежнимъ. Въ такомъ случаѣ неизбѣжно допустить, что за этотъ періодъ произошло нѣчто особенное, сокрушившее всѣ его наслѣдственныя убѣжденія и вызвавшее „мучительную борьбу между вѣрою и невѣріемъ“²²⁾. Но Савль не былъ „религіознымъ фанатикомъ“²³⁾; понятно, что мотивомъ и источникомъ его вражды могло быть опредѣленное и цѣлостное возрѣніе, незыблемое настолько, что оно обязательно возбуждало сердце и становилось актомъ непреклонной воли. Въ чемъ оно заключалось,—намъ не сказано прямо и пока не важно. Достаточно замѣтить, что молодой зилотъ думаетъ истребить даже самое имя христіанства, уничтожить его въ конецъ и безвозвратно. Ясно, что въ „Назорейской ереси“ онъ видѣлъ отрицаніе и попраніе всѣхъ завѣтныхъ святынь въ томъ самомъ пунктѣ, гдѣ она была наиболѣе высокою и имѣла притязаніе на абсолютное господство. Безъ этого мы набросимъ густую тѣнь подозрѣнія на нравственное достоинство Савла и подрѣжемъ авторитетъ Апостола Павла²⁴⁾.

Итакъ, взаимоотношеніе начинается діаметральною противоположностію, не позволяющею ни малѣйшаго соприкосновенія. Откуда оно возникло? Исторія его не знаетъ и не даетъ для него опоры; даже Гольштень соглашается, что у насъ „нѣтъ непосредственнаго сообщенія о состояніи духовной жизни Павла предъ и во время его видѣнія“²⁵⁾, и сочи-

нымъ ограниченіямъ. Такъ, *К. Гейки* (*The Apostles: their Lives and Letters*, London 1895) говоритъ (р. 125): «обращеніе самаго ожесточеннаго врага Христа въ наиболѣе преданнаго ему служителя, будучи величайшимъ и чудесвѣйшимъ событіемъ апостольскаго вѣка, было въ то же время естественнымъ итогомъ развитія (a natural development) вліяній, скрыто дѣйствовавшихъ въ глубинѣ его моральнаго существа».

²¹⁾ *Historisch-kritische Einleitung in das Neue Testament*, von Prof. *Ad. Hilgenfeld*, Lpzg 1875, S. 221.

²²⁾ *Holsten*, *Zum Evangelium*, S. 97.

²³⁾ *Holsten* *ibid.*, S. 46.

²⁴⁾ Cp. *Der Glaube im Neuen Testament. Eine Untersuchung zur neutestamentlichen Theologie* von Doz. *A. Schlatter*. Leiden 1885. S. 503. 500—501.

²⁵⁾ *Holsten*, *Zum Evangelium*, S. 67.

няетъ факты по соображенію съ другими указаніями и теоретическими возможностями. Хотя это основаніе и крайне шаткое ²⁶⁾, но примемъ его въ качествѣ исторической вѣроятности, чтобы потомъ судить о ея дѣйствительной цѣнности. Несомнѣнно, что, „связывая и предавая въ темницу и мужчинъ и женщинъ“ (Дѣян. XXII, 4), Савль долженъ былъ приходить въ столкновенія съ христіанами. Не менѣе правдоподобно, что его чрезмѣрная ярость только сокрушала, никого не убѣждая, если ему приходилось лишь принуждать и соизволять убійствамъ (Дѣян. VIII, 1. XXII, 20. XXVI, 10—11). Гонимые не поддавались дикому напору и между отреченіемъ и смертію всегда выбирали вторую. Чѣмъ сильнѣе была злоба, тѣмъ ярче блистала ихъ крѣпость вѣры чистой и совѣсти нелицемѣрной. Савль глубоко испытывалъ вліяніе этихъ поразительныхъ впечатлѣній ²⁷⁾. Непреклонная стойкость и радостная надежда, съ какими выдерживались всѣ терзанія до мученичества включительно, энергически воздѣйствовали на его свѣтлый смыслъ и религиозное чувство ²⁸⁾ и вынуждали къ признанію, что по крайней мѣрѣ для самихъ христіанъ явленіе Иисуса было реальностію, что ихъ утвержденіе не обманъ ²⁹⁾. Вопросъ дальше въ томъ, была ли тутъ и объективная правда, но „на него ежедневно слышался утвердительный отвѣтъ отъ столь многихъ свидѣтелей. И что это за свидѣтели? Взглядъ на этихъ христіанскихъ мужей и женъ, которые, будучи внѣшне подавляемы, возставали за свои убѣжденія—полные вѣры и Духа Святаго—и въ словѣ и въ дѣлѣ приносили плоды этого новаго Духа предъ всѣмъ міромъ, твердость, съ какою они вы-

²⁶⁾ Даже Dr. W. M. L. de Wette категорически замѣчаетъ (*Kurze Erklärung der Apostelgeschichte*, Lpzg 1841, S. 75), что „противно тексту (книги Дѣяній) устранивъ въ явленіи (Христа Савлу) все сверхъестественное“.

²⁷⁾ Благомыслящій, хотя и совсѣмъ не блестящій *George F'ulliquet* даже думаетъ (*La pensée religieuse dans le Nouveau Testament*, Paris 1893, p. 294), что и самое гоненіе, между прочимъ, вызывалось «нуждою еще и ближе при-смотрѣться къ христіанамъ, которые обладаютъ такимъ миромъ совѣсти».

²⁸⁾ Ср. *H. Ewald*, *Geschichte des apostolischen Zeitalters bis zur Zerstörung Jerusalem's*: Sechster Bnd der *Geschichte des Volkes Israel*. Dritte Ausgabe. Göttingen 1868. S. 373. Rev. *James Stalker*, *The Life of St. Paul*, Edinburgh 1892, p. 54. Prof. *Ad. Jülicher*, *Einleitung in das Neue Testament*, Freiburg i. B. und Leipzig 1894, S. 21.

²⁹⁾ *Holsten*, *Zum Evangelium*, S. 108.

носили причиняемую имъ несправедливость, мужество, съ какимъ претерпѣвались всѣ страданія отъ гонителей, прочное соединеніе союзомъ братской любви, не колебавшейся и не потрясавшейся чрезъ насильственное сокращеніе членовъ противниками, — не должно ли было все это поражать чистый умъ, преданный истинѣ безъ всякихъ побочныхъ видовъ? И сомнѣніе, не правы ли христіане, развѣ не должно было повергнуть его духъ въ величайшее напряженіе и его сердце — въ состояніе внутренняго смятенія и боренія?“³⁰⁾

Легко замѣтить, что здѣсь врагъ вѣры уже прямо преобразуется въ ея горячаго апологета³¹⁾; но крайне спорно, чтобы эти непримиримыя противоположности уживались въ Савлѣ—гонителѣ. Разумѣется, его ослѣплѣніе было не такъ сильно, чтобы онъ не могъ видѣть окружающаго. Однако не менѣе истинно, что онъ зналъ его и ранѣ. Если онъ устремляется противъ христіанства съ убѣжденіемъ въ его нетерпимомъ нечестіи, то, конечно, оно и было ему извѣстно далеко не по темнымъ слухамъ. Чтобы понять самый исходъ его опустошительной свирѣпости, мы и исторически и морально обязаны допустить, что Савлъ достаточно былъ освѣдомленъ на счетъ новой религіи. И это было не простое констатированіе факта, что появилось странное вѣрованіе. Въ такомъ качествѣ оно никому не угрожало, и молодой фарисей вмѣстѣ съ Гамалиломъ могъ успокоиться на индифферентной мысли, что оно исчезнетъ само собою, развѣ не отъ Бога. Когда же на него ополчаются съ неумолимостію, это показываетъ, что его считаютъ опаснымъ, находятъ жизненнымъ, способнымъ къ росту и распространенію, ко всеобщему господству, поелику оно властвуетъ надъ людьми и беззавѣтно покоряетъ ихъ себѣ. Въ этомъ достоинствѣ начала возсозидающаго и пере-

³⁰⁾ Das Leben des Apostel Paulus von *Heinrich Lang*. Separatabdruck aus dessen «Religiösen Charakteren», Bnd I. Winterthur 1866. S. 18. Cp. Der Paulinismus. Ein Beitrag zur Geschichte der urchristlichen Theologie von Prof. *Otto Pfeiderer*. Zweite Auflage, Lpzg 1890. S. 14.

³¹⁾ Cp. у *D. Schenkel* (Das Christusbild der Apostel und der nachapostolischen Zeit, Lpzg 1879, S. 56), что впечатлѣнія при столкновеніяхъ съ первохристіанами «подготовили переворотъ» Савла, такъ какъ «новая вѣра уже развивалась медленно въ скрытыхъ вѣдрахъ его сердца и въ урочный часъ мощно выступила наружу».

рождающаго—христіанство было дѣйствительно грозною величиной, между тѣмъ его теоретическія воззрѣнія для коснаго іудейства казались просто нелѣпнымъ обольщеніемъ. Посему въ Господѣ Спасителѣ фарисеевъ страшило особенно то, что „весь міръ идетъ за Нимъ“ (Ин. XII, 19); равно и синедріонъ негодовалъ прежде всего по той причинѣ, что апостолы „наполнили Іерусалимъ ученіемъ своимъ“ (Дѣян. V, 28). Значить, только наблюденія фактической мощи христіанства вызывали въ невѣрныхъ іудеяхъ злую ненависть къ нему, а безъ этого оно было бы для нихъ не заслуживающимъ вниманія.

Отсюда слѣдуетъ, что и Савлъ еще до выступленія въ роли гонителя былъ знакомъ съ исповѣданіемъ Рясятаго именно съ этой стороны, понималъ его внутреннюю крѣпость по фактическому поведенію учениковъ Іисусовыхъ ³²⁾. Это абсолютно необходимая предпосылка, безъ которой будетъ совершенно непостижимо его антихристіанское пламеніе. Тогда личныя сношенія со своими жертвами не могли колебать его и—скорѣе—утверждали зилота на пути богоборчества. Они свидѣтельствовали ему, что и подлинно эта религія есть страшная сила, если она вдохновляетъ своихъ адептовъ такимъ фанатическимъ героизмомъ. Его рѣшимость нашла здѣсь неоспоримую поддержку и продолжала закаляться до непреклонности, достигая постепенно размѣровъ животнаго бѣшенства. Конечно, христіане апостольской эпохи отличались всѣми добродѣтелями и остаются идеальнымъ образцомъ нравственной высоты для всѣхъ временъ; но не болѣе ли того сіялъ божественнымъ свѣтомъ Самъ Искушитель? Однако результатъ получался совсѣмъ несоотвѣтственный и часто обратный естественнымъ ожиданіямъ. Господь ежедневно давалъ знаменія Своей божественности и осыпалъ народъ необычайными благами Своихъ чудесъ,—и все-таки упорные неизмѣнно вопіяли, что *Онъ бѣса имать и о князь бѣсовствѣмъ изгонитъ бѣсы* (Мѣ. IX,

³²⁾ Ср. Die Lehre des Paulus verglichen mit der Lehre Jesu von Prof. H. Wendt въ «Zeitschrift für Theologie und Kirche», Vierter Jahrgang, erstes Heft (Freiburg i. B. und Lpzg 1894), S. 60—61, съ ограниченіями и поправками къ сему у D. Paul Gloatz въ «Studien und Kritiken» 1895, IV: Zur Vergleichung der Lehre des Paulus mit der Jesu (mit Bezug auf H. H. Wendts Aufsatz u. s. w.), S. 798.

34. XI, 18. XII, 24. Мрк. III, 22. Лк. XI, 15. Ин. VII, 20). Не должно ли было и на Апостолахъ исполниться слово Спасителя (Мф. X, 25): *аще господина дому вселзевула нарекоша, коими паче домашнія его?* Когда вѣрующіе заявляли, что они чтутъ Отца небеснаго въ Сынѣ, имъ возражали (Ин. VIII, 48): *не добръ ли мы глаголемъ, яко бѣса имате?* Они называли себя просто смиренными овцами добраго пастыря, а для іудеевъ это значило, что они (Ин. X, 20) *бѣса имутъ и неистови суть*. Невинный страдалецъ протестуетъ противъ несправедливости, встрѣчая со стороны народа лишь недоумѣніе (Ин. VII, 20): *бѣса ли имаши? Кто тебе ищетъ убити?* Гонимый ссылается на святость своихъ упованій и снова слышитъ суровый приговоръ безпощадной неумолимости (Ин. X, 33): *о добръ дѣль каменіе не мещемъ на тя, но о хуль*. Онъ высказываетъ неустрашимость въ смерти, потому что она есть путь къ жизни; на это отвѣчаютъ еще съ большею безсердечностію: *нынѣ разумѣхомъ, яко бѣса имаши* (Ин. VIII, 52). И такое настроеніе въ Савлѣ было самымъ натуральнымъ и психологически единственно вѣроятнымъ, ибо онъ находилъ именно то, что и предполагалъ. Естественно, что онъ не колебался и не ослабѣвалъ; наоборотъ: его энергія возрастала до нечеловѣческаго напряженія, поелику онъ постоянно убѣждался въ сатанинскомъ ослѣплѣніи христіанъ. Тогда всѣ ихъ добродѣтели не были для него даже красивыми пороками и въ его глазахъ получали густую демоническую окраску. При возбужденно-фанатическомъ озлобленіи это былъ совершенно прямой и неизбѣжный выводъ, если ревнительный законникъ не желалъ сразу отказаться отъ себя и уничтожиться со всѣми своими фарисейскими достоинствами, бывшими святынею и исключительнымъ содержаніемъ его души. Разъ этого отреченія не было, необходимо возникало самое мрачное подозрѣніе относительно учениковъ Распятаго ³³⁾. Потому на знамени Савла только ярче обрисовались кровавыя слова: *возми отъ земли таковыя, не подобаетъ бо имъ жити* (Дѣян. XXII, 22)!.. Это бываетъ всегда и вездѣ, и

³³⁾ Ср. Geschichte der Pflanzung und Leitung der christlichen Kirche durch die Apostel. Von Dr. August Neander. Erster Bnd. Hamburg 1832 S. 108.

въ исторіи слишкомъ достаточно примѣровъ тому, какъ кротость особенно раздражаетъ враговъ и искренность принимается за лицемеріе. Довольно вспомнить доминиканца Лиленштейна (Jacobus Lielenstenius), который о ненавистныхъ ему Богемскихъ вальденсахъ писалъ: *boni in moribus et vita, veraces in sermone, in charitate fraterna unanimes, sed tantum fides eorum est incorrigibilis, et pessima* ³⁴).

Теперь ясно, что и Савль могъ судить о христіанахъ трезво и безпристрастно не прежде, чѣмъ постигъ, что они не заблуждаются и владѣютъ истиной ³⁵). Иначе впечатлѣніе всѣхъ ихъ доблестей было бы только гибельнымъ для нихъ, разъяря противника очевидными свидѣтельствами сатанинства и законности въ своемъ нечестіи. Хульникъ заранѣе долженъ былъ признать ихъ правоту, чтобы потомъ оцѣнить ихъ добрыя качества и поддаться обаянію христіанской возвышенности. Это представляется невысказаннымъ, но не забудемъ, что у насъ рѣчь о простой возможности, гдѣ все позволительно, пока не опровергнуто фактически. Въ этой области критика и находитъ себѣ „Архимедову точку опоры“ ³⁶).

Она думаетъ, что „самая напряженность ревности о божественной истинности іудейства и іудейской мессіанской идеѣ должна была сдѣлаться для Павла средствомъ обращенія его къ вѣрѣ въ Распятаго. Это гонительство привело его въ продолжительное и непосредственное соприкосновеніе съ тѣми, которые вѣровали въ Распятаго, какъ Мессію, причемъ эта

³⁴) *Johan Legers* allgemeine Geschichte der Waldenser oder der evangelischen Kirchen in den Thälern von Piemont in zwey Bücher mit vielen Kupfern. Aus dem Französ'schen (=Histoire generale des Eglises Evangeliques des Vallées de Piemont ou Vaudoises divisée en deux livres, par *Jean Leger*, Pasteur & Modérateur des Eglises des Vallées, et depuis la violence de la persecution appellé a l' Eglise Wallonne de Leyde, Leyde 1669) übersetzt von Hans Friedrich Freyherrn von Schweinitz, mit einer Vorrede Siegmund Jacob Baumgarten. Breslau 1750. S. 502.

³⁵) Это подтверждается и примѣромъ отношенія эвоняитовъ къ самому Апостолу Павлу, котораго они считали чистымъ злымъ и его антиполизмъ, ложно понимаемый, объясняли личнымъ овлабленіемъ по тому поводу, что ему не удалось жениться на дочери первосвященника, хотя ради этого онъ сдѣлался прозелитомъ. См. *S. Eriphanii* Adv. haereses lib. I, tom. II: haer. XXXI, 16 ap. Migue, gr. ser. t. XLI, col. 432—433.

³⁶) *Holsten*, Zum Evangelium, S. 59.

вѣра оказалась предметомъ его страстнаго интереса. Разумѣется, на первыхъ порахъ это былъ практическій интересъ уничтоженія вѣры. Однако нельзя считать это гоненіе чистѣйшимъ процессомъ уничтоженія; оно было не различно отъ борьбы духовными орудіями, гдѣ вѣра и невѣріе выдвигали свои основанія за и противъ. Чрезъ это вѣра стала для Павла и предметомъ теоретическаго интереса“³⁷⁾. „Въ этой борьбѣ обсуждалось мессіанство Іисуса и рѣшительнымъ аргументомъ невѣрующихъ являлась крестная смерть, въ качествѣ прямого противорѣчія національно-ортодоксальной идеѣ Мессіи. Но при этомъ и Павелъ не могъ отрицать заимствуемыхъ изъ явленій Іисуса фактическихъ доказательствъ Его жизни и—значить—Его мессіанства настолько, чтобы не допускать возможность этой жизни и—вмѣстѣ съ нею—мессіанства“³⁸⁾. Въ самомъ дѣлѣ „фарисею Павлу нельзя было ничего возразить на аргументы о воскресеніи кромѣ развѣ обвиненія христіанъ въ сознательномъ обманѣ, въ сознательной лжи; но это была опора крайне непрочная. Ибо приходилось идти не противъ одного лица и одного факта, а противъ двѣнадцати, пяти сотъ, опять двѣнадцати, противъ цѣлаго ряда фактовъ и непоколебимой стойкости многихъ, которые за этотъ мнимый обманъ шли на мученичество и смерть. И Павелъ тѣмъ болѣе вынужденъ былъ принять возможность жизни Распятаго, что ея историческая дѣйствительность ежедневно свидѣтельствовалась ему непреклонною вѣрой гонимыхъ, распространеніемъ этой вѣры, не смотря на преслѣдованія. И такая возможность повергала въ смятеніе все существо Павла. Какой ужасъ крылся въ этомъ словѣ: а что, если мертвый живъ?! Не борется ли — поэтому—невѣрующій противъ Самого Бога и Его Помазанника, въ Коего и онъ вѣруетъ, хотя въ иной формѣ? Душевной муки этого противорѣчія не могли ни забыть, ни вынести и умъ и сердце Павла. Не должны ли логическія доказательства противъ мессіанства Распятаго уступить фактическимъ доводамъ за него?

³⁷⁾ *Holsten Zum Evangelium*, S. 100. Cp. *The Ideas of the Apostle Paul*, translated into their modern Equivalents by *James Freeman Clarke*, Boston 1884, p. 25.

³⁸⁾ *Holsten ibid.*, S. 45—46.

Что Мессія и мессіанское царство откроются въ это время,— это было вѣрою Павловой наряду со всѣми фарисеями. Но праведный Богъ сообщаетъ благословеніе мессіанскаго царства только праведному народу, между тѣмъ онъ и былъ и остается грѣшнымъ. А развѣ можно стать праведнымъ безъ прощенія? Развѣ праведный Богъ можетъ прощать безъ замѣщающей кровавой жертвы? Въ такомъ случаѣ не была ли таковою крестная смерть Иисуса — Мессіи? Не возвѣщаютъ ли гонимые имъ вѣрующіе каждый день, что Онъ умеръ за грѣхи наши? Не убѣждаютъ ли они его отъ священныхъ писаній, что эта смерть и была жертвою? Не разрѣшатся ли тогда всѣ терзанія сердца, если онъ согласится на эти увѣщанія,—всѣ пытки мыслящаго ума, если онъ усвоитъ этотъ принципъ со всѣми его слѣдствіями?³⁹⁾

Въ результатѣ получается удивительная метаморфоза: безпощадный досадитель оказывается смиреннымъ и внимательнымъ ученикомъ, безбожный хульникъ обращается въ благоговѣйнаго и искренняго читателя, испорченная воля становится доброю, черствое чувство фанатика пріобрѣтаетъ нѣжность довѣрчиваго ребенка... Вотъ поистинѣ неслыханное чудо, которое тѣмъ чудеснѣе, что не имѣетъ и основанія и оправданія! Оно производится школьными словопреніями о новыхъ догматахъ, но, развѣ они обнаруживаютъ такое очарованіе, не обязанъ ли былъ притѣснитель скорѣе подумать о силѣ обольщенія, найти въ немъ подтвержденіе своихъ антипатій, бѣжать отъ него съ ужасомъ отвращенія, подавлять его со всею злобой ненависти? Полагаемъ, что это было бы самымъ естественнымъ; впрочемъ, пусть будетъ возможнымъ и неестественное, ибо мы пока говоримъ лишь о еритическихкихъ предположеніяхъ.

Они созидаются на мысли, что въ эпоху гонительства Савль энергически дебатировалъ съ христіанами и охотно селонялся на ихъ убѣжденія⁴⁰⁾. Однако намъ извѣстно, что въ этотъ пе-

³⁹⁾ *Holsten* Zum Evangelium, S. 41. Cp. Prof. *A. Immer*, Neutestamentliche Theologie. Neue Ausgabe, Bern 1883. S. 209.

⁴⁰⁾ *Holsten* *ibid.*, S. IX: «Результатомъ нашего изслѣдованія было то заключеніе, что изъ борьбы съ первохристіанскою общиною объясняется фактъ христовидѣнія, а изъ формы этой борьбы, изъ тѣхъ идей, около которыхъ

рідъ онъ пылалъ ожесточенною яростію, и его аргументами были темница, пытки и кровь... Очевидное дѣло, что обстановка всего менѣе приличная для теоретическихъ бесѣдъ съ возраженіями и опроверженіями, недоумѣніями и разъясненіями⁴¹⁾. И невѣроятность подобныхъ сценъ богословскаго диспута еще возвышается отъ признанія, что именно „черезъ Стефана Павелъ пришелъ въ соприкосновеніе съ вѣрою въ Мессію—Исуса“⁴²⁾. Такую догадку мы находимъ не совсѣмъ правдоподобною⁴³⁾, но не въ этомъ важность. Она только неотразимѣе показываетъ, до какой степени невозможны были воображаемыя состязанія въ Савлѣ, который послѣ смерти первомученика „дышалъ угрозами и убійствомъ на учениковъ Господа“ (Дѣян. IX, 1). Равно не допустимы они и въ раннѣйшіе моменты его анти-христіанской горячки: При нихъ она лишилась бы самаго существеннаго содержанія и испарилась, не получивъ развитія. Когда допрашиваютъ и выслушиваютъ,—необходимо соучаствуетъ въ этомъ и нѣкоторая шаткость подозрѣнія, сколько бы мрачно оно ни было. Подкрѣпляется ли оно или разбивается,—это для насъ безразлично. Интересно лишь главное, что здѣсь въ самомъ исходѣ предполагается колебаніе, неувѣренность въ себѣ. Ясно безъ словъ, что они не могли служить мотивомъ для фактической нетерпимости, поелику не давали опоры для неумолимаго гонительства⁴⁴⁾. Не только въ философіи, но и въ жизни со-

она вращалась, съ необходимостію долженъ былъ вытекать принципъ Павлова Евангелія—въ „крестѣ Христовомъ“.

⁴¹⁾ П. А. *Hausrath* (Neutest. Z.—Geschichte II) считаетъ неяснымъ (bleibt dunkel), насколько Савль лично принималъ участіе въ диспутахъ по эллинистическимъ синагогамъ (S. 441), а потому признаетъ его категорически (S. 446), какъ еще *Ernst von Bunsen* (Die Ueberlieferung. Ihre Entstehung und Entwicklung. Zweiter Bnd, Lpzg. 1889. S. 50. 54) и Prof. *Walter F. Adeney* (The Theology of the New Testament, London 1894, p. 157—158), которые прямо допускаютъ, что Павелъ «былъ въ числѣ тѣхъ Кликиійцевъ, съ коими состязался Стефанъ». Тоже и † Prof. *Feston John Antony Hort* въ A Course Lectures: Judaistic Christianity, Cambridge and London 1894, p. 50.

⁴²⁾ *Holsten*, Zum Evangelium, S. 47. 14—15.

⁴³⁾ См. выше на стрн. 252—253.

⁴⁴⁾ Ср. Prof. *Willibald Beyschlag*, Die Bekehrung des Apostels Paulus, mit besonderer Rücksicht auf die Erklärungsversuche von Baur und Holsten erörtert въ «Studien und Kritiken» 1864, II, S. 243. Эта статья (S. 197—264) *Beyschlags* и его Eine Duplik gegen D. Holsten «Die Visionshypothese in

мнѣніе всегда бываетъ точкою отправленія для отысканія истины, а не для вражды къ ней. Тоже случилось бы и съ Павломъ съ тѣмъ неизбѣжнымъ заключеніемъ, что историческій образъ его, какъ опустошителя Церкви Божіей, будетъ абсолютною невозможностью, ибо мы вынуждались бы признать, что онъ билъ всѣхъ, не опредѣливши ихъ подлинной виновности. Такое пониманіе окончательно унижаетъ нравственное достоинство Савла и отрѣзываетъ всѣ пути къ его перерожденію въ идеаль моральнаго совершенства. И разъ говорится, что Павелъ—„чистый характеръ“⁴⁵⁾,—нельзя допускать въ немъ фанатически-зилотической ярости съ тенденціею къ уничтоженію самаго имени христіанскаго⁴⁶⁾.

Значить, для его ожесточенія не было побужденій; оно же фактъ неоспоримый и заставляетъ согласиться, что ученіеъ Гамалиила еще предъ своимъ появленіемъ въ активной роли „обидчика“ былъ принципиально настроенъ противъ христіанства⁴⁷⁾ и потомъ заботился единственно о его истребленіи. Для мнѣическихъ препирательствъ не было ни мѣста, ни времени, ни поводовъ. И мы видимъ, что уже при побіеніи Стефана Савль принимаетъ одежды палачей (Дѣян. VII, 58), дабы открыть имъ бѣольшую свободу для исполненія этой безбожной казни. Развязывая руки мучителей, онъ сознательно и убѣжденно соизволялъ имъ (Дѣян. VIII, 1), душевно былъ съ ними и за нихъ. Въ такомъ положеніи мнимые дебаты разрѣшились бы подобно спору архидіакона, что—при невозможности противостоятъ мудрости и Духу—его схватили и повели въ синедрионъ (Дѣян. VI, 9. 10. 12). Не имѣя основанія для своего возникновенія, гонительство Савла теряетъ всѣ ресурсы

ihrer neuesten Begründung» (ibid. 1870: I, S. 7—50; II, 189—263) принадлежатъ къ лучшимъ работамъ по разсматриваемому вопросу въ библейско-богословскомъ смыслѣ, единственно интересномъ для насъ, хотя авторъ нѣрѣдко сбивается на чисто апологетическій путь.

⁴⁵⁾ Die Apostelgeschichte nach ihrem Inhalt und Ursprung kritisch untersucht von Dr. *Eduard Zeller*, Stuttgart 1854, S. 200.

⁴⁶⁾ Kritisch-exegetischer Kommentar über das Neue Testament von Dr. *H. Aug. W. Meyer*. Dritte Abtheilung: Kritisch-exegetisches Handbuch über die Apostelgeschichte. Zweite Auflage, Göttingen 1854. S. 180.

⁴⁷⁾ Cp. Commentar über die Apostelgeschichte des Lukas von Pfarrer *C. Fr. Nösgen*, Lpzg 1882, S. 190—191.

и для продолженія, воль скоро новая религія была для него предметомъ вопроса, хотя бы въ связи съ подозрѣніями и предубѣжденіями. По словамъ защитниковъ психологической гипотезы, непосредственныя соприкосновенія Савла съ послѣдователями Христа сразу обнаружили, что ихъ святая и ерѣшкая вѣра обладаетъ и безусловно разумными основаніями. По крайней мѣрѣ для испытующей души пламеннаго фари-сея было оцутительно, что она не получаетъ пищи для дальнѣйшаго и тягостнаго для нея противоборства. Понятно, что вся лютость неизбѣжно погасала и—въ худшемъ случаѣ—смѣнялась пассивнымъ недоумѣніемъ. Опять кровавое преслѣдованіе, какое удостовѣрено историческими памятниками и не устранено критикой, лишается необходимаго матеріала для своего существованія.

Въ итогѣ получаемъ, что воображаемая духовная борьба, изъ которой объясняютъ видѣніе ⁴⁸⁾, не согласуется съ несомнѣнными фактами и чужда психологическаго оправданія. Если же ее допустить, то не будетъ Савла гонителя, почему не окажется и Павла Апостола. И это особенно неотразимо для отрицательныхъ писателей, потому что на мысли о состоязаніяхъ виситъ вся ихъ теорія внутренней трансформациі ревнительнаго зилота іудаизма въ покорнаго исповѣдника Распятаго.

Ложныя послышки неумолимо мстятъ за себя въ своихъ выводахъ, поелику при нихъ и эти не могутъ быть правильными. Посему мы спокойно принимаемъ критическія предваренія, чтобы тѣмъ нагляднѣе раскрыть непрочность всего зданія. Чтѣ пріобрѣлъ Савль при преніяхъ съ христіанами? „Онъ, конечно, боролся, не просто путемъ внѣшняго насилія, но также и оружіемъ своей всегда паходчивой діалектики. При этомъ ему по необходимости приходилось выслушивать и апологетическіе аргументы христіанъ. Въ ряду ихъ на первомъ планѣ была ссылка на явленія Распятаго въ пользу мнѣнія о чудесномъ воскресеніи Его по божественному всемогуществу. Что до страданій и смерти, то и по Писаніямъ они были не въ противорѣчій съ мессіанствомъ; скорѣе—наоборотъ: по смыслу про-

⁴⁸⁾ *Holsten, Zum Evangelium, S. IX 59.*

роческихъ предсказаній Мессія долженъ былъ страдать частію для своего собственнаго прославленія, частію для умилостивленія за грѣхи народа. Послѣдняя идея была слишкомъ отчетливо выражена въ словахъ пророка: «наказаніе мира нашего было на Немъ, и ранами Его мы исцѣлились» (Иса. LIII, 5). Правда, Исаія говоритъ объ идеальномъ Израилѣ, но насколько натуральнѣе и для народнаго пониманія вразумительнѣе было отнесеніе этого живого образа къ опредѣленной личности, а тогда—какъ близко лежало примѣненіе его къ страданіямъ и смерти Иисуса?! Къ кому лучше Его приложимо описаніе: «Онъ не открывалъ устъ Своихъ; какъ овца, веденъ былъ на закланіе и, какъ агнецъ предъ стригущимъ Его безгласенъ, Онъ не отверзалъ устъ Своихъ. Отъ узъ и суда Онъ былъ взятъ, но кто изъ современниковъ постигъ, что за преступленія народа Моего Онъ претерпѣлъ казнь? Ему назначили гробъ со злодѣями, но Онъ погребенъ у богатаго, потому что не сдѣлалъ грѣха и не было лжи въ устахъ Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Онъ предалъ Его мученію; когда же душа Его принесетъ жертву умилостивленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное, и воля Господня благоуспѣшно будетъ исполняться рукою Его... Я дамъ Ему часть между великими, и съ сильными Онъ будетъ дѣлить добычу за то, что предалъ душу Свою на смерть и къ злодѣямъ причтенъ, тогда какъ Онъ понесъ на Себѣ грѣхъ многихъ, и за преступниковъ сдѣлался ходатаемъ» (Иса. LIII, 7—10. 12). Мы въ правѣ думать, что указаніе христіанъ на данное пророчество, предрекавшее страданіе и воскресеніе Иисуса, на многихъ произвело одинаковое впечатлѣніе, какъ и на евнуха царицы Эѳіопской, которому изъяснилъ это мѣсто Филиппъ (Дѣян. VIII, 30 сл.)⁴.

Въ пользу воскресенія находились не менѣе авторитетныя свидѣтельства. „Если первоначально они и были употреблены переносно—о спасеніи благочестивыхъ и объ избавленіи народа Израильскаго отъ великихъ бѣдствій, то христіанское толкованіе ихъ о Мессіи Иисусѣ въ такой мѣрѣ соответствовало общепринятому методу изъясненія Писаній, что противъ его возможности ученикъ фарисеевъ Павелъ едва ли былъ въ состояніи сдѣлать принципиальное возраженіе... И этой

двойкой апологін—на основаніи явленій Воскресшаго и доводовъ отъ Писаній—нельзя было отвергать in abstracto, ибо несомнѣнны и возможность однихъ и убѣдительная сила вторыхъ: первое потому, что воскресеніе принадлежало къ фарисейскимъ догматамъ, а второе по той причинѣ, что подобный способъ библейской аргументаціи слишкомъ отвѣчалъ кореннымъ основамъ типическаго экзегезиса и долженъ былъ импонировать на Павла“. Затѣмъ: „фарисейство вѣрило въ непосредственную близость мессіанскихъ временъ спасенія, но они требуютъ для самого фактическаго откровенія народа праведнаго; однако въ дѣйствительности онъ не былъ праведнымъ и не подавалъ надежды, что въ будущемъ когда либо станетъ таковымъ въ фарисейскомъ смыслѣ, почему и въ этомъ пунктѣ, очевидно, была непримиримая антиномія. Какъ же быть? Не понять ли мессіанскую праведность иначе—въ качествѣ дара Божія чрезъ новое спасительное орудіе мессіанской умиловительной смерти? Если эти заключенія обрисовывались предъ фарисеемъ Павломъ, — а они для его мыслящаго разсужденія были самыми ближайшими,—то чаша его вѣсовъ уже сильно наклонялась въ сторону гонимой вѣры“⁴⁹⁾.

Въ концѣ концовъ притѣснитель направляется въ лагерь своихъ враговъ и усвоетъ всѣ ихъ воззрѣнія. „Даже мессіански невѣрующаго неумѣреннаго ревнителя отеческихъ преданій мы не можемъ мыслить безрелигіознымъ и ограниченнымъ умомъ. Его невѣріе было лишь объективнымъ, по

⁴⁹⁾ Prof. *Otto Pfeiderer*: *Der Paulinismus*, S. 9—13; *Das Urchristenthum, seine Schriften und Lehren* (Berlin 1887), S. 11—18. 20—22. 36—38. Этотъ писатель, считающійся первѣйшимъ научнымъ авторитетомъ по вопросамъ «павлинизма», касательно обращенія Савла всецѣло усвоетъ и сѣбно воспроизводитъ воззрѣнія Гольштеина, которыя положены и въ основу его генетическаго изображенія ученія св. Апостола (ср. *Das Evangelium des Paulus dargestellt von C. Holsten*, Thl I, Abthl. 1, Berlin 1880, S. VI). Поэтому сходныя мысли мы находимъ у *Пфлейдсера* и въ его *The Hibbert Lectures on the Influence of the Apostle Paul on the Development of Christianity*, delivered in London and Oxford, in April and May, 1884, translated by J. Fred. Smith (London 1885, p. 34—42) и съ довѣріемъ переданныхъ пофранцузски въ подробномъ изложеніи par *F.—C.—J. van Goens* въ статьѣ *L'apôtre Paul et le christianisme, d'après Pfeiderer* въ «*Revue de théologie et de philosophie*», 1886: III, p. 217—236; IV, p. 340—368; V, p. 440—456.

ничуть не субъективнымъ. Его невѣріе было вѣрою—только въ рамкахъ ортодоксально-національныхъ идеаловъ; его невѣріе было познаніемъ—только въ сферѣ принципа ортодоксально-національнаго міросозерцанія. Поэтому, разъ въ теченіе гоненія чрезъ соприкосновеніе съ содержаніемъ мессіанской (христіанской) вѣры объективное содержаніе его фарисейской вѣры, вслѣдствіе ихъ взаимнаго противорѣчія, пришло въ броженіе,—это вѣрующее невѣріе, не будучи невѣрующею вѣрой, могло достигнуть высшей духовно-внутреннѣйшей формы христіанскаго благочестія, высшей духовно-чистѣйшей формы христіанскаго познанія⁵⁰⁾.

Такъ при помощи діалектической работы изъ злѣйшаго противника Христа естественно вырастаетъ Его наилучшій исповѣдникъ. Теперь необходимо лишь разобрать, были ли вполне достаточныя, неустранимыя и даже „принудительныя“⁵¹⁾ побужденія отказаться отъ своего и принять чужое, доселѣ столь чудовищное и богохульное? Отвѣтъ дается простой и въ логическомъ отношеніи, кажется, безспорный. Исключительнымъ камнемъ преткновенія для ума Павла и соблазномъ для его сердца служила крестная смерть Господа. Она была неизгладимою печатью и фактическимъ знаменіемъ Его отверженія Иеговой и нагляднымъ доказательствомъ преступной призрачности Его мессіанскихъ притязаній. Но если Онъ воскресъ силою Божіей, это свидѣтельствуетъ, что Иисусъ — Помазанникъ и Его страданія будутъ цѣлесообразнымъ спасительнымъ средствомъ мессіанскаго избавленія.

Какъ ясно отсюда, первѣйшее мѣсто въ этой воздушной лѣствицѣ восхожденія отъ невѣрія къ вѣрѣ остается за фактомъ воскресенія, будто бы вызвавшимъ „безконечное душевное терзаніе“⁵²⁾. Насколько онъ былъ несомнѣннымъ для Савла въ примѣненіи къ личности Христа? Забудемъ пока, что онъ не имѣлъ ни расположенія, ни нужды прислушаться къ убѣжденіямъ гонимыхъ и душевно интересоваться

⁵⁰⁾ *Holsten*, *Zum Evangelium*, S. 48.

⁵¹⁾ *A. Hausrath*, *Neutest. Z.-Geschichte*, II, S. 446.

⁵²⁾ *Holsten*, *ibid.*, S. 109.

ими. Вычеркнемъ изъ памяти и то, что воскресшій Иисусъ былъ извѣстенъ ему давно и не могъ сейчасъ привлекать его особенное вниманіе съ вызовомъ на сокрушительныя размышленія. Пусть это открытіе будетъ достояніемъ его мысли, уже допускающей, что христіане не ошибаются и не обманываютъ. Разрѣшится ли и тогда „споръ“ въ пользу ихъ?—въ этомъ все дѣло.

Намъ указываютъ, что для молодого Тарсянина идея воскресенія теоретически была несомнѣнною, поелику она принадлежала къ кореннымъ истинамъ фарисейской школы. Слѣдовательно, онъ долженъ былъ *in abstracto* признать возможность возстанія Христова, чтобы потомъ логическимъ путемъ согласиться и на его дѣйствительность. Это соображеніе представляется вполне вѣроятнымъ, но лишь при томъ обязательномъ условіи, что въ обоихъ случаяхъ были совершенно тождественныя явленія, когда отъ одного неизбѣжно заключать къ другому. Еврейскіе писатели думаютъ, что именно это и было въ нашемъ примѣрѣ⁵³). Нѣтъ надобности входить во всѣ подробности предмета, и мы ограничимся самымъ ближайшимъ. Фарисеи твердо признавали воскресеніе мертвыхъ, и это ученіе было важною догматическою особенностію ихъ партіи. Однако по своему содержанію оно не было такимъ, чтобы *in concreto* оправдывать апостольскія свидѣтельства объ умершемъ Мессіи. Прежде всего, фарисейство отодвигало это событіе лишь къ эпохѣ по завершеніи нынѣшняго міропорядка къ концу дней (ср. Дан. XII, 13). Оно всецѣло относило его вѣку будущему (מָוֶן עָלָיו) и отрицало для אִיּוֹן עוֹתָם (הָיָה עָלָיו), гдѣ смерть безошадно похищаетъ свои жертвы, неумолимо повергая ихъ во мракъ шеола. Съ этой точки зрѣнія получаетъ истинное освѣщеніе и фарисейское мнѣніе. Въ немъ воскресеніе мыслится, какъ фактъ грядущаго мессіанскаго царства, а не явленіе теперешняго космическаго теченія. Посему оно и важно не само по себѣ, но просто въ ка-

⁵³) Urschrift und Uebersetzungen der Bibel in ihrer Abhängigkeit von der innern Entwicklung des Judenthums. Von Dr. Abraham Geiger, Rabbiner der Synagogen—Gemeinde Breslau. Breslau 1857. S. 130: «Вѣра первыхъ христіанъ въ воскресеніе мертвыхъ,—на что въ началѣ они ударили преимущественно по особому отношенію къ воскресшему Христу,—есть вѣра фарисеевъ».

чествѣ единственно возможнаго средства къ соучастію всего Израиля въ мессіанскихъ благахъ. Отсюда необходимо вытекаетъ, что у фарисеевъ воскресеніе мертвыхъ было только сопутствующимъ мессіанскому откровенію и всего менѣе одновременнымъ съ нимъ или предваряющимъ его⁵⁴). Тутъ все противно христіанской вѣрѣ и устраняетъ ее съ нетерпимостію религіознаго догматизма, потому что ниспровергаются всѣ его опоры, перепутываются всѣ сужденія, крушится вся его система. Здѣсь воскресеніе оказывается необычайнымъ феноменомъ, врывающимся насильственно въ строй преходящаго космоса и невозможнымъ въ немъ. Оно начало и условіе самой мессіанской славы, между тѣмъ— по раввинизму—должно быть результатомъ и дѣйствіемъ ея. По этой причинѣ оно и не допустимо, ибо для него еще не время и не мѣсто. Само собою ясно, что для него не находится и принципіальныхъ основъ, разъ не оказывается жизненнаго мотива въ наличности мессіанскаго спасенія. Наконецъ, и христіанское избавленіе будетъ непостижимою загадкой для фарисейскаго ума, который изъ него выводитъ воскресеніе, а не наоборотъ. Чтѣ это за новое мессіанское лѣто, созидающееся на разрушеніи, когда въ немъ торжество надъ послѣднимъ для всѣхъ?—съ подобною странностію не могла примириться ни іудейская совѣсть, ни школьная раввинская логика. *Въмъ, яко воскреснетъ (братъ мой) въ воскрешеніе, въ послѣдній день* (Ин. XI, 24):—эти слова благочестивой Марѣы выражали всю сущность чаяній Израиля по данному вопросу, рѣшенному твердо и безповоротно, отлившемуся въ стереотипную и неподвижную форму. И ничѣмъ нельзя было одушевить ее, поскольку она имѣла смыслъ лишь въ своей сферѣ и внѣ ея разбивалась въ дребезги. Для того требовался радикальный переворотъ всѣхъ понятій, гдѣ жизнь и смерть приобрѣтаютъ совсѣмъ иное значеніе. Нужно было и думать и чувствовать не попрежнему, чтобы вѣровать по-христіански, для чего обязательно возрожденіе, недоступное

⁵⁴) И самъ *O. Pfleiderer* замѣчаетъ (*Der Paulinismus*, S. 29), что св. Павелъ, стоя на почвѣ фарисейскихъ чаяній будущаго, ожидать воскресенія христіанъ при второмъ пришествіи Христовомъ.

для книжной мудрости Никодима. Главное же—необходимо было отказаться отъ всѣхъ обычныхъ мессіанскихъ представлений, потому что сказанный фактъ для нихъ былъ абсурдомъ, доколь они сохраняли свою силу. Естественно, что и ученики страшно недоумѣвали, *что есть еже изъ мертвыхъ воскреснути* (Мрк. IX, 9),—и это касалось не одного страданія Мессіи, но и возмѣщенія его въ превознесеніи. Посему Марія Магдалина тотчасъ подумала, что „унесли Господа изъ гроба“ (Ин. XX, 2. 13).

Такимъ образомъ христіанскія указанія на явленія Распятаго, какъ „перваго отъ воскресенія мертвыхъ“ (Дѣян. XXVI, 23), встрѣчали самый энергическій протестъ въ іудейскомъ сознаніи. Они предполагали нѣчто невозможное теперь, поелику оно было собственностію будущаго. Въ нихъ утверждалось, что невѣдомо-отдаленное стало паличною дѣйствительностію и находить для себя прочную почву. Въ такомъ случаѣ и согласіе съ ними не отдѣлимо отъ совпаденія по убѣжденіямъ, что Христосъ несомнѣнно Мессія. Безъ этого никакія очевидности не могли исторгнуть его изъ фарисейской души, которой приходилось пожертвовать собой,—и ради своего самосохраненія она готова скорѣе на богохульную ложь о кражѣ Спасителя (Мѡ. XXVIII, 12—13). Едва ли должно прибавлять, что ревнительный Савль былъ всего менѣе способенъ на этотъ подвигъ отреченія, поелику онъ напередъ вынуждался бы допустить истинность мессіанства въ Иисусѣ, а для него это былъ лишь „месить“, пока на немъ лежало „покрывало предубѣжденія и невѣдѣнія“⁵⁵⁾.

Ясно, что психологическая теорія уже мыслить заранѣе даннымъ, чтò хочетъ вывести. Лишенная всякаго теоретическаго вѣроятія, она не обладаетъ, конечно, и фактическимъ правдоподобіемъ. Для него нѣтъ хотя бы приблизительныхъ аналогій. Разумѣется, мы не оспариваемъ случаевъ воскресенія. Они составляли священное достояніе ветхозавѣтной исторіи и подрѣпляются въ новозавѣтной. Это было съ дѣтьми

⁵⁵⁾ (Rev.) *J(ohn) L(ewelyn) D(avies)*, Art. «Paul, the Apostle of Jesus Christ» въ *Dictionary of the Bible* edited by William Smith, vol. II (London 1863), p. 734a.

вдовицы Сарептской (3 Цр. XVII, 17—23) и Сонамитянки (4 Цр. IV, 20 сл.) и даже отъ костей Елисея (4 Цр. XIII, 21; ср. Сир. XLVIII, 14). Равно и христіанское преданіе съ особою торжественностію упоминаетъ о многихъ воскресшихъ въ моментъ смерти Господней (Мѡ. XXVII, 52. 53). Само собою понятно, что іудеи не отрицали принципиально воскрешеній дочери Іаира, Наинскаго отрока и Лазаря и, чуждые новѣйшихъ раціоналистическихъ нелѣпостей, *volens-polens* принимали ихъ, а народъ усматривалъ во Христѣ возставшаго пророка (Мѡ. XVI, 14 и ср. XIV, 2. Лк. IX, 7. 8). Не свидѣтельствуемъ ли это, что и воскресеніе Господа не должно было казаться фарисеямъ мифическою несообразностію? Не позволительна ли, по крайней мѣрѣ, его возможность? Но опять и здѣсь все дѣло во взаимномъ отношеніи обоихъ явленій, и только при ихъ абсолютномъ тождествѣ будетъ справедливымъ отвѣтъ утвердительный. Вотъ этого-то существеннаго элемента и не имѣется, безъ него же будутъ призрачны всякіе дальнѣйшіе выводы. Всѣ разсмотрѣнные факты говорятъ просто объ оживотвореніи тѣлъ, о чудесномъ возвращеніи умершихъ въ среду живыхъ. Въ нихъ мы видимъ единственно примѣры силы Божіей надъ вратами ада, обнаруженіе божественнаго всемогущества, свободно исторгающаго у шеола его плѣнниковъ. Однако это избавленіе было преходящимъ и ничуть не гарантировало воскресшихъ отъ общей для всѣхъ людей участи. На ряду со всѣми братьями и они должны были раздѣлить жребій всей земли и потомъ томиться во мракѣ преисподней до радостнаго дня возсіянія мессіанскаго царства. Посему въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ мы читаемъ лишь о приходѣ мертвыхъ (Лк. XVI, 30) на опредѣленный и ограниченный срокъ. Если позволительно неточное, но для нашей цѣли вполне удачное сравненіе,—мы сказали бы, что всѣ эти случаи то же, что исцѣленія тяжко больного, которому врачебное искусство обезпечиваетъ нѣкоторое продолженіе тѣлесной жизни. Больше этого ничего въ нихъ нѣтъ, какъ этого не признавали и фарисеи. А развѣ первохристіане мыслили о Распятѣ такимъ образомъ? Развѣ они проповѣдывали временное оживленіе, неразлучное отъ неизбѣжной копчины? Вся христіанская догматика рѣшительно вопіетъ противъ подобныхъ до-

гадокъ,—и намъ не требовалось бы тратить на опроверженіе даже двухъ словъ, если бы поклонники имманенціи не толковали дѣло по своему. Но отъ Апостола Петра мы слышимъ, что „Богъ воскресилъ Иисуса Назорея, расторгнувъ узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его“ (Дѣян. II, 24); затѣмъ „небо должно было принять Его до времени совершенія всего“ (Дѣян. III, 21), когда Онъ *также придетъ* (Дѣян. I, 11). Значитъ, Христосъ имѣетъ безусловную вѣчность по бытію, именно въ Своемъ воскрешенномъ и прославленномъ видѣ. Разъ это истинно, остается только присовокупить, что христіанское вѣрованіе было ересью для іудейской теологіи и неслыханнымъ богохульствомъ. Прибавимъ еще, что всѣ воскрешенія были знаменіями силы Божіей, но что знаменовало бы возстаніе Господне? Не разрушеніе ли всѣхъ фарисейскихъ убѣжденій, не оскорбленіе ли всѣхъ священныхъ порывовъ благочестиво-чающей души? И она была физически не въ состояніи отказаться отъ нихъ ради невѣроятныхъ свидѣтельствъ странныхъ для нея людей. Самое меньшее,—ихъ убѣжденіе будетъ печальнымъ обольщеніемъ.

Не иначе, конечно, разсуждалъ и Савль, поскольку и до обращенія ему была извѣстна та новая истина, *яко Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ* (Рим. VI, 9). Поэтому ему не приходилось много и долго задумываться надъ ежедневными и упорными возгласами гонимыхъ, что Распятый живъ и живетъ. Въ христіанскомъ смыслѣ они были для него безусловно ложны, какъ „последняя лестъ, горшая первой“ (Мѡ. XXVII, 64). Мы вполне согласны, что и на него должны были производить глубокое впечатлѣніе горячность и неизсякаемость этой христіанской вѣры, ея героическая мощь, не книжнаго простеца дѣлавшая побѣдоноснымъ сокрушителемъ всей раввинской премудрости, слабую женщину вдохновлявшая на подвигъ безтрепетнаго самопожертвованія. Все это правда, потому что и у разъяреннаго притѣснителя были глаза, но ничуть не вытекаетъ отсюда, чтобы онъ обладалъ теперь и духовнымъ прозрѣніемъ. Напротивъ, фарисейская изобрѣтательность весьма легко и просто справлялась даже съ этою неотразимостію. Вѣдь всѣ

рѣчи христіанъ сводились собственно къ тому, что Учитель имъ являлся, и это было ихъ горячимъ упованіемъ. Если за нимъ и скрывалось нѣчто фактическое, оно не было непременно дѣйствительнымъ. Припомнимъ сцену въ синедрионѣ непосредственно послѣ взятія Павла подѣ стражу въ Иерусалимѣ. Тогда онъ предсталъ въ качествѣ исповѣдника Воскресшаго и подсудимаго за чаяніе воскресенія мертвыхъ (Дѣян. XXIII, 6). Фарисеи всего менѣе склонны были принять это въ отношеніи ко Христу и однако допускали возможность, что „духъ или ангелъ говорилъ ему“ (Дѣян. XXIII, 9). Эта диллема была самою ближайшею и для гонителя Савла. Разъ вѣрующіе казались ему злыми преступниками, онъ не шелъ дальше признанія субъективной ихъ истинности. Съ объективной же точки зрѣнія ихъ рѣшительныя показанія развѣ подтверждали, что они—несчастныя жертвы козней лукаваго. Вся ихъ очевидность была лишь продуктомъ ухищреній сатаны, который, и по его мнѣнію, иногда *преобразуется во образъ Ангела свѣтла* (2 Кор. XI, 14). Это заключеніе было всего естественнѣе, когда и подавляющая осязательность чудесъ Христовыхъ для фарисеевъ значила только, что Спаситель находится въ тѣснѣйшемъ общеніи съ всевъзвудомъ, княземъ бѣсовскимъ. Не болѣе ли того подобное толкованіе было примѣнимо къ Его скромнымъ и неученымъ послѣдователямъ? Въ крайнемъ случаѣ, они убѣждены въ своихъ видѣніяхъ потому, что невѣжды въ законѣ и не постигаютъ своего заблужденія. Иудаистическіе памятники вполне оправдываютъ наше предположеніе, между тѣмъ они вышли изъ того лагеря, къ коему примыкалъ въ этомъ пунктѣ и зилоть—Савль. Въ нихъ мы читаемъ (Слем. ном. XVII, 16. 17): „Если кто изъ ангеловъ посылается къ человѣку, онъ принимаетъ плоть, дабы могъ явиться подѣ оболочкою плоти, а безплотно нельзя видѣть ни Сына, ни ангела; съ бѣмъ бывають видѣнія, они происходятъ отъ злого демона“, который сообщаетъ ихъ и идолопоклонникамъ и нечестивымъ; посему *οὐτως οὐ πάντως ἐκ τοῦ ὄραϊν τινα ὀράματα καὶ ἐνὸπνια καὶ ὀπτασίας πάντως εὐσεβῆς ἐστίν* ⁵⁶). Въ этомъ дана іудейская разгадка для различ-

⁵⁶ Migne, gr. ser. t. II, col. 400.

ныхъ примѣровъ тѣлеснаго явленія, какихъ совсѣмъ не требовалось даже при желаніи Савла оправдать христіанъ. Потому и Гольштенъ находитъ возможнымъ, что враги Апостола языковъ относили его Дамасское обращеніе къ демоническому очарованію ⁵⁷⁾, какъ Галаты его Евангеліе о воскресшемъ Сынѣ будто бы искушались приписывать сатанинской одержимости ⁵⁸⁾. При благопріятномъ расположеніи гонитель во имя своей догматики долженъ былъ сказать, что вѣрующіе ложно приняли докетическіе феномены за ожившаго Учителя ⁵⁹⁾. И намъ извѣстно, что эвѣониты (Слем. hom. XVII, 19) частію объяснили видѣнія Павломъ Іисуса гнѣвомъ Божіимъ и частію отрицали ихъ ⁶⁰⁾. Не удивительно, что и самъ онъ мыслилъ одинаково въ періодъ своего жидовствованія, въ которомъ для него все было понятно безъ насилія надъ своею іудейскою совѣстію ⁶¹⁾. Она оставалась спокойною и не имѣла побужденій тревожиться, почему для нея законно было возмущаться, что и оказалось въ дѣйствительности...

Послѣ этого распадается въ прахъ и разсѣваются окончательно всѣ психологическія предпосылки. Онѣ сами себя разрушаютъ, поелику Савлъ именно потому и не допускалъ воскресенія Христова, что раздѣлялъ фарисейскую идею воскрешенія мертвыхъ ⁶²⁾. Этотъ тезисъ имѣетъ роковую для „имманентной критики“ важность и касательно ея выводовъ въ примѣненіи къ факту страданій и смерти Мессіи. Онъ

⁵⁷⁾ *Holsten*, Zum Evangelium, S. 120 Anm. въ статьѣ «Die Messiasvision des Petrus».

⁵⁸⁾ *Holsten* *ibid.*, S. 86.

⁵⁹⁾ Ср. Dr. Pfarrer *Ludwig Paul*, Ueber die geschichtliche Beglaubigung einer realen Auferstehung Christi nach den neutestamentlichen Berichten въ «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie» VI (1863), S. 190—191.

⁶⁰⁾ *Migne*, gr. ser. t. II, col. 401.

⁶¹⁾ *W. Beyschlag* въ «Studien und Kritiken» 1870, I, S. 19 - 21. 33; II, S. 229 ff.

⁶²⁾ Посему св. *Ефрежъ Сиринъ* въ поясненіе вопроса гонителя «кто ты, Господи?» не безъ основанія влагаетъ (урп истолкованія Дѣян. IX, 3) въ уста Савла такія слова: «я преслѣдую Іисуса, Который находится среди мертвыхъ вмѣстѣ со Своими учениками». См. Extracts from the Armenian Version of Ephrem's Commentary on the Acts. Translated by F. C. Conybeare и напечатанныя у *J. Rendel Harris*: Four Lectures on the Western Text of the New Testament, London 1894, p. 43.

былъ величайшимъ соблазномъ, который прекращался для іудея лишь подъ условіемъ несомнѣнной истины, что Распятый засвидѣтельствованъ въ Своемъ мессіанскомъ достоинствѣ животвореніемъ десницею Божіей и есть помазанникъ Всевышняго, зиждитель славы и счастья Израиля. Наличие воскресенія служитъ необходимымъ предвареніемъ, чтобы возникло вниманіе къ христіанскимъ толкованіямъ мессіанскаго уничтоженія. Нѣтъ перваго — не будетъ и втораго. Поэтому никакія соображенія не могли склонять Савла къ мысли, что позорный крестъ долженъ быть престоломъ великаго Царя, а мрачная Голгова — подножіемъ ногъ Его. Для сего не было даже самой слабой опоры въ іудейскомъ сознаніи, и всѣ указанія въ этомъ смыслѣ совершенно призрачны ⁶³). Всмотримся въ строй аргументаціи, и мы увидимъ, насколько она фиктивна.

Обыкновенно разсуждаютъ, что „при спорахъ съ христіанами гонитель возражалъ имъ, что отверженный начальниками Израиля преступникъ не можетъ быть Мессіею Израилевымъ, но ему отвѣчали отъ Писанія: «камень, которымъ пренебрегли зиждущіе, сдѣлался главою угла». Если онъ говорилъ, что повѣшенный на древѣ — по закону — проклятъ, то ему выдвигали мѣсто изъ Исаи, гдѣ о рабѣ Господнемъ сказано, что на немъ лежало наказаніе за насъ и для нашего мира. Что подобное воззрѣніе на смерть Иисуса, какъ замѣняющее умиловительное средство, должно было производить впечатлѣніе на фарисея Павла, — это тѣмъ вѣроятнѣе, что оно совершенно соотвѣтствовало господствующему понятію фарисейской теологіи, по которому невинное страданіе правдеаго считалось благодѣтельнымъ умиловленіемъ за грѣхи народа. Конечно, фарисейство не распространяло этой теоріи на Мессію, поелику и вообще черты страдальчества не подходили къ его политическому мессіанскому идеалу. Однако разъ христіане дали мессіанское толкованіе словамъ Исаи, — съ точки зрѣнія фарисейской умиловительной теоріи нельзя было серьезно оппонировать по существу. Напротивъ, въ этой идеѣ фарисей находилъ себѣ разрѣшеніе трудности, жестоко-

⁶³) Ср. *Woldemar Schmidt*, Art. «Paulus, der Apostel, und seine Schriften» въ *Real-Encyclopädie von Herzog-Hauck*, XI-ter Bnd (Lpzg 1883), S. 362.

удручавшей его вѣру. Фарисеи ожидали тогда скорого пришествія Мессіи для избавленія угнетеннаго народа, а между тѣмъ у нихъ самымъ твердымъ предположеніемъ было, что лишь народъ праведный узритъ мессіанскіе дни. Гдѣ же этотъ праведный народъ, который бы вполне удовлетворялъ волѣ Божіей и былъ достоинъ посланничества къ нему Мессіи? Имѣли ли сколько нибудь замѣтные успѣхи всѣ судорожно напряженные усилія фарисеевъ привести народъ къ праведности? Не осуждали ли его сами они съ ожесточеннѣйшимъ презрѣніемъ, какъ «невѣждъ въ законѣ»? И совѣстливый фарисей, какимъ былъ Павелъ, не долженъ ли былъ сознаться о себѣ, что онъ всегда далекъ отъ предносившагося ему идеала праведности? Не чувствовалъ ли онъ, что вся его ревность о праведности не въ состояніи сломить противоборства грѣховныхъ наклонностей, но—скорѣе—раздражала и возвышала его? Что и въ фарисействѣ Павелъ дѣйствительно имѣлъ подобный опытъ и болѣзненно ощущалъ его, это мы съ увѣренностію заключаемъ по его позднѣйшему изображенію внутренняго раздора въ естественномъ человѣкѣ (Рим. VII, 7 сл.). Тѣмъ легче напрашивался и возбуждалъ его душу вопросъ: праведность мессіанскаго царства, поелику она не достижима собственнымъ усердіемъ нашимъ, не должна ли — въ такомъ случаѣ — исходить отъ Мессіи? Не вѣрнѣе ли думать, что она не столько условіе его пришествія, сколько цѣль и дѣйствіе? Невинное страданіе такого благочестиваго раба Господня, какимъ долженъ быть Иисусъ по изображеніямъ Его вѣрующихъ, не было ли—потому—богоучрежденнымъ средствомъ для сообщенія грѣшникамъ недостающей праведности въ качествѣ дара отъ Бога?⁶⁴⁾ Въ результатѣ соблазнъ креста Христова вытѣснялся благоговѣйнымъ преклоненіемъ предъ нимъ, и черствость сердца въ священномъ трепетѣ расплавлялась въ радостную восторженность отъ величія тайны искупленія⁶⁵⁾.

Этотъ анализъ подкупаетъ своею внѣшнею убѣдительностію и кажется основательнымъ, но онъ предполагаетъ,

⁶⁴⁾ O. Heiderer, Das Urchristenthum, S. 37—38.

⁶⁵⁾ См. также A. Hausrath, Der Apostel Paulus (Heidelberg 1865) S. 16—20. 28.

что и страданія—безвинны и страдалецъ—помазанникъ Божій. Такова логика христіанская, невозможная для фарисейской книжности, почему она и не работала въ Савлѣ. Значить, въ приведенной аргументаціи не все прочно, ибо въ ней есть смертельный пунктъ саморазложенія. Опъ дѣйстви-тельно данъ уже въ самомъ исходномъ началѣ всего построенія.

Послѣднее имѣетъ своимъ фундаментомъ категорическую истину, что праведный Мессія явится лишь праведному народу, между тѣмъ наблюденія окружающаго прямо устраняли всѣ надежды на приближеніе къ необходимой нормѣ хотя бы въ отдаленномъ будущемъ. Посему—или Избавитель не придетъ никогда, но это богохульный абсурдъ, или желанная правда всѣмъ даруется отвнѣ путемъ вмѣненія. Нужно согласиться, что иного исхода не было и не предвидѣлось, однако не оказывалось и надобности искать его въ уничиженіи Спасителя. Для того требовалось бы отказаться отъ всѣхъ понятій и объ немъ и о мессіанскомъ царствѣ, а этого не могло случиться безъ принудительной необходимости. И мы думаемъ, что для фарисея ея совершенно не существовало.

Вся іудейская праведность сводилась къ точному и строгому исполненію законническихъ предписаній во всемъ многообразіи формъ и нормъ. По такому своему характеру она обязательно постулировала къ знанію закона и усердію въ его адекватномъ примѣненіи. При этихъ условіяхъ она становилась несомнѣннымъ фактомъ, неоспоримымъ обладаніемъ каждаго. Вслѣдствіе этого не было принципиальныхъ препятствій и къ ея достиженію. Отсюда вытекаетъ, что по фарисейскому понятію праведники возможны. Дальнѣйшимъ шагомъ будетъ констатированіе ихъ наличности, послѣку не отрицаемо, что и законовѣдніе процвѣтало и благочестивая ревность пламенѣла ярко, при чемъ для раввинизма ученіе было даже выше исполненія ⁶⁶). Ясно, что праведность со-всѣмъ не утопія и не красивая мечта, а живая реальность,

⁶⁶) Paulus des Apostels Brief an die Römer in das Hebräische übersetzt und aus Talmud und Midrasch erläutert von Franz Delitzsch, Lpzg 1870, S. 76 (къ II, 13).

открытая всякому. По этой причинѣ среди избранныхъ Божіихъ она и не была невѣроятностію въ относительномъ смыслѣ ⁶⁷⁾. Такимъ образомъ уже на землѣ получалось соотвѣтствіе эмпирическаго съ идеальнымъ, достаточное ихъ совпаденіе ⁶⁸⁾. Но разъ это допущено, неизбѣжно выходило, что должны быть примѣры, гдѣ искомая грань превосходится, и человекъ дѣлаетъ больше мѣры ему положеннаго и для него потребнаго. Это своего рода сверхсмѣтный излишекъ ⁶⁹⁾, лично бесполезный и субъективно ненужный. Все же и его нельзя снять со счетовъ простымъ погашеніемъ. Этого абсолютно не позволяла фари́сейская система съ ея „арифметическимъ методомъ спасенія“ ⁷⁰⁾. Она всецѣло была построена на принципѣ строгаго возмездія, гдѣ всякій подвигъ обязательно оцѣнивался равною монетой. Возданіе было необходимымъ результатомъ законнической добродѣтели, и въ ней ничто не пропадало даромъ. Фарисей не понималъ праведности отъ вѣры въ вѣру (Римл. I, 17), когда она бываетъ внутреннею стихіей возрастающей души, саморазвивающеюся силой, которая работаетъ изъ себя безконечно, пока существуетъ, — укрѣпляется въ своей энергіи, расширяется въ

⁶⁷⁾ System der altsynagogalen palästinischen Theologie aus Targum, Midrasch und Talmud dargestellt von Pfarer Dr. *Ferdinand Weber*. Nach des Verfassers Tode herausgegeben (въ 1879 г. съ перемѣною только одной обложки) von *Franz Delitzsch* und *Georg Schnedermann* въ «Schriften des Institutum Judaicum in Leipzig» (II. Serie. Nr. 1) подъ заглавіемъ: Die Lehren des Talmud quellenmässig, systematisch und gemeinverständlich dargestellt. Lpzg 1880. S. 223. 224. 270 съ ограниченіемъ на стр. 231. Ср. и въ молитвѣ Манассіи (ст. 8): «Ты, Господи, не положишь покаянія праведнымъ, Аврааму, и Исааку, и Якову, *ne cogitavimus Teb*».

⁶⁸⁾ Ср. Apocalypsis Baruchi XIV, 12: *justi... habent apud te vim operum custoditam in thesauris; XXIV, 1... thesauri, in quibus justitia eorum qui justificati sunt in creatura collecta est* въ «Libri Veteris Testamenti pseudepigraphi selecti». Recensuit et cum commentario critico edidit *Otto Fridolinus Fritzsche*. Lipsiae 1871. P. 92. 97.

⁶⁹⁾ Выраженіе Prof. *Crawford Howell Toy* въ сочиненіи Quotations in the New Testament, New York 1884, p. 133.

⁷⁰⁾ Номизмъ превратилъ вѣру въ дѣло исполненія Торы (*F. Weber*, Die Lehren des Talmud, S. 295. 292), изъ אֱמוּנָה сдѣлать אֱמָנָה (ibid. S. 5). Ср. также замѣчанія у the late Bishop of Durham *J. B. Lightfoot* Saint Paul's Epistle to the Galatians (tenth edition, London 1890), p. 154—164: The words denoting «Faith» и The faith of Abraham.

своемъ объемѣ. Напротивъ, іудейская *δρακισμύη* была механическимъ упражненіемъ неключимаго раба въ „нагроможденіи внѣшнихъ дѣяній“ ⁷¹⁾, и въ ней всякое движеніе оказывалось заслугой. Ея девизомъ была юридическая формула (Egubin 22 a): „сегодня исполненіе заповѣди, завтра награда“ ⁷²⁾. Съ этой точки зрѣнія столпы законническаго благочестія приобрѣтали преизобильный запасъ доблестей въ качествѣ иска на Бога. И Всевышній не медлитъ Своимъ благоволеніемъ. Однако тутъ встрѣчается неожиданное затрудненіе, поскольку человекъ уже не нуждался въ воздаяніи и его капиталъ не подлежалъ приращенію. Это—избытокъ процентовъ, оплачиваемыхъ безпрестанно и увеличивающихъ общую сумму. Онъ излишенъ для владѣльца и естественно достается ближайшимъ недостаточнымъ послѣдникамъ. Въ сферѣ религіозно-моральной таковыми будутъ присные по вѣрѣ, которые не обладаютъ желательнымъ совершенствомъ. Ихъ немощи покрываются изъ мертвой сокровищницы другихъ и свободно обращаются въ идеальныя свойства.

Таковы воззрѣнія іудейства, и значеніе ихъ очевидно. Они не отрицаютъ грѣха, но умѣютъ побуждать его собственными ресурсами, рекомендуя благочестивыя упражненія. „Грѣхъ есть долгъ предъ Богомъ и не прощается безъ выплаты у Него не менѣе, чѣмъ и у гражданскаго судьи. Это положеніе, характеристическое для праваго взгляда, господственно проникало умиловительную теорію іудейской теологіи и было твердою и не требующею обоснованія аксіомой. Умиловленіе является исправленіемъ или возстановленіемъ, поелику оно заглаживаетъ причиненный вредъ и упорядочиваетъ нарушенныя отношенія къ Богу; въ то же время оно смягчаетъ гнѣвъ Божій и устраняетъ или отодвигаетъ наказаніе. Средствами для сего служатъ добрыя дѣла, уничтожающія виновность, и временныя страданія въ замѣну будущихъ. Но такъ какъ у большинства людей вина за грѣхи настолько преобладаетъ надъ заслугами добрыхъ дѣлъ, что послѣднія не могутъ истребить первой, то недо-

⁷¹⁾ Cr. H. Toy, Quotations in the N. T., p. 135.

⁷²⁾ F. Weber, Die Lehren des Talmud, S. 293.

статокъ однихъ покрывается избыткомъ другихъ путемъ зачета грѣшникамъ преизобильныхъ заслугъ выдающихся праведниковъ. Таковы прежде всего заслуги праотцевъ Израильскихъ; онѣ образуютъ наслѣдственный національный капиталъ, и процентами съ него пользуется каждый іудей въ силу своего происхожденія отъ первоначальныхъ владчиковъ. Затѣмъ этотъ капиталъ увеличивается присовокупленіемъ заслугъ позднѣйшихъ національныхъ святыхъ, каковы Моисей и пророки. Равно и современные праведники могутъ дѣйствовать спасительно своими заслугами, вмѣненіе коихъ способно избавлять цѣлое поколѣніе отъ заслуженнаго наказанія суда божественнаго, при чемъ объективное достоинство ихъ доблестей еще подкрѣпляется мощнымъ предстательствомъ предъ Богомъ. Какъ недостаточное исполненіе отдѣльныхъ іудеевъ покрывается зачисленіемъ имъ чужой праведности, такъ ихъ умилоостивляющія страданія восполняются вмѣненіемъ незаслуженныхъ страданій. Поелику же Израиль—организмъ и члены его солидарны между собою, здѣсь всякое невинное страданіе праведныхъ въ Израилѣ является умилоостивленіемъ за грѣхи всего народа“ ⁷³⁾.

Теперь ясно, что нравственная скудость велика; только она не безнадежна до такой степени, чтобы препятствовать окончательно открытію царства Мессіи. Разумѣется, грѣшныхъ всегда много было и не меньше ихъ будетъ впредь, но въ общемъ счетѣ они совершенно исчезаютъ среди свѣтилъ добродѣтели. Во всякомъ случаѣ потребная сумма заслугъ легко достигается и при крайнемъ невѣжествѣ черни, потому что она принадлежитъ къ избранному сѣмени и соучаствуетъ въ его богатствахъ ⁷⁴⁾. Для самихъ подвижниковъ они не

⁷³⁾ *O. Pfeleiderer*: Der Paulinismus, S. 22—23. 13. 78. 144—145; Das Uchristenthum, S. 164 fig.; The Influence of the Apostle Paul, p. 60—61.

⁷⁴⁾ Ср. къ сему *F. Weber*, Die Lehren des Talmud: S. 46 (восполненіе недостатка знанія Торы); 49 (усиленіе своей молитвы заслугами предковъ); 50. 292 (капиталъ добродѣтелей, выплачиваемый въ будущей жизни, и проценты, коими человекъ пользуется здѣсь—на землѣ); 53. 280. 313. 318 (святость праотцевъ—необходимое восполненіе для слабыхъ и [S. 56. 265] сообщаетъ всему Израилю характеръ непорочности, поелику [S. 282] это національное достоинство); 224 (смерть невинныхъ дѣтей избавляетъ грѣшныхъ родителей); 352 (умершіе въ Палестинѣ будутъ воскрешены ради заслугъ Моисея, погребеннаго за ея предѣлами именно съ этою цѣлію).

нужны и прямо переходятъ на ихъ братьевъ. Если праведность отца становится фамиліальнымъ достояніемъ, которое дочь и мужу приносить въ приданое ⁷⁵⁾, то не должно ли было національное наслѣдіе Израиля передаваться всѣмъ его сынамъ, коль скоро они проникнуты стремленіемъ къ законной святости и отмѣчены печатію завѣта? Господь готовъ былъ пощадить даже нечестивые города ради десяти праведниковъ (Быт. XVIII, 32): неужели Онъ не помилуетъ присныхъ чадъ Своихъ, гдѣ ослѣпительно сіяютъ поразительные образы воплощенныхъ доблестей? Но слово Его свято и непреложно, обѣщаніе вѣчно и потому хорошо обезпечено въ своемъ осуществленіи ⁷⁶⁾. Допустимъ теперь, что Савлъ дѣйствительно былъ занятъ вопросомъ объ условіяхъ наступленія мессіанской славы, — и тогда ему не было поводовъ смущаться при видѣ широкаго распространенія пороковъ, ибо они безслѣдно упраздняются заслугами князей и вождей Израильскихъ. Онъ не менѣе безсердечно и хладнокровно могъ исповѣдывать, что *народъ сей, иже не вѣсть закона, прокляти суть* (Іоан. VII, 49), ни на мгновеніе не тревожась за свои мессіанскія чаянія. Ближе всего—это просто побуждало бы его къ наибольшему усердію и горячей ревности, чтобы внести и свою лепту въ кассу Израильскихъ капиталовъ. А при совершенномъ отчаяніи въ себѣ у него было готовое утѣшеніе пророка Іліи, что Богъ соблюлъ еще достаточно не преклонявшихъ колѣна предъ Вааломъ ⁷⁷⁾. И раввинизмъ твердо вѣровалъ, что даже одинъ праведникъ смягчаетъ гнѣвъ Божій (Sanhedrin 103a), избавляетъ цѣлое поколѣніе (Ketthuboth 8b) и сохраняетъ міръ (Joma 37), между тѣмъ

⁷⁵⁾ *O. Pfeiderer*, Das Urchristenthum, S. 170; см. *F. Weber*, Die Lehren des Talmud, S. 284.

⁷⁶⁾ Въ своемъ *Essai de critique littéraire et théologique* подъ заглавіемъ «Les apocalypses juives» (Paris 1892) *Eugène de Faye* не безъ основанія полагаетъ (р. 112 et not.), что вся раввинская теорія оправданія и умпlostивленія имѣла національно-этическій интересъ—обезпечить спасеніе для всѣхъ членовъ дома Израилева.

⁷⁷⁾ Ср. *Liber Esdrae quartus VIII, 29*, гдѣ Салазіилъ проситъ Бога о помилованіи по вниманію къ тѣмъ, qui legem tuam splendide docuerunt у *O. Fritzsche*, Libri V. T. pseudepigraphi, p. 48, и у *Ad. Hilgenfeld*, Messias Judaeorum, libris eorum paulo ante et paulo post Christum natum conscriptis illustratus, Lipsiae 1869, p. 148.

Иегова клялся Аврааму (Pesikta 188a и ср. Beresch. rabba. с. 49), что всегда будетъ не менѣе 36 равныхъ ему на 18 тысячъ несовершенныхъ ⁷⁸⁾, хотя ихъ требуется только до 30 ⁷⁹⁾. Въ крайнемъ случаѣ для раввиновъ, умѣвшихъ вѣшать цѣлыя горы на волоскѣ ⁸⁰⁾, оставалось пригодное средство въ покаяніи ⁸¹⁾, которое было простымъ дѣломъ признанія своей вины ⁸²⁾, уничтожаемой путемъ вмѣненія ⁸³⁾ доблестями Мессіи ⁸⁴⁾.

При такихъ условіяхъ объективная картина Израильскаго несовершенства и неподготовленности къ мессіанскому спасенію столь ярко озарялась свѣтомъ сверхдолжной праведности святыхъ, что могла вселять лишь живую отраду и неложное упованіе на блистательное будущее даже въ самой ревнительной и пламенной іудейской душѣ. При этомъ не требовалось и папскаго посредства для свободнаго почерпанія изъ этого неизсякаемаго родника полною рукой, ибо зачисленіе производилось съ физическою необходимостію естественнаго наслѣдованія и съ безошибочностію ариѳметическаго дѣйствія. Разумѣется, при подобномъ настроеніи всѣ увѣщанія отъ Писаній не способны были поколебать Савла и ни мало не располагали его съ сердечнымъ интересомъ вдуматься въ чуждую фарисейскому уму идею страждущаго Мессіи ⁸⁵⁾. Для олицетвореннаго законника она была только

⁷⁸⁾ *F. Weber*, Die Lehren des Talmud, S. 315. 201. 278.

⁷⁹⁾ Мидрашъ Tanchuma къ параши Wajjêra § 13 у *F. Weber* *ibid.*, S. 49.

⁸⁰⁾ *F. Weber* *ibid.*, S. 134.

⁸¹⁾ *F. Weber* *ibid.*, S. 299. 334. Ср. *F. Delitzsch*, Brief an die Römer, S. 81—82 (въ V, 10).

⁸²⁾ *F. Weber* *ibid.*, S. 252. Ср. *A. Edersheim*, The Life and Times of Jesus the Messiah, vol. I (London 1884: second edition), p. 509.

⁸³⁾ *F. Weber* *ibid.*, S. 362. 384.

⁸⁴⁾ Достоинно вниманія, какъ понимали и высшіе и низшіе въ Израилѣ свое избавленіе, если они говорили, что Христосъ долженъ спасти Себя сошествіемъ со креста (Мѡ. XXVIII 40 сл.).

⁸⁵⁾ Ср. Prof. *Ernest D. Burton*, Saul's Experience on the way to Damascus въ «The Biblical World» 1893 (Chicago), I, p. 14—15. Spiritual Development of St. Paul by the Rev. *George Matheson*, Edinburgh and London 1892 (third edition), p. 34. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi von Prof. *Emil Schürer*, Bd II (Lpzg 1886), S. 466. The Jewish and the Christian Messiah: A Study in the Earliest History of Christianity. By *Vincent Henry Stanton*. Edinburgh 1886. P. 122—125.

злою нелѣпостію,—и единственнымъ отвѣтомъ на такое нечестіе съ его стороны было лишь неумолимое гонительство. Безъ сомнѣнія, эту опасность хорошо понимали и первейшія христіане, почему весьма не вѣроятно, чтобы названный аргументъ особенно выдвигался въ ихъ антиномистической полемикѣ и, пожалуй, скорѣе совсѣмъ отсутствовалъ. Примѣръ съ хранителемъ сокровищъ царицы Кандакинъ (Дѣян. VIII, 27 сл.) во всѣхъ отношеніяхъ выбранъ неудачно. Не говоримъ о томъ, что это эпизодъ очень темный, и на немъ нельзя созидать чего-либо прочнаго. Гораздо серьезнѣе другая черта. Прежде всего вельможа уже читалъ книгу Исаи и самъ давалъ Филиппу поводъ къ бесѣдѣ именно съ этого пророчества. Затѣмъ, послѣднее и *de facto* было удобною точкой опоры для христіанскаго просвѣщенія, поелику оно понималось не въ іудейскомъ духѣ и не въ фари́сейскомъ смыслѣ. Каженикъ недоумѣвалъ: *о себѣ ли, или о иномъ нѣкоемъ* (Дѣян. VIII, 34) говорится подъ образомъ необычнаго страдальца? Отсюда ясно, что все пророческое мѣсто имѣло въ его глазахъ чисто индивидуальный характеръ,—и въ этомъ отношеніи онъ безусловно отрицалъ раввинское толкованіе въ приложеніи къ идеальному Израилю, — къ совокупности всѣхъ сыновъ завѣта и лучшихъ между ними въ частности. Евнухъ былъ въ рѣшительномъ разладѣ съ іудействомъ по самому жгучему предмету мессіанскихъ чаяній. Здѣсь невольно закрадывается мысль, что, находясь со своею повелительницей въ Іерусалимѣ, ея спутникъ подвергся тамъ благотворному христіанскому вліянію и разсматривалъ пророчественныя предреченія подъ новымъ угломъ зрѣнія. Почва была вполне готова раньше, и Филиппъ только воспользовался этимъ счастливымъ случаемъ для своего благовѣстія. Потому онъ и не утверждался на Исаи всецѣло и исключительно; это было просто пунктомъ отправленія для его проповѣди. Она „началась отъ сего писанія“ (Дѣян. VIII, 35), прежде затронувшаго сердце царедворца, но могла продолжаться и иначе. По крайней мѣрѣ вѣрно, что эіоплянинъ ничуть не напоминалъ Савла—гонителя.

Помимо того мы думаемъ, что пророчество Исаи и вообще не занимало преимущественнаго положенія въ первохристіан-

ской апологетикѣ. Собственное прошлое непосредственныхъ учениковъ Господнихъ необходимо внушало имъ особенную осторожность въ пользованіи этимъ и подобными пророчесственными свидѣтельствами. Слово крестное, дѣйствительно, было тяжкимъ и невыносимымъ соблазномъ для іудейской совѣсти, которая не могла ни постигнуть его существа, ни примирить его со своими священными идеалами. Поэтому и Спаситель упоминалъ о Своихъ страданіяхъ рѣдко и предоставлялъ разъясненіе ихъ живому и неотразимому опыту, когда въ апостолахъ возникали прямые запросы на данную тему. Но всякій разъ, какъ Онъ намекалъ на Свои грядущія страсти, душа Его избраннѣйшихъ послѣдователей приходила въ болѣзненное смятеніе. Ей наносился этимъ жестокой ударъ, и она физически протестовала противъ такой невозможности, доходя въ порывѣ своей искренности до сатанинской искусительности. Посему даже послѣ воскресенія ученики оказывались иногда несмысленными и косными сердцемъ до непониманія мессіанскихъ предвѣщаній (Лк. XXIV, 25. 27), и Христосъ долженъ былъ отверзать умъ къ уразумѣнію Писаній (Лк. XXIV, 45).

Все сказанное неотразимо убѣждаетъ, что едва ли пророческое обоснованіе идеи страждущаго Мессіи было первѣйшимъ догматомъ апостольскаго благовѣстія. Но и это еще не все. Господь является для насъ Искупителемъ потому, что, будучи божественнымъ Сыномъ, спасаетъ грѣховное челоуѣчество Своимъ крестнымъ подвигомъ. Послѣдній служить завершеніемъ всего мессіанскаго дѣла, которое къ нему направляется, имъ заключается и въ немъ получаетъ свой полный смыслъ. Страданіе служитъ необходимымъ моментомъ мессіанскаго избавленія, его главнѣйшею производящею причиною. Въ этомъ случаѣ христіанамъ предстояло утвердить, что Голговское шествіе есть единственно истинный путь великаго Царя. Только тогда и мысль о крестной жертвѣ, какъ обязательномъ условіи возвеличенія Сіона, не была бы несокрушимымъ опроверженіемъ мессіанства Господа. Однако весьма сомнительно, чтобы въ такомъ видѣ она господствовала въ первенствующей Церкви, коль скоро ученики долго не постигали, что Христу надлежало сначала пострадать и

потомъ войти во славу Свою (Лк. XXIV, 26). Наличныя извѣстія не даютъ достаточнаго права на такое заключеніе. Не много нужно всматриваться въ нихъ, и мы увидимъ, что всѣ разсужденія по этому предмету разрѣшались единственно *оправданіемъ* крестнаго таинства. Господствующею формулой по этому вопросу было правило, что „подобало скончаться писанію“ и что смерть Іисуса не противорѣчитъ ему. Она—фактъ, имѣющій за себя библейское извиненіе, и произошла „по опредѣленному совѣту и предвѣдѣнію Божию“ (Дѣян. II, 23), была допущена волею Всевышняго, почему и совмѣстима съ нею. Потому мотивъ къ ней кроется не въ самомъ существѣ мессіанства, которое не требовало ея непременно. Цѣль была бы достигнута и безъ крови непорочнаго Агнца, если бы не прискорбное стеченіе тяжелыхъ обстоятельствъ въ невѣріи и окаменѣніи Израиля. „Вы взяли Его и, пригвоздивъ руками беззаконныхъ, убили“ (Дѣян. II, 23), „отреклись отъ Святаго и Праведнаго“ (Дѣян. III, 14), будучи „родомъ развращеннымъ“ (Дѣян. II, 40), — говоритъ Апостоль Петръ, называя главными виновниками начальниковъ и старѣйшинъ Израильскихъ (Дѣян. III, 17. IV, 10 и ср. 8. V, 30). Страданіе Христа — Мессіи — несомнѣнно, но его ближайшее объясненіе въ жестоковѣности сыновъ завѣта. Это преобладающая и принципиальная точка зрѣнія вдохновенной рѣчи Стефана, и онъ категорически примѣняетъ ее ко всей іудейской исторіи отъ призванія Авраама. Она всецѣло покоится и держится на неограниченной милости божественной, — и тѣмъ не менѣе блескъ этихъ благостей Творца не просвѣтилъ поврежденнаго грѣхомъ глаза. Наоборотъ, онъ вызвалъ лишь отпоръ болѣзненнаго раздраженія. Въ результатѣ получилась мрачная картина сплошнаго богоборчества съ естественнымъ увѣнчаніемъ ея въ богоубійствѣ. „Жестоковѣные! люди съ необрѣзанымъ сердцемъ и ушами! Вы всегда противились Духу Святому, какъ отцы ваши, такъ и вы. Кого изъ пророковъ не гнали отцы ваши? Они убили предвозвѣстившихъ пришествіе Праведника, Котораго предателями и убійцами сдѣлались нынѣ вы“ (Дѣян. VII, 51—52). При такомъ положеніи и Христосъ долженъ былъ пострадать на ряду со Своими предтечами, потому что это было прямо

неизбѣжнымъ дополненіемъ мѣры Израильскаго беззаконія и нечестія. Разумѣется, этотъ актъ былъ не безъ соизволенія божественнаго. Даже неоспоримо, что его предопредѣлила рука Всевышняго и совѣтъ Его (Дѣян. IV, 28), но тутъ было только осуществленіе псаломскаго предреченія о возстаніи царей земныхъ и князей на Господа и на Христа Его (Дѣян. IV, 26 — 27). Въ этомъ именно смыслѣ Богъ предвозвѣстилъ устами всѣхъ Своихъ пророковъ пострадать Мессіѣ, что и осуществилъ (Дѣян. III, 18).

Соображая все изложенное, мы находимъ, что крестный подвигъ всего больше мотивируется виною народа іудейскаго, крайнимъ огрубѣніемъ его невѣдѣнія. И самъ св. Павелъ усматриваетъ въ немъ исполненіе грѣховъ своихъ всегда тѣми, которые убили и Господа Іисуса и Его пророковъ, и его изгнали и Богу не угождаютъ, и всѣмъ чело-вѣкамъ противятся (1 Тессал. II, 15—16). При подобномъ пониманіи идея страждущаго Мессіи не могла быть основною Его чертой и являлась неизбежною единственно по обстоятельствамъ дѣла, по несовершенству и косности людской. Смерть Христова вносится въ божественный планъ не по принципиальной неотвратимости, а развѣ лишь по вниманію къ правамъ чело-вѣческой свободы, ибо она не измѣняется насильственно. Тогда скорбныя пророческія предсказанія объясняются фактическимъ служеніемъ Мессіи въ непригодныхъ условіяхъ времени, но они не комментируются прямо по отношенію къ Его лицу. Въ нихъ Голгоеская жертва пріобрѣтаетъ неоспоримое оправданіе, и все же оно ничуть не равняется догматическому ея обоснованію изъ идеала мессіанства, каковое само по себѣ безстрастно и оказалось инымъ — главнѣе всего — по чело-вѣческой развращенности. Однимъ словомъ, страданіе есть внѣшній и привходящій моментъ мессіанскаго подвига и съ этой стороны не было неожиданностію, поелику предусматривалось пророческимъ прозрѣніемъ.

Отсюда слѣдуетъ, что для первенствующихъ христіанъ пророчества служили преимущественно къ защитѣ факта, почему и этотъ не былъ необходимымъ мессіанскимъ элементомъ. И едва ли позволительно колебаться, что подобныя

апологетическія убѣжденія были далеко не достаточны для зилотически ослѣплѣннаго Савла. По своему коренному значенію они гласили не болѣе того, что Господь—Мессія, *хотя* Онъ и умеръ, или *не смотря* на крестныя поруганія. Явное дѣло, что здѣсь мессіанское достоинство мыслилось уже дапнымъ во Христѣ; оно предполагалось независимо отъ Его голговецкаго уничтоженія и было настолько прочнымъ, что послѣднее теряло свою соблазнительную остроту, сглаживалось въ своей рѣзкости и не потрясало общаго понятія о Назаретскомъ Учителѣ. Его должно было имѣть раньше въ качествѣ неизгладимаго достоянія ума и сердца,—и только тогда крестъ переставалъ быть камнемъ преткновенія для благочестивой совѣсти. Въ этомъ и вся важность. Но у насъ нѣтъ ни малѣйшаго права и реальной опоры такое непоколебимое расположеніе къ Спасителю усвоить гонителю фарисею, не терпѣвшему простыхъ упоминаній о Распятѣ. Естественно, что для него не существовало и поводомъ примирять страданія съ мессіанскимъ образомъ, который рисовался ему совѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Нужно было отказаться отъ прежнихъ надеждъ, а гдѣ для сего достаточныя причины? Ихъ всего менѣе Савлъ могъ находить въ христіанской аргументаціи. Она покоилась исключительно на обвиненіи Израиля во всей его совокупности и скорѣе должна была распалить злобу пламеннаго Тарсянина. Ему было противно и оскорбительно слышать такую хулу на избранниковъ Божіихъ, если для него являлись священными даже частныя традиціи фарисейской школы. Это было бы поправіемъ и отверженіемъ всѣхъ божественныхъ законовъ, но они непреложны, потому что дарованы Іеговой и Имъ направляются къ фактическому завершенію. Поэтому въ глазахъ Савла дѣйствительное несовершенство народа не свидѣтельствовало о его окончательной извращенности, способной и готовой на богоубійство. Теперь неизбѣжнымъ итогомъ было полное согласіе гонителя съ первосвященникомъ, видѣвшимъ въ новомъ ученіи стремленіе навести на вождей Израильскихъ кровь челоуѣка того (Дѣян. V, 28). Обязательно далѣе, что пророчество Исаи теряло для него убѣдительную силу. Во всякомъ случаѣ оно не было для

него мессіанскимъ въ христіанскомъ духѣ ⁸⁶). Подобное значеніе онъ получало лишь при утвержденіи мессіанства самыхъ страданій, которыя и для вѣрующихъ были какъ бы роковою случайностію въ экономіи божественнаго попеченія. Коль скоро они относились всецѣло на счетъ натурального богоборчества народа Израильскаго, а Савль хотѣлъ быть лишь его наилучшимъ членомъ,—всѣ увѣщанія этого рода дѣйствовали на него обратно, поелику отнимали у него цѣль всѣхъ его благочестиво-искреннихъ усилій, подрѣзывали самый нервъ его духовно-религіозной жизни, убивали его моральную личность разомъ и навсегда. Допустить этого онъ не могъ, не жертвуя собою ради сомнительныхъ вѣрованій немногихъ упорныхъ мечтателей. Они были бы просто жалки въ своемъ заблужденіи, но оказываются уже преступниками, когда сообщаютъ ему пророческую санкцію. И Савль пребывалъ непреклоннымъ въ своемъ исконномъ воззрѣніи, что Исаія говоритъ объ идеальномъ Израилѣ, удрученія коего будутъ спасительны для слабыхъ и немощныхъ братьевъ и служить прочнымъ залогомъ откровенія мессіанской славы, обогащая сокровищницу національныхъ добродѣтелей ⁸⁷). Онъ

⁸⁶) Даже *O. Pfeleiderer* соглашается (*Das Urchristenthum*, S. 171), что «о замѣстительныхъ страданіяхъ и смерти Мессіа древне-синагогальная теологія ровно ничего не знала; поелику же 53-я гл. Исаія примѣнялась къ Мессіи, тут находили только просьбу его (Мессіи) за грѣшный народъ, каковая (просьба) обезпечивалась ему отъ Бога его праведностію,—пожалуй, испытательное страданіе, въ которомъ и онъ пужался для своего нравственнаго совершенства и заслуженности, даже для удовлетворенія за свою недостаточность».

⁸⁷) Должно прибавить еще, что даже индивидуальное истолкованіе пророчества Исаія не ведетъ непременно къ мессіанскому его пониманію, если Кн о б е і л и многіе другіе съ *Prof. Charles Aug. Briggs* (*Messianic Prophecy. The Prediction of the Fulfilment of Redemption through the Messiah. A Critical Study of the messianic Passages of the Old Testament in the Order of their Development. Edinburgh 1886. P. 356, a*) въ стг. 4—11 видятъ то *individuum vagum* (Землеръ), то изложеніе собственныхъ страданій пророка или пророковъ: ср. *Historia Revelationis Divinae Veteris Testamenti scriptore Prof. Josepho Danko, Vindobonae 1862, p. 396 sqq.* *Die Propheten und ihre Weissagungen. Eine apologetisch-hermeneutische Studie von A. Tholuck. Gotha 1860. S. 158. 148.* Вообще по сему предмету см. у проф. *И. Н. Корсунскаго*, *Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завета*, Москва 1885, стрн. 301, з. *Prof. E. W. Hengstenberg*, *Christologie des Alten Testament und Commentar über die messianischen Weissagungen*, Bnd II, Berlin 1855 (zweite Ausgabe), S. 355—

находилъ ихъ въ другихъ и самъ съ лихорадочною напряженностію старался воплощать въ себѣ, — и пока это настроеніе господствовало въ немъ, пока покрывало національныхъ предразсудковъ горделиваго самомнѣнія лежало на его глазахъ, пророчество „ветхозавѣтнаго Евангелиста“ оставалось для него безгласнымъ и непросвѣщающимъ. Для

360. Dr. *Heinr. Andr. Christ. Hävernick's* Vorlesungen über die Theologie des Alten Testaments herausgegeben von Dr. *Heinr. Pahn*. Mit einem Vorworte von Dr. *J. A. Dörner*. Zweite Auflage, mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegeben von Dr. *Hermann Schultz*. Frankfurt a. M. & Erlangen 1863. S. 235 flg. The Rev. *T. K. Cheyne*, *The Prophecies of Isaiah*, vol. I (London 1880), p. 252. 253 и vol. II (*ibid.* 1881), p. 43. 194—200. Проф. *И. Г. Троицкаго* Толкованіе на книгу св. пророка Исаія (главы XLIX—XLVI, что составляетъ X-й вып. «Толкованій на В. З., издаваемыхъ при Спб. Д. Академіи»), Спб. 1895. стрн. 830—833. Отсюда слѣдуетъ, что не совсѣмъ твердо и просто мессіанское разумѣніе идеи «раба Іеговы» у іудеевъ въ до-христіанскую эпоху, на чемъ излишне настаиваетъ *V. H. Stanton*, *op. cit.*, p. 125—126. Но уже совершенно спорно, будто съ нею древняя синагога прямо связывала мысль о страданіяхъ Мессіи въ томъ видѣ, какъ это развито у *Dr. Aug. Wünsche*, *Die Leiden des Messias in ihrer Uebereinstimmung mit der Lehre des Alten Testaments und den Aussprüchen der Rabbinen in den Talmuden, Midraschim und andern alten rabbinischen Schriften*, Lpzg 1870 (ср. *Hengstenberg* II, S. 349—355, и *Троицкій* I с.). Во-первыхъ, такое воззрѣніе, кажется, позднѣйшаго происхожденія и обуславливалось разными историческими вліяніями, достаточно отмѣченными и освѣщенными у *Prof. W. Baldensperger* (*Das Selbstbewusstsein Jesu im Lichte der messianischen Hoffnungen*. Zweite Auflage, Strassburg 1892. S. 144—151. Ср. *An Introduction to the Study of the Gospels by Brooke Foss Westcott*, бывш. Bishop of Durham, Lond 1889 [sevent edition], p. 145, n. 6, и *Hävernick's op. cit.*, S. 265); затѣмъ, и по своему смыслу оно существенно отличалось отъ христіанскаго, ибо допускало страданія не искупительныя, но умилостивительныя—для спуска божественнаго благоволенія народу сверхдолжными заслугами: см. у *Prof. Cr. H. Toy* въ его *A Sketch of the Progress of Thought from Old Testament to New Testament* подъ заглавіемъ «Judaism and Christianity», Boston 1891, p. 280. 330 and not. 2, и *E. Schärer*, *Geschichte des Volkes Israel* II, S. 464—466. Въ этомъ отношеніи крайне характерно истолкованіе Псевдо-Іоаннана, о которомъ *H. A. Ch. Hävernick* совершенно несправедливо думаетъ (*Handbuch der historisch-kritischen Einleitung in das Alte Testament, erster Theil, zweite Abtheil.*, Erlangen 1837, S. 81), будто er erkennt die Beziehung der St. Jes. 53 auf den Messias, und nimmt einen leidenden und büssenden Messias. Напротивъ, страданія Христа онъ допускаетъ лишь въ смыслѣ наказанія іудейскаго народа (ср. *Wescott op. cit.*, p. 125), почему всѣ скорбныя черты «раба Іеговы» (Иса. LII, 14. LIII, 2 сл.) настойчиво относятъ къ послѣднему и только выраженія на счетъ его могущества и возвышенія (Иса. LII, 13. 15. LIII, 14 сл.) примѣняютъ къ Избавителю (см. *Wissenschaftliche Kritik der evangelischen Geschichte. Ein Compendium der gesammten Evangelienkritik mit*

истиннаго своего уразумѣнія оно требовало наличности вѣры и убѣжденія, что христіанская исторія есть единственно правильное его истолкованіе. Собственныя воспоминанія Апостоловъ — помимо всякихъ теоретическихъ разсужденій — неотвратимо склоняли ихъ къ сдержанности въ такомъ раскрытіи Голгоѣскаго таинства, почему они не выдвигали его съ рельефностію ⁸⁸). Потому же и Савль не вынуждался къ христіанству этимъ путемъ, бывшимъ для него прямою дорогою къ гибели. И мы встрѣчаемъ поразительное явленіе, что скорбно-величественная картина Исаи совершенно замалчивается у св. Павла ⁸⁹), и онъ ограничивается легкими указаніями на нее (Рим. X, 16=Иса. LIII, 1) совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, не говоря ни слова „о рабѣ Іеговы“ ⁹⁰). Все это было бы не постижимомъ странностію, если бы данное предреченіе было базисомъ христіанскаго возрожденія Савла, главнѣйшею опо-

Berücksichtigung der neuesten Erscheinungen bearbeitet von *Joh. Heinr. Aug. Ebrard*, Frankfurt a. M. 1842, S. 852—853. Das Judenthum in Palästina zur Zeit Christi. Ein Beitrag zur Offenbarungs—und Religions—Geschichte als Einleitung in die Theologie des N. T. von Dr. Prof. *Joseph Langen*. Freiburg im Breisgau 1866. S. 423. 424 u. Anm. 47). Не удивительно теперь, что іудейское преданіе не чуждалось прилагать пророческія слова «ветхозавѣтнаго Евангелиста» къ своимъ праведникамъ, говоря, напр., что «р. Іуда 13 лѣтъ страдалъ зубами, и за это время (ни одна родильница) во Израилѣ (не умерла и) ни у одной женщины не было выкидыша, какъ написано у Иса. 53 (4): но онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ наибъ болѣзни» (въ тр. Kilaim Jerus. f. 32, c. 2 у Dr. *A. Tholuck* въ Zwei Beilagen zu dem Kommentare zum Briefe an die Hebräer: Das Alte Testament im Neuen Testament. Ueber die Citate des Alten Testaments im Neuen Testament und Ueber den Opfer- und Priesterbegriff im Alten und Neuen Testament. Dritte Auflage, Hamburg 1849. S. 21. Sanhedrin 39a и Tanchuma. Wajechi 3 у *F. Weber*, Die Lehren des Talmud, S. 314), а новѣйшій его выразитель и защитникъ—Dr. *M. Friedländer* считаетъ «помраченіемъ іудейскихъ ученыхъ, что они начали (Sanhedr. 93 b. Sukkah 52a. Jalkut Jes. 44. 60 и др.) фантазировать о страданіяхъ Мессіи» (Patristische und talmudische Studien, Wien 1878, S. 121 flg.).

⁸⁸) Въ устраненіе этого *J. Stalker* (The Life of St. Paul, p. 54) ссылается, будто «Стефанъ доказывалъ отъ Писанія, что Мессіи должно пострадать», но это совершенная неправда.

⁸⁹) Die Heilsbedeutung des Todes Christi. Biblisch-theologische Untersuchung von Prof. *Ernst Kühl*, Berlin 1890, S. 118—119. Ср. *W. Beyschlag* въ «Studien und Kritiken» 1870, S. 19a. 259.

⁹⁰) Ср. *H. Toy* находить (Quotations in the N. T., p. 135) отголосокъ Иса. LIII, 12 въ Римл. IV, 25, но такое соотношеніе не указано даже слабо и не требуется для мысли съ необходимостію.

рой его религіознаго переворота, повлекшаго за собой измѣненіе всего его самосознанія ⁹¹⁾).

И всего труднѣе было ожидать столь рѣшительнаго перелома отъ пророчественной аргументаціи. Наше теперешнее отношеніе къ ней—не примѣръ и не образецъ для фари-сея. На то были важныя историческія причины. Дѣло въ слѣдующемъ. Со времени тяжелыхъ потрясеній съ крайнимъ униженіемъ, до окончательнаго крушенія всякой доброты въ Израилѣ, въ немъ все сильнѣе и сильнѣе вкоренялось убѣжденіе, что онъ не достоинъ обѣтованной славы. Она отодвигалась въ даль невѣдомаго будущаго, а мессіанскія упованія оказывались просто запросомъ жаждущаго сердца, переставъ быть догматомъ вѣры. Но чѣмъ живѣе и отраднѣе они были для души, тѣмъ энергичнѣе обрисовывалась нужда въ личномъ совершенствѣ, какъ единственно обязательномъ для ихъ полнаго осуществленія. Незамѣтно, хотя и неотвратно, мессіанскіе идеалы роковымъ образомъ подчинились морально-юридическимъ требованіямъ. Съ ихъ исполненіемъ причинно связывалось и мессіанское откровеніе въ качествѣ естественнаго слѣдствія ⁹²⁾. Понятно, что тогда всѣ помыслы сосредоточивались на средствахъ къ достиженію праведности, которая являлась исключительнымъ залогомъ мессіанскаго торжества. Центръ тяжести переносится на человѣка и утверждается на его самобытной моральной работѣ. Въ свою очередь эта получаетъ предъ Богомъ юридическую цѣнность лишь при условіи воплощенія Его нормъ, отъ Него исходящихъ и къ Нему возвращающихся за соотвѣтственной компенсаціей. Тутъ неизбѣжно выдвигается на первый планъ законъ Моисеевъ, пріобрѣтая характеръ первѣйшаго мессіанскаго предваренія ⁹³⁾. Въ іудействѣ водво-

⁹¹⁾ Christenthum und Kirche in der Zeit der Grundlegung. Von † Joh. Jos. Ign. von Döllinger. Zweite Auflage, Regensburg 1868. S. 89.

⁹²⁾ F. Weber, Die Lehren des Talmud, S. 266: «законъ и его исполненіе—великое спасительное средство, какое дало Богомъ Израилю», почему въ номизмѣ и «все ученіе объ оправданіи сводилось къ ученію о соотвѣтственной наградѣ» (S. 268).

⁹³⁾ F. Weber, *ibid.*, S. IX: «законъ становился (въ іудействѣ) единственнымъ религіознымъ принципомъ». Ср. еще прим. 96 на стр. 288.

ряется крайній номизмъ съ „царствомъ книжниковъ“⁹⁴⁾, ибо „во второй (послѣпльннй) теократіи они были нервами души, которую составляла Тора“⁹⁵⁾. Законничество направляется къ всецѣлому воплощенію всѣхъ предписаній во всей ихъ дробности и пунктуальности и въ концѣ концовъ ведетъ къ мертвому буквализму и самой мелочной скрупулезности. Оно оказывается главною стихіей іудейскаго религіознаго сознанія и деспотически покоряетъ себѣ мессіанскія надежды, разъ онѣ нѣчто вытекающее и производное⁹⁶⁾. Формулируется принципъ (Schabbath 118 b), что Израиль былъ бы несомнѣнно избавленъ, еслибы онъ сохранилъ въ полной степени лишь двѣ субботы⁹⁷⁾.

Очевидно, что мессіанскія идеи неотвратимо вытѣсняются номистическими и ступевываются въ своей отчетливости, ослабляются въ своемъ благотворномъ вліяніи. Для насъ не важно, какъ это возрѣніе отразилось потемнѣніемъ мессіанскаго созерцанія⁹⁸⁾. Ближе къ нашему предмету другое заключеніе, что при подобномъ настроеніи пророческій блескъ долженъ былъ померкнуть и лишался своей священной обязательности единственнаго свѣ-

⁹⁴⁾ *W. Baldensperger*, Das Selbstbewusstsein Jesu, S. 46. 45.

⁹⁵⁾ Die Pharisäer und die Sadducäer. Eine Untersuchung zur inneren jüdischen Geschichte von Prof. *J. Wellhausen*. Greifswald 1874. S. 12. Cp. History of Interpretation. Eight Lectures preached before the University of Oxford. By late *Frederic W. Farrar*. London 1886. P. 51 sequ.

⁹⁶⁾ *F. Weber*, Die Lehren des Talmud: S. IX («вліяніе пророческаго слова отодвигалось на задній планъ по сравненію съ закономъ»); 1—3. 4 («духъ пророчества, заставлявшій ожидать спасенія отъ милости Божіей, былъ чуждъ іудейству»); 5 («пророчество—по іудейскому возрѣнію—имѣетъ въ виду восстановление закона»); «пророческое повзвѣщеніе о спасеніи, требующее вѣры, вытѣсняется въ религіозномъ сознаніи народа іудейскаго законническимъ дѣланіемъ, которое вынуждаетъ состраданіе и снисхожденіе Божіе»). Cp. Eine akademische Vorlesung von Prof. *V. Ryssel* Anfänge jüdischen Schriftgelehrsamkeit въ «Studien und Kritiken» 1887, I, S. 149 flg. The Messianic Views of Christ's Contemporaries by Rev. Prof. *George H. Schodde* въ «The Bibliotheca Sacra», vol. XLI. No. CLXII, April 1884 (Oberlin, Ohio), p. 265. Alttestamentliche Theologie von weil. Prof. *Eduard Riehm*. Bearbeitet und herausgegeben von *K. Pahmcke*. Halle 1889. S. 410—411.

⁹⁷⁾ *F. Weber* *ibid.*, S. 299.

⁹⁸⁾ Cp. удачное замѣчаніе Prof. *Ludwig Diestel*'н (Geschichte des Alten Testaments in der christlichen Kirche, Jena 1869, S. 13), что въ іудействѣ законъ былъ нормою для пророчества, а въ христіанствѣ стало наоборотъ.

тильника религіозныхъ стремленій⁹⁹). Не удивительно послѣ этого, что среди іудеевъ были люди (Tanchuma къ Второз. XI, 26), унижавшіе пророковъ по сравненію съ Пятонкижемъ и не вѣровавшіе имъ¹⁰⁰). Это была крайность, но она имѣла свое достаточное оправданіе и въ смягченномъ видѣ была общимъ достояніемъ іудейства. Такимъ путемъ вышло, что въ вѣкъ Христа было въ обращеніи понятіе о Мессіи, всецѣло созидавшееся на писаніяхъ Моисея¹⁰¹). Тогда пророчество уступало мѣсто закону и—при столкновеніяхъ—совершенно устранялось по принципу (Baba Kama 2b): nihil quod pro lege probare vis, argumento ex prophetis petito corroborandum¹⁰²).

Теперь ясно, насколько не убѣдительно была здѣсь пророчественная аргументація. Во всякомъ случаѣ она казалась слишкомъ недостаточною для Савла, феноменально преуспѣвавшаго въ жидовствѣ и бывшаго непорочнымъ по правдѣ законной. Въ подкрѣпленіе этихъ теоретическихъ соображеній мы располагаемъ и фактическими аналогіями. Искупительное значеніе крестной смерти Христовой св. Павелъ утверждаетъ (въ Гал. III, 13) между прочимъ на изреченіи (Второз. XXI, 23): *проклятъ всякъ висѣй на древѣ*, откуда прямо вытекало, что пригвожденный Господь окончательно уничтожаетъ клятвенное иго и чрезъ это открываетъ для всѣхъ доступъ къ благословеніямъ Авраамовымъ. Дальше предъ взоромъ рисовалась величественная перспектива божественнаго благоволенія,—и тѣмъ не менѣе она доселѣ не трогаетъ іудеевъ, хотя разрѣшаетъ всѣ ихъ тревоги, даетъ удовлетвореніе всѣмъ горячимъ чаяніямъ. Напротивъ, намъ извѣстно, что поименованное мѣсто было для нихъ главнѣй-

⁹⁹) *H. Weber* Die Lehren des Talmud: S. 18 (Nebim и Kethubin въ будущемъ потеряютъ силу и останутся безъ примѣненія, но пять частей Торы никогда не лишатся своей безусловной обязательности); 79. 80 (пророчества служатъ только къ раскрытію Торы и даны лишь въ виду законнической недостаточности Израиля, при совершенствѣ коего они совсѣмъ не нужны).

¹⁰⁰) *Das Jahrhundert des Heils durch A. Fr. Gfrörer*. Erste Abtheilung. Stuttgart 1838. S. 263.

¹⁰¹) *A. Fr. Gfrörer* *ibid.*, l. c.

¹⁰²) *A. Fr. Gfrörer* *ibid.*, S. 244.

шею опорой въ борьбѣ съ христіанствомъ ¹⁰³). Оно выставлялось при Аристотѣ Пелльскомъ ¹⁰⁴), и съ нимъ должны были бороться Іустинъ М. и Тертуліанъ, а при Іеронимѣ оно направлялось къ подрыву самаго кардинальнаго пункта христіанской вѣры. И замѣчательно, что іудейская мысль не смущалась затрудненіями и умѣла преодолевать ихъ. Она заявляла, что Христосъ проклятъ и потому не Мессія. Въ этомъ была не малая опасность и для нея самой. Въ тяжелыя времена Сирійскаго и Римскаго владычества іудейскіе патріоты подвергались всяческому поруганіямъ, и распятіе примѣнялось къ нимъ въ весьма широкихъ размѣрахъ. По силѣ законническаго правила и на нихъ неизбѣжно падало клятвенное поношеніе. Легко понять, какъ не выносимо было для іудейской совѣсти, что національные герои будутъ проклятыми отъ Бога. И вотъ возникаетъ новое и удобное толкованіе, что проклятіе относится къ самому факту повѣшенія и всецѣло ложится на голову мучителей. Одна бѣда была предотвращена, но тогда притупляется и остріе антихристіанской полемики. Въ предотвращеніе этого она опять изобрѣтаетъ счастливый поворотъ, прибавляя къ интерпрета-

¹⁰³) См. подробности у *J. B. Lightfoot*, *Saint Paul's Epistle to the Galatians*, p. 152—153; *The interpretation of Deut. XXI, 23*. Ср. *Die alttestamentlichen Citate bei Paulus von Hans Vollmer*, Freiburg i. B. und Leipzig 1885, S. 50, 2.

¹⁰⁴) Разумѣется авторъ «Диспута Ясона и Паписка», но далеко не безспорно (ср. въ магистерской диссертациі свящ. *Стефана Остроумова* «Разборъ свѣдѣній Евсевія Кесарійскаго и бл. Іеронима Стридонскаго о греческихъ апологетахъ христіанства втораго вѣка», Москва 1886, стрн. 35 сл.), что это былъ именно Аристотъ Пелльскій, котораго (въ *Aussercanonische Paralleltexzte zu Matthaeus und Marcus gesammelt und untersucht von Alfred Resch* (изъ «*Texte und Untersuchungen*» von O. Gebhardt und A. Harnack X, 2, Lpzg 1894, S. 449—456; ср. «*The Expositor*» 1894, IX, p. 226—232) отождествляетъ съ пресвитеромъ Аристіономъ, признаннымъ у *F. C. Conybeare* за истиннаго творца заключительныхъ двѣнадцати стиховъ (XVI, 8—20) Евангелія отъ Марка («*Aristion, the Author of the Last Twelve Verses of Mark*» въ «*The Expositor*» 1893, X, p. 241—254, и «*On the Last Twelve Verses of Stn. Mark's Gospel*» *ibid.* 1895, XII, p. 401—421). Это смѣлое предположеніе на основаніи пелльской помѣтки одного армянскаго манускрипта Эчмиадзинскаго монастыря слишкомъ поспѣшно принимается многими учеными (Prof. *Ad. Harnack* въ «*Theologische Literaturzeitung*» 1893, XXIII, 561 flg., и *Th. Zahn* въ «*Theologische Literaturblatt*» 1893, LI, 591—594—«*The Expositor*» 1894, IX, 220—226) за несомнѣнную аксіому (ср. *F. C. Conybeare* въ «*The Expositor*» 1894, IX, 219—220).

ціи Псевдо-Іонаѳановскаго таргума оговорку: „если это распятіе не произошло по винѣ грѣховъ“, что признавалось несомнѣннымъ для Искупителя и отрицалось для іудейскихъ мучениковъ ¹⁰⁵).

Все изложенное громко свидѣтельствуєтъ о неприступности и недоступности фарисейскаго помизма для пророческихъ увѣщаній. Они не встрѣчали себѣ ни малѣйшаго отълика и не могли пробить каменную стѣну законничества, за которою іудей чувствовалъ себя и безопаснымъ и вселажненнымъ, обезпеченнымъ въ своихъ мессіанскихъ упованіяхъ. Онъ созидалъ ихъ на своей праведности и не чувствовалъ нужды въ иныхъ средствахъ кромѣ развѣщенія прощенія беззаконій (Перем. XXXI, 34) ради заслугъ праотцевъ и Мессіи ¹⁰⁶). Не разочаровывала его въ свѣтлыхъ надеждахъ и неоспоримая низменность нравственно-религіознаго уровня въ Израилѣ, поелику она поднималась до желанной высоты на вѣсахъ суда Божія преизобиліемъ добродѣтелей у святыхъ. Въ силу этого сказанное наблюденіе побуждало лишь къ энергическому напряженію законнической ревности и совсѣмъ не требовало замѣны терновымъ вѣнцомъ драгоценной короны на главѣ Избавителя—Царя. Такимъ образомъ Савлу не видѣлось надобности считать Голгоѳу престоломъ Утѣшителя, и у него не было ни объективныхъ, ни субъективныхъ поводовъ вносить въ яркій мессіанскій идеалъ мрачныя черты скорби и страданія и тѣмъ нарушать гармонію, столь отрадную и упительную для ума и воли фарисея. Естественное, что всякія апологіи смерти Христовой, даже при всей ихъ неотразимости, пропадали для него безслѣдно, не забросивъ въ его душу искры свѣта христіанскаго, почему и утвержда-

¹⁰⁵) Еврейскій ученый Dr. *H. S. Hirschfeld* (*Der Geist der talmudischen Auslegung der Bibel. Erster Theil. Halachische Exegese. Ein Beitrag zur Geschichte der Exegese und zur Methodologie des Talmuds. Berlin 1840. S. 418 u. Anm. 2*) считаетъ возможнымъ объяснить эти различія экзегетическими приемами талмудическаго толкованія, но, какъ извѣстно, всѣ подобныя способы являлись лишь для оправданія и подкрѣпленія даннаго существующаго преданія, почему оно будетъ раньше ихъ и должно имѣть другія причины для своего возникновенія.

¹⁰⁶) О ветхозавѣтныхъ представленіяхъ см. у *E. Riehm, Alttestamentl. Theologie, S. 180.*

емое воскресеніе было для него просто обольщеніемъ лукаваго, если только не обнаруженіемъ закоренѣлаго лукавства. Крестъ былъ для него вѣчнымъ соблазномъ къ самому беззавѣтному невѣрію съ неизбѣжнымъ результатомъ въ неумолимомъ гонительствѣ. Оно приобрѣтало тутъ еще больше горячаго матеріала и необходимо распалось до крайности, ибо сго совѣсть все сильнѣе убѣждалась, что этимъ приноситъ наилучшую службу Богу.

Несомнѣнно, что и при ближайшемъ знакомствѣ съ христіанскою общиной Савль оставался непоколебимымъ въ занятой позиціи, а потому дальнѣйшимъ путемъ было для него лишь энергическое продолженіе начатаго. Разъ это справедливо, психологическая теорія рушится въ самомъ своемъ фундаментѣ. Она допускаетъ, что подъ напоромъ христіанскихъ впечатлѣній молодой зилотъ потерялъ на время равновѣсіе, и въ его нравственно-религіозномъ сознаніи произошелъ болѣзненный разладъ. Возникаетъ критическая борьба между прошлымъ и новымъ, — и онъ судорожно ищетъ точки опоры. Почва колеблется подъ его ногами, и душа страшно раздражается внутренними антиміями. Но старыя привычки—особенно религіознаго характера—не легко уступаютъ свое мѣсто, которое всегда очищается послѣ жестокаго боя. И—подобно всѣмъ героическимъ натурамъ—Савль „съ бѣшенствомъ отчаянія, хотя и не твердою рукой“¹⁰⁷⁾, старается залить потоками крови свой собственной пожаръ, дабы спасти наслѣдственное достояніе¹⁰⁸⁾. При этомъ самая чрезмѣрность гонительнаго увлеченія свидѣтельствуешь уже, что старое падаетъ безвозвратно и сердце всецѣло тяготеетъ къ тому, что оно внѣшне отвергаетъ. Въ существѣ своемъ это лишь пароксизмъ, предвѣщающій исцѣленіе. Человѣкъ не выдерживаетъ напряженія—и склоняется къ подножію креста, при чемъ неотвратимая принудительность этого рѣшенія психологически естественно

¹⁰⁷⁾ *Max Krenkel*, Paulus, der Apostel der Heiden, Lpzg 1869, S. 28.

¹⁰⁸⁾ См. Commentar zu dem Brief an die Römer von Prof. *F. Godet*, deutsch bearbeitet von E. R. Wunderlich, Erster Theil (Hannover 1881), S. 7. *J. Fr. Clarke*, The Ideas of the Apostle Paul, p. 29. *O. Pfleiderer*, The Influence of the Apostle Paul, p. 195. † *E. Ha(tch)*, Art. «Paul» въ «The Encyclopaedia Britannica», vol. XVIII (ninth edition, Edinburgh 1885), p. 416 a.

получаетъ живость объективно-реальнаго внушенія. Вотъ и вся тайна Савлова обращенія, которое будетъ натуральнымъ плодомъ душевной коллизіи. Разумѣемые нами писатели не щадятъ красокъ на изображеніе послѣдней, чтобы придать своему генезису наибольшее вѣроятіе. Однако съ ними случилось именно то, что они усвояютъ гонителю Церкви Божіей. Видимое дѣло, недостатокъ фактическихъ основаній у нихъ вознаграждается экзальтированной ревностію въ навязываніи Савлу воображаемой душевной пытки. Что могло возбуждать ее и обострять до такой необычайной степени? Единственно законнымъ отвѣтомъ было бы доказательство, что хульникъ почувствовалъ слабость своего іудейскаго жительства по сравненію съ христіанскимъ и инстинктивно пытался сбросить свое исконное иго. Но его умъ не встрѣчалъ отклика въ сердцѣ, — и отсюда болѣзненное смятеніе, пока убѣжденіе не одержало побѣды надъ предрасположеніемъ, которое было безпомощно, поелику утрачивало свою силу съ потрясеніемъ оправдывающихъ и питающихъ его опоръ. Въ этомъ-то и вся важность за тѣмъ исключеніемъ, что напередъ должно быть принятіе чужого съ отказомъ отъ своего. Между тѣмъ ни то, ни другое не мыслимо психологически и не было фактически. Сколько бы внимательно и почтительно ни прислушивался Савлъ къ голосамъ христіанъ, они не были въ состояніи поколебать его и привести въ замѣшательство. Его путь былъ начертанъ пунктуально и гарантированъ отъ всякихъ вражескихъ вторженій. Согласимся, что имъ двигала жажда приобщиться къ источнику мессіанской славы. Эта цѣль была священна и неприкосновенна, почему она диктовала ему и свои средства, съ нею согласныя и ее условливающія. Таковыми были религіозно-нравственныя добродѣтели, которыя всегда и всѣмъ доступны. Порукою тому Авраамъ, Моисей, пророки и всѣ позднѣйшіе столпы іудаизма. Да и само по себѣ это необходимо, ибо иначе не было бы и божественнаго закона, предписывающаго праведность. Значитъ, она возможна и достижима, а тогда мессіанское царство не нуждается въ другихъ предвареніяхъ и предуготовленіяхъ. Здѣсь все тѣсно связано между собою и взаимно подкрѣпляетъ, не оставляя человѣку выхода изъ своего круга. Это была твердыня,

не страшившаяся частныхъ ударовъ и не допускавшая нанесенія ей непоправимой бреші. Требовалось взорвать ее цѣликомъ, или она оказывалась несокрушимою. Первохристіанская полемика и апологетика едва ли обладали такими уничтожающими свойствами. Онѣ покоились на фактѣ искупительной смерти Господа, и это считалось главнѣйшимъ таинствомъ вѣры. Но оно было всего менѣе привлекательнымъ для фарисея и отталкивало его, возбуждая одновременно и отвращеніе и озлобленіе. Иудейство усматриваетъ въ немъ безбожный абсурдъ, требовавшій только мщенія. Чтобы онъ заинтересовалъ законника хотя въ отрицательномъ смыслѣ, обязательно было признать въ немъ оригинальное дополненіе къ господствующей мессіанской идеѣ, когда она все имѣла въ себѣ и потому все исключала. Не было и намековъ на сомнѣніе въ ея совершенной обоснованности, и всѣ равно думали, что она обладаетъ вседовлѣющею энергіей. Это засвидѣтельствовало намъ и народъ, желавшій провозгласить Христа царемъ (Ин. VI, 15). Конечно, онъ былъ расположенъ къ Господу и подавленъ Его божественною обаятельностью,—и, несмотря на это, слово крестное разъяряло его и отталкивало безвозвратно. Посему Спаситель на вопросъ іудеевъ о взиманіи душъ съ грустію безнадежности отвѣтилъ, что они не отъ овецъ Его, а эти берутся за камни (Ин. X, 24 сл.). Они принимали только побѣдное шествіе изъ Геосиманіи въ Іерусалимъ и не постигали пути на Голгоѳу. Такъ и вышло, что въ первомъ случаѣ они ликовали и ихъ торжествующіе голоса потрясали весь городъ, во второмъ же ругались надъ владыкою Израилевымъ и кощунственно требовали сошествія со креста... Ясно, что въ нихъ не было и задатковъ къ уразумѣнію страждущаго Мессіи, поелику со своей точки зрѣнія они не безъ права надѣялись увидѣть воинствующаго и славнаго.

Савлъ вполне раздѣлялъ это ожиданіе и не чувствовалъ ни малѣйшей опасности, которая бы заставляла его тревожиться внутренно. Сами христіане скорѣе должны были просто защищать распятіе и тѣмъ невольно убѣждали ослѣпленнаго досадителя, что они не тверды въ своемъ упованіи, а онъ незыблемъ. Опоры для колебаній не имѣется и ихъ не существовало, какъ и въ исторіи объ нихъ совсѣмъ не упо-

минается. Но сторонники психологическаго толкованія Дамасскаго откровенія зилотически упорны и фарисейски находчивы. Ради своихъ теорій они готовы пожертвовать даже своею научною ненавистію къ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ и охотно укрываются за нею, чтобы спасти свою идею о мучительныхъ терзаніяхъ въ ученикѣ Гамаліила. Обыкновенно ссылаются ¹⁰⁹⁾ на воззваніе ему явившагося Господа: *жестоко ти есть противу рожна прати* (Дѣян. XXVI, 14; ср. IX, 5), думая, что тутъ говорится о невозможности состязаній со своею терзаемою совѣстію ¹¹⁰⁾. Въ немъ, будто бы, заключаются три мысли, что „въ это время Савлъ находился подъ вліяніями, отклонявшими его съ избраннаго направленія, что онъ противился имъ и что это сопротивление было связано для него съ (внутреннею) борьбой“, ибо онъ сознавалъ себя не вполне правымъ въ своихъ преслѣдованіяхъ и испытывалъ нравственную неудовлетворенность своего фарисейскаго преуспѣянія ¹¹¹⁾.

Достоинно удивленія, какое неожиданное и неестественное толкованіе получила эта классическая пословица ¹¹²⁾, извѣст-

¹⁰⁹⁾ *M. Krenkel*, Paulus, S. 30. St. Paul's Conception of Christianity by Prof. A. B. Bruce, Edinburgh 1894, p. 35, и ср. тоже въ «The Expositor» (гдѣ почти вся эта книга печаталась отдѣльными статьями), 1893, II, p. 126. Geschichte der neutestamentlichen Offenbarung von Prof. C. F. Nösgen. Zweiter Band: Geschichte der apostolischen Verkündigung. München 1893. S. 167. O. Pfeiderer: Das Urchristenthum, S. 26; The Influence of the Apostle Paul, p. 34—35. J. Stalker, The Life of St. Paul, p. 53. 55. W. Adeney, The Theology of the N. T., p. 158. J. Fr. Clarke, The Ideas of the Apostle Paul, p. 26. Spiritual Development of St. Paul by Rev. George Matheson, p. 46—47. Exegetisch-kritische Verhandeling over den brief van Paulus aan de Galatiërs door Dr. J. M. S. Baljon, Leiden 1889, bl. 130—131. Lessons on the Acts of Apostles. By Eugene Stock. London. P. 46. 43. В. Фарафъ, Жизнь и труды св. Апостола Павла въ переводѣ проф. А. П. Лопухина, Спб. 1887, стр. 915, прим. 320 (иллюстрированнаго изданія).

¹¹⁰⁾ Gedanken und Bemerkungen zur Apostelgeschichte. Von Pfarren Gottfried Jäger. 1. Heft: zu Kap. 1—12. Lpzg 1891. S. 36—37: «Слово „рожьнъ“ скорѣе должно разумѣть о вонзенномъ въ совѣсть жалѣ».

¹¹¹⁾ Prof. E. D. Burton въ «The Biblical World» 1893, I, 12—14. Ср. Neutestamentliche Theologie oder Geschichtliche Darstellung der Lehren Jesu und des Urchristenthums nach den neutestamentlichen Quellen. Von Prof. Willibald Beyschlag. Zweiter Bnd. Halle a. S. 1892. S. 8.

¹¹²⁾ Ср. Novum Testamentum Graecum Jo. Jacobi Wetstenii, tom. II (Amstelædami 1752), p. 633 (къ Д. XXVI, 14). Acta Apostolorum, sive Lucae ad

ная и въ библейскомъ употребленіи (Суд. III, 31. 1 Цр. XIII, 21. Спр. XXXVIII, 25). Она заимствована изъ пастушескаго обихода и примѣнялась здѣсь къ погонщикамъ, которые подстрекали животныхъ зоострленною палкой. При этомъ понятно, что всякая неуступчивость причиняла лишь большую рану, и пятиться назадъ или не повиноваться было дѣйствительно трудно безъ вреда себѣ. Отсюда вытекаетъ, что рожонъ обозначаетъ всегда нѣчто внѣшнее, и его нельзя разумѣть въ смыслѣ внутренняго принужденія ¹¹³). Особенно это неотразимо въ разсматриваемомъ примѣрѣ. Онъ удостоверяетъ, что предъ Дамаскомъ жало настолько глубоко вонзилось въ душу Савла, что идти на него было уже губительно. Изъ этого несомнѣнно, что и въ равнѣйшемъ оно было тождественно нынѣшнему, и опредѣляется изъ него въ своихъ качествахъ. Это внѣшняя очевидность, что гонимый Христосъ есть безспорный Мессія, потому что Онъ воскресъ и пребываетъ въ немерцающемъ свѣтѣ, превосходящемъ блескъ солнечный. Это реальный фактъ мессіанства Господа и наличности обѣтованнаго царства въ Его Церкви, не допускающій отрицанія ¹¹⁴). Но онъ и прежде былъ во всей своей силѣ, если воплощался въ вѣрующихъ до осязательности. Однако Савль противился этой объективной убѣдительности, ибо не имѣлъ субъективнаго тяготѣнія къ ней по крайнему своему ослѣпленію. Теперь понятно, что разобранное свидѣтельство не намекаетъ на внутреннее потрясеніе; наоборотъ, оно констатируетъ звѣрское ожесточеніе фанатическаго упорства и безжизненнаго закоснѣнія въ своемъ заблужденіи.

Theophilum liber alter. Editio philologica... auctore *Fridérico Blass*. Göttingen 1895. P. 267 (къ Д. XXVI, 14). The Life and Epistles of St. Paul. By the late *Thomas Lewin*. Vol. I (fifth edition, London 1890). P. 51, not. 35.

¹¹³) Ср. Die Paulinischen Reden der Apostelgeschichte. Historisch—grammatisch und biblisch-theologisch ausgelegt von Dr. *Friedr. Bethge*. Göttingen 1887. S. 275.

¹¹⁴) Ср. Die Apostelgeschichte. Textkritische Untersuchung und Textherstellung von D. Prof. *Bernh. Weiss*. (Изъ «Texte und Untersuchungen» von O. Gebhardt und Ad. Harnack, IX. Bnd, Heft 3—4.) Lpzg 1893. S. 291. Introductio specialis in singulos Novi Testamenti libros (изъ «Cursus Scripturae Sacrae», pars prior, vol. III) Auctore *Rud. Cornely*, Parisiis 1886, p. 364, not. 4.

При такомъ мрачномъ настроеніи ничто не могло вызывать душевной бури съ освѣжающею грозой, пока исконные устои не вырваны съ корнемъ. И поистинѣ, какъ слабы встрѣчныя стихіи! Полагаютъ, что въ Савлѣ пробудилась жалость къ несчастнымъ мученикамъ и въ душу незамѣтно закрадывалось снѣдающее угрызение за кровавую расправу съ ними. Мы безусловно согласны, что у молодого фарисея было золотое сердце, въ хульникѣ сіявшее не менѣе, чѣмъ и въ Апостолѣ. Оно было отзывчиво до трогательной чувствительности, нѣжно до материнской ласки, горячо въ своихъ благородныхъ порывахъ до самозабвенія и всецѣлой преданности. Но вѣрно и то, что сердечныя влеченія никогда не были у него простыми душевными порывами мягкой природы и не заправляли его поведеніемъ; они неизмѣнно и строго подчинялись высшимъ интересамъ и нормировались ими въ своемъ тонѣ и энергіи. Это былъ рѣдкій характеръ, въ которомъ гармонически уживались дѣтская впечатлительность съ желѣзною волей, неумолимою въ своемъ самообладаніи при разѣ принятомъ рѣшеніи ¹¹⁵). То же находимъ и въ его гонительствѣ. Оно не было плодомъ его кровожадности, а представлялось лишь необходимымъ, хотя тяжелымъ, средствомъ для достиженія священныхъ цѣлей. Ими оправдывались всякія неистовства и предъ ними смолкали всѣ сердечныя трепетанія; тогда обильный потокъ христіанской крови не возбуждалъ внутренняго сожалѣнія и стоны страдальцевъ не смягчались слезою мучителя. Онъ приносилъ жертву Богу, для которой закланіе всегда неизбѣжно.

¹¹⁵) По данной нами краткой характеристикѣ ясно, что темпераментъ св. Павла ближе всего подходилъ къ холерическому (Einleitung in die Schriften des Neuen Testaments. Von D. Joh. Leonhard Hug. Zweiter Theil. Dritte Auflage, Stuttgart und Tübingen 1826. S. 330. Ср. Prof. E. Schürer въ «Theologische Literaturzeitung» 1882, XV, Sp. 349 въ библиографіи о первомъ томѣ книги Karl Schmidta Die Apostelgeschichte unter dem Hauptgesichtspunkte ihrer Glaubwürdigkeit, Erlangen 1882), не чуждому оттыковъ меланхолическаго (Einleitende Bemerkungen in das Studium der paulinischen Briefe, die Lebensumstände, den Charakter und die Sprache des Apostels betreffend, von Dr. A. Tholuck, II, въ «Studien und Kritiken» 1835, S. 380—381, и въ Vermischte Schriften grösstentheils apologetischen Inhalts, Zweiter Theil, Hamburg 1839. 4, S. 315—317; Charakter des Apostels).

Послѣ этого довольно наивны не рѣдкія разсужденія, будто гуманные уроки Гамалиила воскресли въ разъяренномъ ученикѣ и способствовали его отрезвленію ¹¹⁶). Смѣшно и говорить объ этомъ, если они не удержали питомца вначалѣ,— и онъ, едва перешагнувъ за порогъ школы, является палачемъ. Справедливѣе думать, что тамъ онъ пріобрѣлъ догматическую опору для своей анти-христіанской ревности въ безднахъ раввинской премудрости, обезпечивавшей ему славу нравственно-религіознаго преуспѣянія. И, не обладая дипломатическимъ индифферентизмомъ учителя, Савль смѣло и безповоротно устремляется къ своему идеалу, все считаетъ и попираетъ на этомъ пути. Христіанство преграждало ему дорогу, и онъ истребляетъ его, потому что иначе самому нужно было уничтожиться. Плачевныя сцены стонѣвъ и воплей не волновали его ни на минуту, поелику онъ хотѣлъ быть вѣрнымъ себѣ. Посему напрасны всѣ патетическія описанія критиковъ, какъ потрясали Тарсійца героизмъ и беззавѣтность христіанскихъ мучениковъ, ихъ искренность и чистота, радостный восторгъ ихъ страданія за имя Христова. Не будемъ подчеркивать произвольности подобныхъ изображеній; прибавимъ только, что они исторіи не извѣстны и психологически не возможны.

Это показываетъ и дѣло Стефана, которое настойчиво привлекается для естественнаго объясненія Дамасскаго при-

¹¹⁶) Такъ въ *Les Apôtres par E. Renan*, p. 176; *cnf.* p. 172, 5. *C. Geikie*, *The Apostles*, p. 123. *Ueber den Geist, die Lehre und das Leben des Apostels Paulus von Dr. Ed. Köllner*, Darmstadt 1835, S. 16—18. *J. Stalker*, *The Life of St. Paul*, p. 33—34 (и ср. 54): «Вліяніе такого чело­вѣка (какъ Гамалиила) на ясный умъ, подобный Павлову, должно быть очень большое; и хотя временно ученикъ сталъ злотомъ, однако прѣдѣръ учителя могъ нѣсколько способствовать побѣдѣ, которую тотъ въ концѣ концовъ одержалъ надъ пре­дубѣжденіемъ». *Acta Apostolorum illustravit prof. D. Chr. Th. Kuinoel*. Editio secunda. Lipsiae 1827. P. 332. 333. *Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die Bibel Alten und Neuen Testaments von Prof. W. M. L. de Wette*. Zweiter Theil. Die Einleitung in das N. T. enthaltend. Sechste Ausgabe, besorgt von H. Messner und G. Lüdemann. Berlin 1860. S. 263 c) — съ несправедливою ссылкой на *Dr. A. Tholuck's «Studien und Kritiken» 1835, 377*, который въ «*Vermischte Schriften*» II, S. 288 (Ueber die Bekehrung des Apostels) прямо опровергаетъ и отвергаетъ это мнѣніе, какъ еще *Hermann Messner*, *Die Lehre der Apostel*, Lpzg 1856, S. 186, и *Aug. Neander*, *Geschichte der Pflanzung I*, S. 104—105.

званія ¹¹⁷). Оно раскрашено всѣми цвѣтами и разрисовано настолько, что послѣ и въ силу его іудейскій зилоть необходимо перерождается въ смиреннаго раба Господня ¹¹⁸). Кровь архидиакона оросила сердце Савла и послужила благословенною влагой для христіанскихъ сѣмянъ, и изъ фари́сейскаго пепла возстае́тъ Апосто́ль ¹¹⁹). Болѣе рѣшительные утверждаютъ даже, что побіеніе первоученика произвело тягостное впечатлѣніе на Павла и предопредѣлило его обращеніе ¹²⁰). Это единственный примѣръ, когда хульниѣ и гонимый встрѣчаются на почвѣ выраженныхъ вѣрованій; въ немъ послѣдняя надежда библейско-критической психологіи, для которой здѣсь и окончательное посрамленіе. Охотно допускаемъ, что все въ Стефанѣ величаво и поразительно, а его предсмертныя мольбы объ убійцахъ способны всколыхать самую черствую душу. Но не гораздо ли болѣе священный трепетъ возбуждаетъ въ насъ мрачная Голгова, гдѣ среди всѣхъ ужасовъ людской злобы и не-

¹¹⁷) Ср. в *The Faith and Life of the Early Church. An Introduction to Church History by W. F. Slater.* London 1892. P. 63. *The Epistles of St. Paul to the Thessalonians, Galatians and Romans. Translation and Commentary. By the late Prof. Benjamin Jowett.* Third edition by Prof. Lewis Campbell. London 1894. P. 168.

¹¹⁸) Даже Dr. *J. P. Lange* (*Die Geschichte der Kirche. Erster Theil: Das apostolische Zeitalter. Erster Band.* Braunschweig 1853. S. 376), говоритъ, что «обращеніе Павла—безсознательно для него,—вѣроятно, было подготовлено смертію Стефана».

¹¹⁹) Ср. *L'Apôtre Paul. Esquisse d'une histoire de sa pensée par Prof. A. Sabatier* (deuxième édition, Paris 1881), p. 34: Павелъ «не могъ удержаться отъ искушенія сломать со Стефаномъ нѣсколько копій въ богословскомъ спорѣ; онъ слышалъ его рѣчь; онъ присутствовалъ при его смерти; аргументы и чистая вѣра Стефана, безъ сомнѣнія, заставили его тревожно раздуматься. Можетъ быть, именно теперь въ первый разъ его совѣсть была поражена рономъ отъ Іисуса». *Die Fortbildung des Christenthums zur Weltreligion. Eine Ansicht der höheren Dogmatik von Dr. Chr. Fr. von Ammon.* Zweiter Band. zweite Ausgabe, Lpzg 1836, S. 46. *Biblische Theologie des Neuen Testaments von † Prof. Chr. Fr. Schmidt,* herausg. von D. C. Weizsäcker. Zweite Auflage, Stuttgart 1859. S. 329. *J. Fr. Clarke,* *The Ideas of the Apostle Paul,* p. 26. 28. *The Life and Epistles of St. Paul by the Rev. W. J. Conybeare and the Rev. J. S. Howson.* New York 1893. P. 171.

¹²⁰) *Étude sur la rédemption au triple point de vue judéo-chrétien, paulinien et iohannique. Essai historique et psychologique par Albert Thomas.* Genève 1891. P. 57, s. 113. *Ernst von Bunsen,* *Die Ueberlieferung II,* S. 54—55: «Выраженіемъ вѣры Стефана было предуготовлено обращеніе Павла».

честія господственно царили кротость, любовь и всепрощеніе,— и однако окружающіе продолжали неистовствовать и богохульствовать!.. И это потому, что въ прокаженной совѣсти не было внутренней воспріемлемости, выравленной ожесточеннымъ предубѣжденіемъ. Оно диктовало волѣ свои законы, и она слѣпо повиновалась имъ. Мы знаемъ, какъ побѣдоносно Стефанъ защищалъ христіанскую истину и разбивалъ своихъ противниковъ мудростію Духа, между тѣмъ въ результатъ были извращенныя обвиненія и жестоко безпощадный судъ синедріона. Его лицо носило на себѣ отпечатокъ ангельскаго сіянія, а братья и отцы рвались сердца своими и скрежетали на него зубами. Не иначе, конечно, относился и Савль, и на это были у него всѣ оправданія. Мужественный эллинистъ отчетливо и прямо раскрылъ неполноту и недостаточность ветхозавѣтныхъ формъ богочтенія, въ коемъ фарисей видѣлъ и свое спасеніе и свою честь. Въ замѣнъ того высказывалось, что законъ, данный при служеніи ангеловъ, не соблюдается и самъ по себѣ не ведетъ къ желательному совершенству,—и со своей точки зрѣнія Савль долженъ былъ возмущаться и протестовать со всею неудержимостію религіознаго ужаса. Даже въ заключительномъ молитвенномъ вздохѣ онъ слышалъ рѣзкій звукъ обвиненія въ грѣхѣ и, считая себя праведнымъ, необходимо усматривалъ въ христіанскомъ мученикѣ только преступника, достойнаго всякой казни. Его уши были заткнуты для новаго ученія, и онъ ненавидѣлъ дерзкую ересь со всею лютостію. И если нельзя утверждать, что въ убіеніи архидіакона молодой іудей изъ Тарса принималъ наибольшее участіе ¹²¹⁾, то все же не оспори́мо, что онъ одобрялъ его всѣми помыслами своей души, поскольку находилъ въ немъ естественное обнаруженіе своего религіознаго усердія ¹²²⁾.

¹²¹⁾ Weltgeschichte. Von *Leopold Ranke*. Dritter Theil, erste Abtheil. Vierte Auflage, Lpzg 1886. S. 174.

¹²²⁾ Весьма характерно по этому поводу замѣчаніе *блаж. Августина* въ *Sermo CCXXXIX de Paulo Apostolo I, 1* (ap. Migne, lat. scr. t. XXXVIII, col. 1275), что Савлу «не достаточно было побивать (Стефана) только своими руками, но, желая быть орудіемъ въ рукахъ всѣхъ побивающихъ, онъ хранилъ одежды всѣхъ, проявляя въ этомъ вспоможеніи всѣмъ больше свирьпости, чѣмъ въ собственноручномъ побіеніи».

Въ этомъ фактѣ не менѣе, чѣмъ и во всѣхъ подобныхъ, для него была безысходная диллема: или за христіанъ и противъ Бога, или на тѣхъ и съ Иеговой,—и онъ не могъ затрудняться въ выборѣ. Онъ прекрасно понималъ смыслъ предреченія Христова: *уже нѣтъ на вы, но васъ есть* (Мрк. IX, 40),—и былъ непреклоненъ въ своей ревности, доколѣ не бросилъ прежнее рало, какъ непригодное для нивы, влекущее за собою гибель и труда и плода. До тѣхъ поръ въ него не закрадывалось жалости, потому что она равнялась бы измѣнѣ предъ Всевышнимъ. Въ такомъ случаѣ и совѣсть его отличалась безмятежностію невиннаго младенца. Поэтому, когда критики говорятъ, что „точнѣйшій анализъ внутреннихъ состояній ведетъ лишь къ предположеніямъ, не имѣющимъ силы исторически подкрѣпленныхъ тезисомъ“¹²³), мы въ правѣ добавить, что тутъ все не вѣроятно и фактически и психологически и виситъ на воздухѣ, ибо лишено опоры въ настроеніяхъ и убѣжденіяхъ Савла. Первые были слишкомъ прочны и неподвижны и не допускали ничего второго подлѣ и сверхъ себя; вторыя содержали всю полноту желаемаго и удовлетворяли человѣка до степени самоублаженія, изолируя его отъ всякихъ стороннихъ внушеній и вліяній. Для послѣднихъ въ немъ не было притяженія, а діаметральность неизбѣжно разрѣшалась исключительностію. Потому христіанское воздѣйствіе проходило для Савла безслѣдно и не затрогивало его, пока въ немъ не было внутренняго тяготѣнія къ другому.

Для этого нужно, чтобы онъ почувствовалъ жажду новаго и высшаго. Въ свою очередь это мыслимо единственно при условіи, что прежнее скудно и бѣдно для его жизненныхъ запросовъ. Но внѣшнія впечатлѣнія были не достаточны для такого потрясенія и не вызывали его, разъ они не шли дальше раздраженія съ соотвѣтствующимъ рефлексомъ равнаго отпора. Теперь остается еще заглянуть во внутренніе тайники и посмотреть, не скрывалось ли въ нихъ потребности въ большемъ, чѣмъ законническое преуспѣяніе? Не измѣняло ли оно своему призванію, возбуждая и разочарованіе въ немъ и влеченіе къ иному?

¹²³) E. Zeller, Die Apostelgeschichte, S. 201, 1.

Такимъ путемъ вся проблема сосредоточивается на личности гонителя въ всякихъ отношеніяхъ его къ обружающему. Критика терлетъ здѣсь свое фактическое оправданіе, зато приобретаетъ психологическую основу для своихъ построений съ возможностью сослаться даже на авторитетъ ортодоксальной апологетики. Естественно, что она съ готовностію принимаетъ это средство, хотя и въ ущербъ историческому правдоподобию ¹²⁴). Она отправляется отъ той мысли, что антихристіанская оппозиція Тарсійскаго зилота была просто побочнымъ результатомъ его ревности. Въ глубинѣ своей эта была положительною и направлялась къ достиженію собственной праведности съ увѣнчаніемъ въ чистотѣ совѣсти и спокойствіи духа. Тутъ былъ въ распоряженіи лишь одинъ путь законничества, и Савль твердо вступаетъ на него съ самыми благородными намѣреніями. Но насколько высоки и свѣтлы были его религиозные порывы, настолько же тяжкимъ являлось ихъ совершенное омраченіе въ номистической сухости и фарисейской бесплодности, почему каждый дальнѣйшій шагъ причинялъ ероавыя пораженія. Искомые идеалы ускользали, и душа впадала въ смятеніе, близкое къ отчаянію. Свидѣтельство тому—седьмая глава посланія къ Римлянамъ. „Обратимъ вниманіе на внутреннія боренія, какія цвѣтушій и страстный юноша испытывалъ подъ закономъ, на тщетное стремленіе къ святости и миру, на противорѣчіе между хотѣніемъ и исполненіемъ, вызывавшее сознание божественнаго проклятія, пока сохраняется законническая точка зрѣнія и религія понимается въ іудейскомъ духѣ въ качествѣ устремленія человѣка къ Богу, въ качествѣ собственного дѣла человѣческихъ силъ; сообразимъ, до какой степени живо и пламенно изображаетъ онъ въ названномъ мѣстѣ внутреннее состояніе человѣка подъ закономъ:—и мы должны будемъ согласиться, что на дорогѣ къ Дамаску Павелъ былъ не только въ ожесточенной враждѣ къ хри-

¹²⁴) Въ изображеніи Lang'a и самъ *Голштенъ* видитъ дополненіе къ своему анализу (*Zum Evangelium*, S. 58), цѣликомъ принятому у перваго: ср. *A. Hilgenfeld's* *Bekehrung und apostolische Berufung des Paulus* въ *Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie* 1864 (siebenter Jahrgang), S. 157.

стіанству, но и въ борьбѣ съ самимъ собою, со своими мыслями, взаимно обвинявшими и оправдывавшими. И эта раздробленность въ своемъ существѣ придавала его вѣшней борьбѣ пламенность и беспощадность, заставляла его «дышать угрозами и убійствомъ на учениковъ Господа», потому что шумомъ этой борьбы онъ желалъ заглушить собственный голосъ и въ бунтующихъ христіанахъ подавить мятежниковъ въ себѣ самомъ. Чтò исходомъ этой внутренней борьбы была побѣда христіанства надъ іудейскими предразсудками: — кто назоветъ это непостижимымъ?¹²⁵⁾ Его гоненіе было лишь „попыткой великимъ подвигомъ покрыть дефицитъ личной праведности“, но „кровь Стефана только отравила рану совѣсти“¹²⁶⁾, — и такъ „въ продолжительной борьбѣ было подготовлено обращеніе“¹²⁷⁾. Подобно сему разсуждаетъ и неповинный въ раціонализмъ Прессансэ. Онъ пишетъ: „Павель заявляетъ, что превосходилъ всѣхъ современниковъ своею ревностію и скрупулезною вѣрностію въ соблюденіи закона. Какъ не признать въ этой необыкновенной горячности скрытое безпокойство, глухую и мучительную болѣзнь? Въ сущности Савль Тарсійскій требовалъ отъ іудейства, чего то не могло дать. Онъ требовалъ спасенія, а оно для него — на ряду со всякимъ другимъ — заключалось въ совершенномъ соотвѣтствіи волѣ Божіей. Законъ имѣлъ для него цѣнность единственно въ смыслѣ откровенія этой воли, и онъ старается выполнить его подъ тяготою грознаго приговора: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законный, яко творити я* (Гал. III, 10). Отсюда его напряженіе, его тревога и его необыкновенная пламенность въ осуществленіи законническихъ указаній“. Но, „погруженный въ свои безплодныя усилія, онъ приобрѣлъ лишь безотрадное убѣжденіе въ неисцѣльной поврежденности человѣческой природы. Зло привлекало его именно потому, что оно было поруганіемъ божественнаго закона. Не Савль ли съ выраженіемъ горькой

¹²⁵⁾ H. Lang, Das Leben des Apostel Paulus, S. 20—21.

¹²⁶⁾ Bibelstudien von Prof. F. Godet, deutsch bearbeitet von J. Kägi. Zweiter Theil: Zum Neuen Testament. Hannover 1878. S. 181.

¹²⁷⁾ H. Lang *ibid.*, S. 23.

скорби восклицаетъ: *азъ умрохъ: и обратися ми заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть* (Рим. VII, 10)? И онъ неустанно начинаетъ снова неизмѣнно бесплодную попытку соблюсти законъ при своей немощи, не дѣлая добраго, котораго хочетъ, и содѣвая злое, котораго не желаетъ. Раздираемый этою внутреннею враждой, этою войной плоти и духа, онъ съ отчаяніемъ взываетъ: *окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (Рим. VII, 24)? Рожонъ отъ Бога уже поразилъ его совѣсть. Никто болѣе его не былъ бичуемъ закономъ и никто сильнѣе его не томился подъ ферилою неумолимой педагогич, которая не выполняла своей миссиі иначе, какъ приводя насъ ко кресту подавленными и разбитыми“. Однако „и при сознаниі своей моральной бѣдности онъ надѣялся удержать высокое положеніе въ своей сектѣ. Естественно поэтому, что съ момента перваго столкновенія фарисейства съ Иерусалимскою церковію онъ одобрялъ и энергически поддерживалъ преслѣдованіе. Пожиранисе его внутреннее смятеніе, желаніе убавокать себя, страстная привязанность къ мозаизму,—все это способствовало тому, что онъ сталъ неумолимымъ врагомъ христіанства. Онъ не былъ гонителемъ въ родѣ Каиафы. Савлъ не охранялъ ни своего вліянія, ни своихъ интересовъ. Онъ думалъ защищать своего Бога, и потрясеніе, произведенное въ немъ рѣчью Стефана, тѣмъ больше воспламенило его, что она подтверждала свидѣтельство его совѣсти“. Затѣмъ сомнѣніе и кризисъ съ разрѣшеніемъ въ обращеніи ¹²⁸⁾. Послѣднее уже давно было преднамѣчено опытами духовной жизни подъ сѣнію закона. Откровеніе въ немъ возбуждающе-запретительной энергій было для Савла „началомъ конца“ и склоненіемъ къ христіанству. „Новая религія сильно заинтересовала его до степени очарованія. Онъ ненавидѣлъ ее, но влекся къ ней и не могъ оторваться отъ нея. Онъ находился подъ обаяніемъ, которое побуждало его изслѣдовать ея природу и проникнуть въ тайну возрастающей ея мощи. И онъ повялъ ее, насколько это было доступно для недружелюбнаго наблюдателя“,—вро-

¹²⁸⁾ Histoire de trois premières siècles de l'Église chrétien par E. de Pressensé. Le premier siècle. Paris 1858. P. 433--437.

чемъ, въ такой мѣрѣ, что „прежде явленія *ему* на пути въ Дамаскъ Христосъ былъ открытъ *въ немъ* не какъ предметъ вѣры, но какъ предметъ самаго серьезнаго размышленія“. „Не удивительно теперь, что онъ забылъ школу раввиновъ и пошелъ въ школу Иисуса“¹²⁹⁾.

Мы видимъ, какъ близко и дружественно сходятся въ этомъ пунктѣ ученые самыхъ различныхъ направлений и настроеній, какъ благочестивое чувство простираетъ руку помощи скептически-черствому разсудку¹³⁰⁾. Не оспоримо, что это важнѣйшій моментъ въ вопросѣ, надежный ключъ къ крѣпости Савлова невѣрія. Посмотримъ же, дѣйствительно ли онъ обладаетъ магическимъ свойствомъ отпирать самыя секретныя замки, испорченные ржавчиной ожесточенной страсти и упорствующаго предубѣжденія.

Дѣло здѣсь въ фактѣ и его толкованіи; потому и намъ нужно опредѣлить, былъ ли онъ въ такомъ видѣ и допускаетъ ли подобное примѣненіе. Прежде всего мы категорически утверждаемъ, что—и по нашему мнѣнію—въ седьмой главѣ посланія къ Римлянамъ описывается состояніе невозрожденнаго человѣка, когда онъ еще не умеръ для закона тѣломъ Христовымъ и жилъ по плоти¹³¹⁾, хотя на рельефность и

¹²⁹⁾ *A. B. Bruce*, *St. Paul's Conception of Christianity*, p. 36. 32. 30. 33—34. 32. 31—«*The Expositor*» 1893, II, p. 126. 123. 121. 124. 123. 122.

¹³⁰⁾ Ср. еще *Das Ende des jüdischen Staatswesens und die Entstehung des Christenthums von lic. theol. Oscar Holtzmann* при второмъ томѣ *Geschichte des Volkes Israel von Dr. Bernh. Stade*, помѣщенномъ въ шестой части перваго отдѣла «*Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen*» von *Wilh. Oncken*, Berlin 1888, S. 617—618. *H. Messner*, *Die Lehre der Apostel*, S. 187. *F. Godet*, *Commentar zu dem Briefe an die Römer I*, S. 7. *Die christliche Lehre von der Rechtfertigung und Versöhnung dargestellt von Albrecht Ritschl*. Zweiter Bnd: *Der Biblische Stoff der Lehre*. Dritte Auflage, Bonn 1889. S. 316; Павелъ «возвышался въ своей ревности потому, что его фарисейская увѣренность была потрясена скрыто раздиравшими его протворвчїями между нравственными требованіями закона и познаніемъ своего рабства грѣху». S. 321: «За его фарисейскою самоудовлетворенностію слѣдовала моральная раздробленность, закончившаяся въ вѣрѣ, которую онъ зналъ, какъ вѣру досель преслѣдуемой пль общины».

¹³¹⁾ Въ подтвержденіе этого положенія—для краткости—отсылаемъ къ *F. Godet*, *Commentar zu dem Brief an die Römer II* (Hannover 1882), S. 49—77. *Explanatory Analysis of St. Paul's Epistle to the Romans* by late Canon *H. P. Liddon*, London 1893, p. 119 sequ. *Еп. Теофанъ*, Толкованіе посланія св. Апо-

отчетливость изображенія не мало вліяло и христіанское просвѣщеніе, при которомъ Апостоль вполнѣ понялъ смыслъ своего прошлаго ¹³²). Конечно, къ этому времени относится и вся внутренняя борьба съ болѣзненнымъ разладомъ недостижимаго хотѣнія и злого исполненія. И виновница тому, безспорно, законническая заповѣдь. Все это вѣрно, но вытекаетъ ли отсюда, что послѣдняя гибельна, и заслуживаетъ ли она отверженія съ рѣшимостію принять новое и къ ней не возвращаться? Въ этомъ и вся важность, а тутъ, мнѣ кажется, мы совсѣмъ не въ правѣ говорить „да“. Разберемъ, какое этическое значеніе имѣетъ этотъ періодъ,—и мы найдемъ, что онъ не просто отрицательная полоса въ нравственномъ возрастаніи каждой личности и всего человѣчества. Ближайшее дѣйствіе законническихъ приказаній и запрещеній заключается въ томъ, что они обнаруживаютъ предъ со-вѣстію грѣхъ во всемъ его безобразіи и омерзительности (ст. 7). Само по себѣ это разумѣніе было бы несовершеннымъ, еслибы оно равнялось отвлеченно-теоретическому прозрѣнію, которое слишкомъ слабо затрогиваетъ волю, между тѣмъ къ ней все направляется и отъ нея все зависитъ. Поэтому необходимо долженъ присоединиться опытъ. Его и даетъ законническая педагогія. Своими угрозами она растравляетъ дремлющія грѣховныя страсти и вызываетъ ихъ къ энергической

стола Павла къ Римлянамъ. Москва 1879, стрн. 391—393. Доц. *В. Н. Ммышцынъ*, Ученіе св. Апостола Павла о законѣ дѣлъ и законѣ вѣры, Сергіевъ Посадъ 1894, прим. на стрн. 50—54. Прибавимъ только, что не менѣе неудачна и безуспѣшна и новѣйшая попытка Prof. *Eug. Ménégot's* спасти августиновско-реформатско-раціоналистическое пониманіе усвоеніемъ Апостолу «дуалистическаго монизма» въ созерцаніи своего нераздѣльнаго «я» то плотнымъ, то духовнымъ (*Le péché et la rédemption d'après Saint Paul, Paris 1882, p. 50 suiv.*), какъ и ранѣе высказанная аналогичная мысль Prof. *Albrecht Ritschl's* (въ *Eine kirchen—und dogmengeschichtliche Monographie «Die Entstehung der altkatholischen Kirche»*, zweite Auflage, Bonn 1857, S. 71—72), будто у св. Павла господствовало различное воззрѣніе на *σάρξ*—для означенія всего человѣка въ невозрожденномъ и съ ограниченіемъ для одного тѣла въ искупленномъ. Такая принципиальная двойственность разумія не допустима уже потому, что равнялась бы двойственности самосознанія.

¹³²) Ср. *A Critical and Exegetical Commentary on the Epistle to the Romans* by the Rev. Prof. *Will. Sanday* and the Rev. *Arth. C. Headlam*, Edinburgh 1895, p. 185—186.

активности. Отселѣ начинается ихъ живая работа съ непреклонною безпощадностію и во всей деспотической отвратительности. Овладевая всѣмъ человѣкомъ, онѣ постепенно закаляются настолько, что добро лишь раздражаетъ и ожесточаетъ ихъ до стремленія сокрушить и устранить его на вѣки. Вынужденное и невольное пробужденіе ихъ свидѣтельствуешь объ эссенціальной извращенности и физическомъ противленіи всякому благу. Это стихія натурально враждебная всему доброму и особенно разгарается потому, что оно есть и составляетъ высочайшую потребность человѣческаго духа. По этой причинѣ она естественно окрашивается характеромъ богоборчества, когда отъ божественнаго призыва беретъ поводъ къ умерщвленію. Теперь похоть достигаетъ апогея въ своемъ демоническомъ узурпаторствѣ, получая тутъ и свой смертный приговоръ. Она является злою силой, нарушающею равновѣсіе, разстраивающею гармонію и увлекающею вопреки желанію и въ оскорбленіе человѣческой природѣ. И разъ это допускается въ виду священнаго повелѣнія и по намѣренной адверсативности ему,—ея этическая негодность оказывается неотразимою для каждаго, поелику грѣховный *грѣхъ будетъ по премногу грѣшенъ заповѣдію* (ст. 13). Это первый результатъ привхожденія законничества, что оно раскрываетъ грѣховность съ качественной стороны въ смыслѣ богопротивности. Наряду съ этимъ понятно и другое необходимое дѣйствіе. Не окончательно павшій человѣкъ инстинктивно протестуетъ во имя своихъ лучшихъ влеченій и рвется на свободу изъ грѣховныхъ оковъ, но онѣ не сокрушимы и не поддаются его напряженію. И выходитъ, что онѣ дѣлаетъ не то, что хочетъ, а исполняетъ ненавистное. Между тѣмъ желаніе добра прилежитъ ему, и внутренно онѣ соулаживается въ законѣ Божіемъ. Въ такомъ случаѣ вся эта антиномія обнаруживаетъ страшную мощь зла и слабость человѣческихъ порывовъ въ ихъ плотяной ограниченности. Антибожественный—грѣхъ будетъ постигнутъ и съ количественной точки зрѣнія. Онѣ ужасенъ въ своей неукротимости трудно поколебимаго господства. Это свирѣпый поработитель, умѣющій и способный крѣпко держать плѣнника въ своихъ темницахъ.

Можно ли считать эти выводы безотрадными и возбуждающими отчаяніе въ своемъ спасеніи на законнической почвѣ? Думаю, что нѣтъ и — по неотразимымъ причинамъ. Здѣсь крайне характерно, что Апостоль всюду и неизмѣнно говоритъ лишь о разумѣніи. Такъ, онъ узналъ грѣхъ и понялъ пожеланіе во всѣхъ ихъ дурныхъ свойствахъ. Слѣдовательно, они не закономъ произведены и были раньше во всей реальной неоспоримости. Этотъ просто освѣтилъ ихъ предъ сознаниемъ и выдвинулъ наружу скрытаго врага, который былъ столь же опасенъ, если тайлся во мракѣ. И подлинно, *ἄχρη νόμου ἀμαρτία ἦν ἐν κόσμῳ* (Рим. V, 13) и, безъ сомнѣнія, функционировалъ со свойственною ему энергіей. Эта подспудная сила вѣчно примѣшивалась ко всѣмъ стремленіямъ человѣческимъ и своимъ коварнымъ вторженіемъ отравляла ихъ доброе усердіе. Она только оставалась неизвѣстною въ своемъ существѣ и въ этомъ смыслѣ была безжизненна для дремлющей совѣсти, не нарушая ея несчастнаго самообольщенія. Ея мертвость лишь относительная и не равняется абсолютной инертности. Иначе оживотвореніе ея было бы невозможно не менѣе, чѣмъ и смертоносность для человѣка. Въ противномъ случаѣ мы вынуждены будемъ приписать закону чудодѣйственность въ порожденіи зла, а это не согласно съ его первоисточникомъ и достоинствомъ и исключается тѣмъ фактомъ, что онъ просто возбуждаетъ и раздражаетъ. Ясно, что дозаконная безмятежность весьма далека отъ блаженства и этически совершенно гибельна. Ея преимущество единственно въ томъ, что въ ней не было законопреступности, почему она и не наказывается законническою карой. Но это ничуть не свидѣтельствуешь о ея нравственной доблести и даже нерадостномъ безразличіи. Правда, „грѣхъ не вмѣняется, когда нѣтъ закона“, и „однако смерть царствовала отъ Адама до Моисея и надъ несогрѣшившими подобно преступленію Адама“ (Рим. V, 13—14). Въ итогѣ имѣемъ, что *елицы беззаконно согрѣшиша, беззаконно и погубнутъ*¹³³⁾, какъ *елицы въ законъ согрѣшиша,*

¹³³⁾ Эту мысль раздѣлялъ и раввинизмъ, допуская, что изычвники будутъ судимы на основаніи извѣстныхъ «Ноевыхъ заповѣдей». См. у *F. Weber, Die Lehren des Talmud, S. 378.*

закономъ судъ примутъ (Рим. II, 12). Фактической разницы не оказывается, — и заповѣдь не приводитъ съ собою новой бѣды. Потому отрезвляющее ея вліяніе ни коимъ образомъ не было пагубнымъ фатально и не влило въ душу излишней отравы. Скорѣе—оно было прекращеніемъ плотянаго усыпленія, гдѣ нечистые миражи неосвѣщенной фантази суетно принимаются за наилучшіе идеалы объективной значимости и фактической цѣнности. Человѣкъ находится въ закодированномъ кругу плотянаго очарованія и, не чувствуя его тлетворности, всецѣло ему подчиняется. Онъ и не помышляетъ о высшемъ и неизмѣнно исполняетъ велѣнія плоти въ качествѣ натурально этическихъ требованій. Не по іудейскому сомнѣнію, а несомнѣнно и неотвратимо всякій язычникъ по природѣ грѣшникъ (Гал. II, 15), потому что всѣ его добродѣтели плотяны и безусловно грѣховны. Неизбѣжно, что, живя по плотскимъ похотямъ, онъ по самому естеству будетъ чадомъ гнѣва (Еф. II, 3) безъ надежды на возможность избавленія. Это спокойствіе невѣдѣнія тѣмъ и ужасно, что оно не зажигаетъ даже искры желанія чего-либо сверхъ плотянаго самоуслажденія. Это сонъ плотского опьяненія, мрачнаго именно потому, что оно увлекаетъ до восторженности и охлаждаетъ всѣ нравственные порывы своею невозмутимостію. Понятно, что законническое пробужденіе, нарушая эту спячку, совершаетъ спасительный нравственный переломъ возведенія человѣка на степень морально сознающей и этически дѣйствующей особи. Въ нѣкоторомъ отношеніи оно было смертію, поелику умиралъ одушевленный индивидуумъ, мирно работавшій по своимъ влеченіямъ и воображавшій себя автономнымъ; такъ какъ — при отсутствіи разлада — ему необходимо казалось, что онъ всѣмъ распоряжается и всѣмъ располагаетъ по своей волѣ. Между тѣмъ это было слѣпое заблужденіе физической неосмысленности и душевной подавленности, откуда объяснялась и внутренняя гармоничность. Она покоилась на крайней извращенности, почитаемой за безупречную цѣлостность, и порождала коварный обманъ, будто всякій живетъ по собственной инициативѣ, когда онъ просто прозябалъ въ плотяномъ рабствѣ. Если онъ ничему не подчинялся и ничего не уступалъ, если онъ

всегда выполнялъ свое хотѣніе, то это лишь по той причинѣ, что онъ всему покорился и не думалъ о свободѣ. Съ этой стороны законъ своими требованіями убилъ оцѣненѣвшаго невѣжду грѣха и его уколовъ и вызвалъ въ бытію отвѣтственную личность разумной твари предъ святѣйшимъ Творцомъ. Въ міровой исторіи нравственнаго прогресса здѣсь была величайшая эпоха нравственнаго оживленія, начало нравственнаго развитія и источникъ нравственнаго преуспѣянія. По своему этическому достоинству эта смерть закономъ напоминаетъ развѣ нашу смерть во Христѣ, ибо въ первомъ случаѣ она вызываетъ борьбу съ грѣхомъ, во второмъ сообщаетъ господство надъ нимъ съ послѣдующимъ его упраздненіемъ. И тамъ и тутъ цѣль равна по своему достоинству, хотя и не одинакова по осуществленію.

Послѣ сказаннаго мы обязаны согласиться, что пришествіе законничества Савль не могъ считать ни бѣдствіемъ, ни бѣдственнымъ. Оно заключило собою періодъ „младости“, и съ нимъ исчезло фатальное хожденіе по стихіямъ міра съ замѣною этическимъ стремленіемъ къ ихъ препобѣжденію ради и во имя сознанныго и признаннаго добра. Посему же законъ—спасительный вѣстникъ жизни, ея громкій глашатай и вѣрный путеводитель. И подобныя его качества совершенно очевидны. Справедливо безусловно, что *похоти не вѣдаехъ, аще бы не законъ глаголаехъ: не похощеши* (Рим. VII, 7), но не менѣе истинно и то, что ранѣе я исполнялъ всѣ эти пожеланія съ безпечальнымъ убѣжденіемъ въ ихъ легальности. Напротивъ, теперь обнаруживается ихъ нетерпимость, а съ нею возникаетъ и мотивъ долга. И для меня онъ ничуть не внѣшнее и насильственное налагаемое иго, чуждое моей природѣ и враждебное ей. Совсѣмъ наоборотъ, ибо по внутреннему челоуѣку я нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ и тяготѣю къ нему. Потому заповѣдь показываетъ мнѣ меня самого и окрыляетъ мои возвышенныя воздыханія. Въ этомъ смыслѣ она — свѣтильникъ моей совѣсти, оживотворяющій лучъ для ея заглушенной энергіи. И личность охотно повинуется ей съ рѣшимостію беззавѣтнаго послушанія для осуществленія пребывающаго въ ней желанія добра. Затѣмъ наступаетъ мучительный разладъ идеи и факта. При всей

искренности своего стремленія на практикѣ получается страшное несоотвѣтствіе, формулируемое въ скорбномъ исповѣданіи, что я „добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю“ (Рим. VII, 19). При всемъ томъ это тягостное противорѣчіе уже служитъ неоспоримымъ залогомъ обладанія идеаломъ и влеченія къ нему, поелику я болѣзненно мучаюсь этимъ диссонансомъ. Въ самомъ недугѣ дано и исцѣленіе, потому что „если я дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ“ (Рим. VII, 16). Понятно далѣе, что къ нему и должно направляться мое рвеніе: онъ оказывается безконтрольнымъ властелиномъ моего нравственнаго созиданія и въ немъ человѣкъ пріобрѣтаетъ свое избавленіе. Это неотразимо и съ другой стороны. Съ привхожденіемъ закона пробуждается во мнѣ всякая похоть и грѣхъ получаетъ въ немъ силу (1 Кор. XV, 56) для безмѣрнаго возрастанія (Рим. VII, 13). Вся борьба съ нимъ бесплодна и безуспѣшна, скорѣе отдаляетъ побѣду, чѣмъ приближаетъ къ ней. Однако доброе усердіе во мнѣ несомнѣнно и удовлетворяетъ моимъ запросамъ; отсюда вытекаетъ, что „если я дѣлаю то, чего не хочу, значить дѣлаю это не я, но живущій во мнѣ грѣхъ“ (Рим. VII, 20). Коль скоро это происходитъ и при моей хвалѣ заповѣди, здѣсь новое подтвержденіе той же истины (VII, 16—17). Поэтому необходимо допустить иной законъ, который будетъ не во внутреннемъ человѣкѣ, волящемъ на все благое, а въ томъ, что производитъ внѣшній актъ и сообщаетъ ему фактическую реальность, или въ членахъ моихъ, во всемъ плотяномъ моемъ существѣ, предъуказанномъ въ орудіе духу (VII, 23). Вопреки этому, оно захватываетъ верховенство надо мною и въ свою очередь всецѣло покоряетъ меня, почему я убѣждаюсь, что „доброе не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей“ (VII, 18), поелику *хотящу ми творити доброе, мнѣ злое прилежитъ* (VII, 21). Въ концѣ концовъ внутренній раздоръ разрѣшается въ мысли, что исключительная причина его въ преобладаніи и нагнетательномъ давленіи плотяности. вмѣстѣ съ этимъ точно обрисовывается и моральная цѣль моего поведенія въ устраненіи этого смертоноснаго деспотизма и возвышеніи свой духовности до степени самодержавнаго первенства. И средство къ тому

близко и всемошно. Вся бѣда моей безуспѣшности въ томъ, что я плотянь и долженъ преобразиться по другому принципу, но на этомъ счетъ безспорно, что законъ духовень (Рим. VII, 14). Естественный результатъ теперъ самопонятень и прямо отливается къ безусловное правило, что нужно повиноваться послѣднему и во всемъ руководствоваться имъ.

Вдумаемся въ эту глубочайшую психологическую картину,—и мы найдемъ, что въ ней всего менѣе было оснований для антиномистическаго протеста и законническаго ренегатства. Напротивъ, все и съ принудительною повелительною склоняло на сторону священной важности богодарованнаго закона, его единственной спасительности и вселяло безграничное почтеніе къ нему съ порабощеніемъ духа и умерщвленіемъ плоти. Въ немъ и отъ него начало нравственной жизни, какъ имъ же предназначается и высшая цѣль, ибо „законъ святъ и заповѣдь свята, и праведна, и добра“ (VII, 12). Онъ пробуждаетъ человѣка отъ моральной дремоты, гдѣ все довольство въ сонномъ оболъщеніи, и—подобно яркому дневному солнцу—отчетливо освѣщаетъ весь путь нравственнаго преуспѣянія. Если при этомъ и обнаруживается мое крайнее и безотрадное нравственное убожество, то тѣмъ ярче разгорается энергія быть въ законѣ и жить съ нимъ, служить только предъ нимъ и лишь ему поклоняться.

Съ этой точки зрѣнія, достаточно обезпеченной экзегетическимъ анализомъ, получаетъ совсѣмъ иной смыслъ и фактъ тяжелой нравственной борьбы въ невозрожденномъ іудеѣ. Она преслѣдуетъ и терзаетъ его, но не иссушаетъ благочестиваго сердца, а воспламеняетъ его вѣрой въ славу и торжество завѣтовъ Израиля. Ея возникновеніе всецѣло обязано законническому вліянію, имъ вызывается и поддерживается въ своей интенсивности. До него личность пребывала въ сладостномъ упоеніи младенческаго невѣдѣнія, не зная ни злой похоти, ни добраго пожеланія. Ясно, что моральный раздоръ бываетъ вмѣстѣ и *post hoc* и *propter hoc*. Въ заповѣди весь корень описаннаго разлада,—и внѣ ея онъ не возможенъ и не мыслимъ. Посему кризисъ абсолютно замыкается въ этой сферѣ и не простирается за ея предѣлы, ограничиваясь строго законническими рамками. Въ немъ нѣтъ стремленія

къ чему-либо другому и совершенно не участвует исканіе высшаго и лучшаго. Онъ условливается единственно несоотвѣтствіемъ моего фактическаго настроенія идеальной нормѣ и направляется на водвореніе успокоительной гармоніи съ нею. Это война двухъ враговъ, всецѣло самонадѣянныхъ и абсолютно независимыхъ по своимъ силамъ. Вслѣдствіе этого и нравственная задача сводилась просто къ непрестанному и непреклонному противоборству своими природными орудіями. Для плоти это былъ законъ въ членахъ моихъ, для духа—законъ Синайскій. Сверхъ и кромѣ ихъ новыхъ доспѣховъ не имѣлось и не требовалось, потому что тогда пришлось бы унижительно сдаться на капитуляцію. Нравственная антиномія вырастаетъ на законнической почвѣ и опредѣляется ею, пока она продолжается.

Отсюда и первое несомнѣнное положеніе, что названный конфликтъ отмѣчаетъ не тяготѣніе къ иному, а упорство въ старомъ съ рѣшимостію защищать его до самопожертвованія. Какъ справедливо говоритъ Стевенсъ ¹³⁴⁾, это не столкновение „между усиліями спастись закономъ и сомнѣніями, вызванными христіанскимъ ученіемъ относительно корректности этого метода, но между этими усиліями и властію грѣха, ихъ разбивающаго. Поэтому къ нему не примѣшивается колебанія на счетъ повиновенія закону въ качествѣ единственно истиннаго пути ко спасенію и—еще менѣе—смущенія въ поведеніи гонителя, а обнаруживаются лишь безпокойство, страхъ и робость со стороны Савла по сознанию своей неспособности успѣшно совершить этотъ путь“... Тутъ „нѣтъ соперничества методовъ спасенія легальнаго и другого. Все бореніе условливается напряженнымъ и пастойчивымъ желаніемъ выполнить требованія закона. Съ начала до конца это скрещиваніе лучшихъ силъ пробужденной совѣсти, стремящейся къ повиновенію, и болѣе мощныхъ силъ грѣха, безнадежно обращающихъ всѣ подобныя попытки въ ничто“.

Во всякомъ случаѣ вѣрно до безспорности, что фарисейскія терзанія моральнаго свойства были чисто законническаго про-

¹³⁴⁾ The Pauline Theology. A Study of the Origin and Correlation of the Doctrinal Teachings of the Apostle Paul. By Prof. George B. Stevens. London 1892. P. 15—17.

исхожденія и вызывались пристрастіемъ къ своему родителю. Дальше имѣемъ второе важное наблюденіе, что, вызванныя сыновними симпатіями, они и преслѣдуютъ только отеческіе интересы. Являясь по причинѣ закона, они предпринимаются и поддерживаются именно для него. Вспомнимъ, въ чемъ вся острота и интенсивность нравственной коллизіи. Она создается познаніемъ непримиримаго контраста добра и зла при влеченіи къ первому и физическомъ тяготѣннн къ послѣднему. Отселѣ встрѣчное противоборство, которое при близкомъ равенствѣ сталкивающихся энергій остается незавершеннымъ и вѣчно раздираетъ душу направо и налѣво. При такомъ балансированіи достаточно снять тяжесть съ одной чашки, — и будетъ приобрѣтена твердая опора, не нуждающаяся въ новомъ подкрѣпленіи и не допускающая соперничества. Но разъ этого не бываетъ, обѣ силы продолжаютъ работать одинаково неутомимо. Между тѣмъ законничество есть моментъ привзошедшій и въ извѣстномъ смыслѣ подстрекательскій, почему съ устраненіемъ его водворилось бы прежнее успокоеніе. Коль скоро этого нѣтъ, — несомнѣнно, что оно исповѣдуется всѣмъ сердцемъ и служитъ главнѣйшимъ двигателемъ воли. Видимое дѣло, человекъ для него теряетъ свой миръ и лишь за него ведетъ войну.

Ясно, что нравственная борьба и возбуждается закономъ, и подогрѣвается имъ, и направляется только къ нему. Это безысходный кругъ, въ которомъ человекъ неизбѣжно бываетъ вѣчнымъ узникомъ, потому что онъ связываетъ себя законническими оковами ради высшихъ и священныхъ потребностей своего духа, ради цѣлостности своего собственнаго „я“, превышающаго размѣры плоти.

При подобномъ соотношеніи предначертывашійся путь не допускалъ ни малѣйшихъ уклоненій, лишалъ странника зрѣнія ко всему окружающему, фиксируя его взоръ въ определенной точкѣ. Ничто не отвлекало и не развлекало его, и онъ долженъ былъ двигаться съ автоматическою регулярностію. Правда, плотскія вожделѣнія и обурѣваютъ и одолѣваютъ, но это еще не резонъ для подчиненія имъ и отказа отъ себя. Его не находилъ здѣсь и Савль — фарисей, какъ въ этомъ вѣрною порукой служитъ намъ Павелъ — Апостоль. Все хри-

стианское достоинство онъ утверждаетъ на томъ, что человекъ всецѣло сливается съ Господомъ, облекается во Христа и чрезъ Него бываетъ въ Духѣ. Лишь при такомъ соприбываніи съ Искупителемъ и Утѣшителемъ онъ перестаетъ работать со свойственною ему извращенностію своего естественнаго существа. Но тутъ несомнѣнно, что получаемое при крещеніи обновленіе даетъ только залогъ Духа (2 Кор. I, 22. V, 5), Который приобрѣтается въ исключительное достояніе единственно при постепенномъ возрастаніи въ Немъ, чрезъ послѣдовательное благодатно-нравственное возмужаніе въ плодоношеніи вѣры, дѣйствующей изъ себя любовію и приводящей къ абсолютной любви, когда *будетъ Богъ всяческая во стнхъ* (1 Кор. XV, 28). Пока эта вершина не достигнута,—и христіанинъ не избавленъ отъ прираженій плотности. При ослабленіи же духовнаго напряженія, она завладѣваетъ личностію и основываетъ въ ней свое губительное царство, куда почти не проникаетъ лучъ свѣта. Потрясающая исторія этого плотяного возобладанія поразительно страшна и логически беспощадна при всей сжатости ея изображенія въ посланіи къ Галатамъ (V, 19—21)¹³⁵). Плоть сначала растравляетъ животныя инстинкты чувственнаго самоуслажденія (πορνεία) и, добившись чрезъ нихъ своего полного господства, всюду вноситъ специфическую нечистоту (ἀκαθαρσία) плотянаго интереса и плотскаго вожелѣнія всякаго рода и вида, чтобы затѣмъ дѣйствовать съ неприкрытою наглостію и беззащѣнчивою необузданностію (ἀσελγεία). Она воздвигаетъ свой идольскій культъ (εἰδωλολατρεία) съ религіозными волшебствами (φαρμακεία) и въ своемъ самообоженіи бываетъ ко всему враждебна (ἔχθραι), все оспариваетъ (ἕρις) съ беспощаднымъ завистничествомъ (ζήλος) и—при неуступчивости—распаляется бурною яростію (θυμοί). Въ жизни эта враждебность (ἐριθεία) неизбѣжно производитъ расколы (διχοστασίαι) въ сознательно противныхъ партіяхъ (αἰρέσεις), взаимно ненавидящихъ (φθό-

¹³⁵) Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мы по необходимости ограничиваемся сжатымъ изложеніемъ своего пониманія, ибо подробное «экзгетическое» его обоснованіе, намъ предполагаемое, слишкомъ отклонило бы насъ отъ прямой цѣли настоящаго труда.

νος) и самоистребляющихъ (φθoς), дабы среди всеобщаго погрома безраздѣльно совершать мрачную тризну въ дикомъ опьяненіи (μέθαι) безпробудныхъ оргій (χῶμοι). Безжалостенъ и ужасенъ этотъ плотяный деспотъ и вызываетъ содроганіе предъ своею демоническою хитростію устраивать свой тронъ на остриѣ иголки!.. Но чтѣ же отсюда? Развѣ это показываетъ, что ему нужно подчиняться и прекратить борьбу съ утратою своего христіанскаго достоинства? Съ священнымъ негодованіемъ Апостоль громитъ подобныя наклонности категорическимъ отрицаніемъ и возвращаетъ пошатнувшихся къ здоровому исповѣданію. Именно потому, что плотяность эссенціально противна духовности (Гал. V, 17), и необходимо избѣгать первой и прилѣпляться ко второй по правилу: ходите Духомъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не исполнять плотскихъ похотей (V, 16). Не такъ ли точно долженъ былъ мыслить и дѣйствовать Павелъ и въ періодъ своего жидовствованія? Не то ли одушевленіе руководило имъ тогда и не тѣ ли высокія цѣли волновали его благочестивое сердце? И если мы скажемъ „да“, поелику „нѣтъ“ не позволительно, — естественно, что и результатъ будетъ качественно одинаковый. Въ параллель поработенію Христу получится рабство закону съ безавѣтною ему преданностію и безвозвратно.

Несомнѣнное по фактической аналогіи, это заключеніе неизбежно и по самому ходу вещей, гдѣ все находится въ неразрывномъ причинномъ сцѣпленіи. Тись зеркальной глади нравственнаго младенчества нарушается и по ней начинаютъ бѣгать бѣшенныя волны, но человекъ уже не жалѣеть о покоѣ гнѣющаго и разлагающагося застоя. Онъ ищетъ бури, съ цѣлію приобрѣсти болѣе высокой и драгоцѣнный миръ нравственно отвѣтственной совѣсти. Она поражена закономъ по внутреннему сродству съ нимъ и не расторгима отъ него, если онъ не измѣняетъ своему призванію. А такого несчастія доколѣ ничто не предвѣщаетъ. Наоборотъ, имѣются всѣ данныя для самыхъ наилучшихъ надеждъ и свѣтлыхъ упованій. Онъ пробудилъ святыя порывы и вдохнулъ въ нихъ небывалую энергію, не смолкающую въ своемъ рвеніи при явной несокрушимости соперника. Не свидѣтельствуетъ ли это, что законъ, поскольку онъ оживотворяетъ омертвѣвшее сердце, обладаетъ

источникомъ жизни, которую сообщить и ему? Потому неотложно и обязательно всячески прилѣпляться къ нему, чтобы почерпать изъ него безъ мѣры и безъ отдыха. Такое неизбѣжное движеніе душевныхъ чувствъ не оставляло мѣста для колебаній, поелику обѣщало совершенный успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, будучи вѣщимъ глашатаемъ нравственной чистоты, *ὄρος* оказывался и носителемъ ея. И кто послушалъ его отрезвляющаго голоса, тотъ долженъ былъ послѣдовать ему и не могъ отказаться отъ него, не поднявшись на самую вершину. Лишь здѣсь онъ убѣждался въ его подлинной цѣнности и только теперь былъ въ правѣ произносить надъ нимъ свой судъ, но не прежде. До этихъ поръ человѣкъ по необходимости былъ законническимъ плѣнникомъ не съ сокрушеніемъ за свою неволю, а съ отрадою защиты отъ плотяныхъ гонителей подъ его спасительнымъ покровомъ. Съ этой точки зрѣнія и Савлъ въ силу своего внутренняго раздора еще крѣпче привязывался въ своему охранителю и неудержимѣ увлекался къ нему; иначе ему пришлось бы сказать, что законъ не святъ, между тѣмъ онъ считалъ его вмѣстилищемъ святости и усматривалъ теперь единственно свою грѣховность и беспомощность.

Такимъ образомъ нравственный разладъ фари́сейской души принудительно погружалъ ее въ законничество, которое поглощало ее всецѣло, захватывало до самой глубины и овладѣвало всѣмъ существомъ. И это подчиненіе было безпредѣльнымъ и безконечнымъ, потому что отъ него зависѣло самое бытіе человѣка, какъ нравственной личности, понимающей добро, любящей его и вѣрящей въ него ¹³⁶). По этой причинѣ разрывъ былъ не возможенъ, пока не смолкали всякія нравственныя требованія, поелику они находили себѣ основу и пищу въ ветхозавѣтной нормѣ. Безъ нея расторгались узы плотяности, и начиналось ея стихійное господство; но этого физически не допускало внутреннее достоинство человѣческое, его интересы и стремленія. Отсюда объясняется и крайнее предубѣжденіе іудайство́въ противъ

¹³⁶) Ср. Вар. IV, 1: «Вотъ книга заповѣдей Божіихъ и законъ, пребывающій во вѣкъ. Всѣ, держащіеся ея, будутъ жить, а оставляющіе ее умрутъ».

чистѣйшей христіанской свободы, потому что она казалась имъ дверью къ разнузданности, точкою опоры для плотскаго порабощенія (ср. Гал. V, 13). При такомъ взглядѣ, вполне естественномъ для подзаконной совѣсти, номистическое ренегатство, даже самое искреннее, необходимо представлялось широкимъ путемъ къ безбожію эллинской грѣховности (Гал. II, 17), получающей абсолютную безконтрольность. Здѣсь важнѣйшій мотивъ іудаистическихъ усилій сохранить ветхозавѣтныя ограниченія при благодати, какъ недостаточно обезпечивающей нравственное преуспѣяніе. Если до такой степени было энергично номистическое обаяніе и у тѣхъ, кто желалъ пріобщиться къ христіанскому возрожденію, то насколько подавляюще оно дѣйствовало въ Савлѣ, видѣвшемъ въ новой религіи лишь злѣйшаго врага? И внутренній раздоръ еще сильнѣе подстрекалъ его въ законническомъ рвеніи, потому что въ послѣднемъ была единственная надежда на его ослабленіе и устраненіе посредствомъ воспріятія законной святости. Она же божественна по своему происхожденію и предъуказана человѣку. Первое свойство утверждаетъ ея безспорную качественную высоту и свидѣтельствуетъ о ея жизненной мощи, второе гарантируетъ ея доступность, ибо безъ своего осуществленія въ исторіи она была бы слабою и напрасною, безсодержательною и безцѣльною. Разумѣется, все это не допустимо, почему она будетъ идеаломъ и источникомъ нравственнаго совершенства.

При подобномъ возрѣніи временныя индивидуальныя колебанія не затрогиваютъ божественной важности закона и совѣмъ не ведутъ къ разочарованію въ немъ. Такого обобщенія не потерпѣла бы самая простая логика. Вся дисгармонія условливалась собственно тѣмъ, что идеальная норма вѣчно остается впереди и служитъ неизмѣннымъ укоромъ человѣческой ограниченности. Съ каждымъ шагомъ впередъ она все дальше отодвигается, поелику всякій нравственный успѣхъ просвѣтляетъ самосознаніе и дѣлаетъ его болѣе принципиальнымъ въ опредѣленіи своего истиннаго моральнаго уровня по сравненію съ обязательнымъ. Тутъ всегда будетъ несоотвѣтствіе идеи и факта по несовпаденію ихъ между со-

бою до точности. А разъ это разстояніе сохраняется неизмѣнно, суетность моихъ напряженій будетъ относиться исключительно на счетъ моей низменности. Потому и прямымъ результатомъ бываетъ просто констатированіе моего нравственнаго убожества. Всего менѣе это можетъ быть приписано закону по его природѣ, которая ничуть не страдаетъ отъ такихъ реалистическихъ неудачъ. Онѣ были бы смертельнымъ приговоромъ для него не иначе, какъ при условіи всецѣлой зависимости отъ него по своему бытію и свойствамъ. Тогда слѣдствіе необходимо извиняется своею причиною и осуждается ее безповоротно. На дѣлѣ производящимъ стимуломъ моей грѣховности является плоть, которая за нее и отвѣчаетъ безраздѣльно. Но́мосъ не потрясается ни на іоту и удерживаетъ весь свой престижъ, разъ не онъ повиненъ въ моей бесплодности. Для того онъ долженъ воплотиться пунктуально и быть абсолютнымъ двигателемъ моихъ поступковъ не по одному мотиву, но и по ихъ раскрытію въ частныхъ актахъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ бы собственною ихъ опорой, получая въ нихъ свое подтвержденіе, либо уничтожаясь вмѣстѣ съ ними. Коль скоро этого нѣтъ, — не мыслимо и противно здравому разуму разсуждать о дѣйствительной его силѣ по человѣческой бѣдности, ибо она обязана не ему. Здѣсь не находится опаснаго для него свидѣтельства, поелику онъ не исчерпанъ до конца и не выливается въ моемъ нравственномъ поведеніи полностью. Естественно, что изъ этого не опредѣляется его сущность, и вѣрнымъ будетъ развѣ убѣжденіе въ моемъ моральномъ оскудѣніи.

Эти соображенія имѣютъ рѣшающую важность и для того предположенія, будто Савль оказался неудовлетвореннымъ законническою практикою и почувствовалъ сомнѣніе въ правотѣ самого закона. Допустимъ, что все это съ нимъ было и онъ мучительно стоналъ отъ жалости при тщетѣ всѣхъ своихъ пламенныхъ порывовъ, — и все-таки его законничество останется для него несокрушимою твердыней. Нравственный раздоръ будетъ лишь обличеніемъ недостаточности его преуспѣянія и побужденіемъ къ дальнѣйшему гоненію святости. Но она закономъ предначертана и въ немъ запечатлѣна Господомъ, потому отъ него и приобрѣтается. По-

нятно теперь, что къ нему же должна быть направлена вся стремительность воли, желающей добра и ищущей мира. Иного средства не было и не предвидѣлось, если и самое нравственное отрезвленіе вызвано заповѣдію. Совершенно естественно, что молодой Тарсіецъ избираетъ этотъ путь законническаго возрастанія, чтобы не уклоняться съ него и попираеть всѣ препятствія. Историческія извѣстія по этому предмету категорически подкрѣпляютъ подобную вѣроятность и сами ограждаютъ ея въ своей безошибочности и неложности. Савль ревновалъ по Богу согласно отеческому закону наравнѣ съ прочими іудеями (Дѣян. XXII, 3) и жилъ всею доброю совѣстію (Дѣян. XXIII, 1) по строжайшему фарисейскому ученію (Дѣян. XXVI, 5). На этомъ поприщѣ онъ обнаруживалъ феноменальный прогрессъ въ своей неумѣренной ревнительности объ отеческихъ преданіяхъ (Гал. I, 14) и достигъ того, что былъ по правдѣ законной непороченъ (Филипп. III, 6). Значить, онъ и удовлетворялъ ей и получалъ отъ нея удовлетвореніе. Это показываетъ, что было достаточное ея осуществленіе, а тогда вся задача разрѣшалась однимъ усердіемъ въ ея полномъ достиженіи, которое уже обезпечивалось частичными успѣхами. Своимъ несовершенствомъ они причиняли много душевной тревоги и нравственныхъ угрызений, но это лишь неотвратимѣ увлекало къ восхищенію абсолютнаго торжества, несомнѣннаго по непреложности божественнаго совѣта. Потому—впередъ и впередъ и никакъ не назадъ или въ сторону!..

Резюмируя всѣ свои предшествующія соображенія, мы отрываемъ въ нихъ твердое фактическое основаніе для уразумѣнія дѣйствительнаго законническаго настроенія Савла. Оно было далеко не спокойное и омрачалось нравственными смятеніями плотной обуреваемости, не поддававшейся укрощенію. Они были вызваны къ жизни заповѣдію и условливались ею въ своей напряженной интенсивности. Въ этомъ смыслѣ законническая педагогія была тягостною и удручающею, раздѣляя общія свойства всякой дисциплины, столь обременительной и стѣснительной для неупорядоченной натуры. Но вмѣстѣ съ этимъ она упраздняла нравственное оцѣпенѣніе дремлющихъ силъ и пробудила ихъ къ самопознанію и са-

мообладанію. Она указала человѣку его естественную и врожденную цѣль и представила надежныя средства въ своей божественной святости. Моральное поведеніе опредѣлялось навсегда въ рамкахъ законнической праведности и замыкалось ими безвозвратно, пока послѣдняя сохраняетъ свою важность и обязательность. Въ этомъ отношеніи законъ, какъ *una regnum unum lex* ¹³⁷⁾, неизбѣжно и по божественному его происхожденію и по фактической дѣйственности своего нравственнаго оживотворенія, а потому непреложенъ и по своей повелительности. Въ такомъ случаѣ индивидуальная бесплодность свидѣлствуетъ только о величій законническаго идеала и моемъ несовпаденіи съ нимъ. Здѣсь наилучшее его удостовѣреніе, если онъ не захватывается человѣческой ограниченностію, и сильнѣйшее побужденіе въ сліянію съ нимъ. Въ раввинизмѣ мы имѣемъ яркую иллюстрацію этому, разъ онъ—при всѣхъ житейскихъ аномаліяхъ—продолжалъ вѣровать догматически въ вѣчную обязательность законническаго откровенія (ср. Вар. IV, 1. Прем. Сол. XVІІІ, 4) ¹³⁸⁾ и все спасеніе подчинялъ ему до такой степени ¹³⁹⁾, что занятіе Торой считалъ признакомъ благочестія и для дней Мессіи ¹⁴⁰⁾. Отсюда и категорическимъ принципомъ было убѣжденіе: *lex non periiit, sed permansit in suo honore (valore)* ¹⁴¹⁾. Съ этой точки зрѣнія моральный раздоръ въ душѣ Савла необходимо воодушевлялъ его номистическимъ героизмомъ и былъ вѣчнымъ рожномъ, до болѣзненности неотвратимо толкавшимъ его на всѣ подвиги непрестаннаго жидовствованія ¹⁴²⁾. И чѣмъ мучительнѣе были его уколы, тѣмъ искреннѣе и пламеннѣе онъ долженъ былъ восклицать съ псалмопѣвцемъ: *свѣтиль-*

¹³⁷⁾ Apocalypsis Baruchi LXXXV, 14 у *O. Fritzsche, Libri V. T. pseudepigraphi*, p. 131.

¹³⁸⁾ *F. Weber, Die Lehren des Talmud*, S. 18.

¹³⁹⁾ *F. Weber ibid.*, S. 263.

¹⁴⁰⁾ *F. Weber ibid.*, S. 37.

¹⁴¹⁾ Liber Esdrac quartus IX, 37 у *O. Fritzsche, Libri V. T. pseudepigraphi*, p. 53, и *A. Hilgenfeld, Messias Judaeorum*, p. 156.

¹⁴²⁾ Ср. Paulus in der Apostelgeschichte. Der historische Charakter dieser Schrift an den paulinischen Stücken nachgewiesen von Pastor *J. R. Oertel*. Halle a/S. 1868. S. 125.

никъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ (Пс. СХVІІІ, 105)!

Вотъ безспорный итогъ детальнаго анализа внутреннихъ состояній Савла въ періодъ его гонительства и онъ точно покрываетъ результатъ, добытый нами при разборѣ вліянія внѣшнихъ историческихъ условій. Тамъ мы видѣли, что всѣ вѣянія этого рода проходили для него безслѣдно и ни на минуту не колебали занятой имъ позиціи. Теперь находимъ, что это было и неизбежно, поскольку она обладала священной прочностію и не допускала никакихъ прираженій. Поэтому хульникъ непреклоненъ и невозмутимъ въ своемъ фари-сейскомъ упованіи. Онъ вѣренъ надеждѣ на обѣтованіе отцамъ своимъ въ законѣ и пророкахъ (Дѣян. XXIV, 14) и служить Богу день и ночь (Дѣян. XXVI, 6—7), почерпая въ этомъ силы къ неуклонному возмужанію въ іудействѣ. Онъ преданъ ему до неразлучности и неразрывности всѣмъ своимъ существомъ. Его судьба фатально сливается съ участію завѣта Синайскаго и предрѣшается имъ съ неизмѣнностію. Вслѣдствіе этого законническое потрясеніе не возможно и не мыслимо въ немъ не менѣе, чѣмъ христіанское тяготѣніе. Тогда не оказывается ни поводовъ, ни основаній для естественнаго перехода къ новой „ереси“ (Дѣян. XXIV, 5. 14. XXVIII, 22), — и всѣ попытки этого рода разлетаются въ прахъ, не оставляя по себѣ иного впечатлѣнія, кромѣ ихъ абсолютной призрачности.

При такомъ положеніи дѣла только необходимо, что подобныя гипотезы, имѣя дѣло собственно „съ психологическими невозможностями“¹⁴³⁾, не подходятъ къ фактамъ и ничего въ нихъ не выясняютъ. Это заключеніе прежде всего относится къ опустошительной горячности Савла. Думаютъ, что она выросла и развилась на почвѣ его сомнѣній въ себѣ и въ своемъ крайнемъ разъяреніи означала лишь безразсудное стремленіе утишить свой внутренній пожаръ чужою кровію. Все въ этомъ изображеніи не вѣроятно и психологически не натурально, а—скорѣе—чудесно по своей неслыханности. И сами критики не отрицаютъ связи антихристіанскаго пре-

¹⁴³⁾ J. R. Oertel, Paulus in der Apostelgeschichte, S. 123.

щенія съ фарисейски-зилотическимъ усердіемъ. Мы прибавимъ еще, что она носитъ характеръ условливающей причинности¹⁴⁴). Вспомнимъ, какъ тѣсно сочетаются у Павла прежнее жидовское житіе и ненависть къ Церкви Божіей съ разрушеніемъ ея, при чемъ далѣе слѣдуетъ преспѣваніе въ іудействѣ (Гал. I, 13—14),—и мы поймемъ, что именно по этой ревности онъ и сталъ гонителемъ (Филипп. III, 6). Его хульничество достаточно мотивируется тутъ по своему началу и продолженію, поелику будетъ простымъ рефлексивнымъ отраженіемъ внутренней враждебности. Разъ нарушена эта печальная и прискорбная гармонія,—исчезаетъ и весь аккордъ. Допустимъ, что Савль прежде усумнился въ своей номистической корректности и почувствовалъ тревожные симптомы приближающагося паденія. Въ его глазахъ это былъ опаснѣйшій врагъ для его нравственнаго самообладанія, ядовитый змѣй, готовый отравить все его существо. И если дѣло касалось высшихъ запросовъ духа и разочарованіе затрогивало священные порывы его сердца,—тѣмъ грознѣе и удручительнѣе отмѣченныя недоумѣнія даже въ ихъ зародышѣ. Этимъ рѣшительно предопредѣлялось и ближайшее поведеніе въ смыслѣ подавленія такихъ недобрыхъ зачатковъ и уничтоженія самого ихъ источника. Отсюда вся энергія сосредоточивается на себѣ и направляется единственно къ своему индивидуальному укрѣпленію. Человѣкъ необходимо бываетъ самозаключеннымъ и невоспримчивымъ къ окружающему. Все постороннее не интересуется его, и онъ совершенно индифферентенъ къ его вліяніямъ, потому что слишкомъ поглощенъ собственною работою, обязательной для охраненія своего бытія. Въ этомъ состояніи христіанство не могло жизненно волновать Савла и въ крайнемъ случаѣ побуждало бы его къ большей замкнутости. Пусть оно противно его вѣрованіямъ и оскорбляетъ ихъ, но у него нѣтъ опоры для развитія чисто іудаистической дѣятельности, когда основной принципъ отличается шаткостію и неустойчивостію. Нужно

¹⁴⁴) Ср. Die Apostelgeschichte, oder der Entwicklungsgang der Kirche von Jerusalem bis Rom. Ein biblisch—historischer Versuch von *M. Baumgarten*. Erster Band. Zweite Auflage, Braunschweig 1859. S. 194.

напередъ пріобрѣсти и создать эту базу, чтобы подъ прикрытіемъ ея вести потомъ правильную и систематическую осаду. До тѣхъ поръ она не возможна и развѣ предуготовляется въ полной отрѣшенности личнаго возмужанія. Для сего мы имѣемъ прекрасную параллель и въ христіанской исторіи Павла. Его обращеніе было всецѣлымъ творческимъ актомъ божественной благодати и съ этой стороны обязывало къ строжайшему обезпеченію сообщенной святости отъ всякихъ внѣшнихъ прираженій человѣческаго вторженія. Естественно, что Апостоль не допускаетъ приложенія плоти и крови.

Но это лишь отрицательный моментъ, далеко не исчерывающій всей полноты новой жизни. Будучи законченною и вседвѣлющею, она натурально требуетъ соотвѣтствующаго обнаруженія и непремѣнно функционируетъ сообразно своей природѣ, поскольку безъ этого была бы мертвою и инертною тяготой. По этой причинѣ непосредственно послѣ крещенія Павелъ начинаетъ проповѣдывать въ Дамасскихъ синагогахъ (Дѣян. IX, 20), являя въ себѣ Сына Божія (Гал. I, 16). Это путь безусловно нормальный и неизбѣжный, между тѣмъ мы знаемъ, что потомъ онъ надолго удаляется въ тишину Аравійскаго уединенія (Гал. I, 17). Непонятное на первый взглядъ, это дѣйствіе однакоже легко опредѣляется его положеніемъ и находитъ въ немъ достаточное побужденіе. Его горячее возглашеніе о Христѣ не встрѣтило удовлетворительнаго отклика и даже въ средѣ христіанской вызывало только недовѣрчивое изумленіе передъ такою неожиданною метаморфозой гонителя, прибывшаго въ городъ съ полномочіями палача (Дѣян. IX, 21). Разумѣется, лишенный сочувствія своихъ, благовѣстникъ всего менѣе рассчитывалъ на успѣхъ у іудеевъ, которые были въ правѣ третировать его, какъ всюду отвергаемаго ренегата. Его слово пропало напрасно и оказывалось біеніемъ воздуха, а это неотразимо свидѣтельствовало и о внутренней его недосточности въ теперешней формѣ. Слѣдовало укрѣпить его въ себѣ, чтобы оно было покаяющимъ и убѣждающимъ и точно выражало свою внутреннюю мощь. Въ чемъ собственно заключался недочетъ, — это пока безразлично ¹⁴⁵). Для насъ важень

¹⁴⁵) Ср. ниже на стрн. 378.

здѣсь просто тотъ фактъ, что, разъ Павелъ почувствовалъ свою слабость, онъ прерываетъ предназначенную ему миссію и удаляется отъ своихъ и чужихъ, чтобы въ отрѣшеніи отъ міра и наединѣ съ самимъ собою приобрѣсти мужество для побѣднаго оглашенія другихъ ¹⁴⁶). Не иначе онъ долженъ былъ поступать и въ іудействѣ, если въ немъ была хоть искра колебанія въ своей собственной правотѣ.

Въ такомъ случаѣ не усматривается даже точки отправленія для антихристіанской полемики Савла, который скорѣе бы склонялся къ устраненію отъ всякихъ встрѣчныхъ впечатлѣній, потому что они обостряли его нравственной разладъ и грозили превратить его въ сокрушающій ураганъ. Въ этомъ настроеніи психологически возможно единственно огражденіе себя чрезъ абсолютное изолированіе отъ внѣшняго напора. Но согласимся, что онъ чрезмѣрно энергиченъ и хищнически врывается въ мятущуюся душу, — и тогда для послѣдней не было ничего другого, кромѣ самообороны противъ нападающаго врага и отраженія его ударовъ. Этою защитой истощалось бы все столкновеніе и при убѣжденіи въ своей невинности и непорочности, поелику наступленіе неизбежно влекло омраченіе ихъ и лишало этического оправданія самую неподатливость, не говоря объ активной борьбѣ. Затѣмъ привносится еще элементъ тяготѣнія и внутренней симпатіи къ христіанству, — и это окончательно подрываетъ всѣ опоры для враждебности къ нему. Оно было бы желаннымъ умиротвореніемъ для терзаемаго сердца, цѣлительнымъ бальзамомъ для его кровавыхъ ранъ и невольно зажигало влеченіе любви и благоговѣнія уваженія. Въ силу этого гонительство необходимо смолкало въ своей интенсивности и характеризовалось бы постепеннымъ пониженіемъ его пламенности и стремительности.

Въ дѣйствительности было совершенно обратное, почему всѣ психологическія предпосылки критики будутъ чистымъ измышленіемъ, не имѣющимъ и теоретической убѣдительно-

¹⁴⁶) Отсюда — въ связи съ нѣкоторыми другими наблюденіями (ср. на стр. 141)—мы выводимъ, что Аравійское удаленіе св. Павла падаетъ на моментъ между Д. IX, 21 и 22, а не на періодъ времени Д. IX, 23 уже по возвращеніи въ Дамаскъ.

сти. Потому же онѣ не объясняютъ разсматриваемаго факта, который свидѣтельствуетъ, что для него были свои мотивы. Номистическое сомнѣніе смѣняется крайнею увѣренностію въ себѣ, христіанскія наклонности подавляются радикальнымъ отвращеніемъ, а причинное сочетаніе ихъ производитъ воинственное воспламенѣніе іудействующаго зилотизма. Онъ утверждался на прочномъ основаніи опредѣленнаго религіознаго воззрѣнія и возникалъ изъ него съ неотвратимостію. Въ такомъ видѣ онъ обладалъ священнымъ авторитетомъ неприкосновенности, самодостаточности и всеобдержности, переходившей въ общеобязательность. Отсюда его натуральная непримиримость со всемъ, что параллельно ему и высказываетъ притязаніе на равенство или первенство. Нравственный долгъ безпредѣльнаго почтенія требуетъ охраненія божественнаго достоянія и беззавѣтнаго устраненія всякихъ покушеній. Коль скоро они упорны и стремятся къ потрясенію,—неотложно обрисовывается моральная задача истребленія этого соблазна, угрожающаго гибелью и сатанинскимъ оболъщеніемъ. Не удивительно, что Савль становится гонителемъ Церкви Божіей и опустошителемъ ея (Гал. I, 13) съ тою цѣлію, чтобы исчезло всякое воспоминаніе объ ней и — вмѣстѣ съ этимъ — прекратилось ея смертоносное обаяніе. И онъ соизволяетъ убійствамъ (Дѣян. VIII, 1. XXII, 20. XXVI, 10), такъ какъ они были необходимымъ средствомъ къ искорененію заразы. Активное участіе въ дальнѣйшемъ является уже неизбѣжнымъ, и молодой фарисей со всею свирѣпостію религіознаго рвенія обрушивается на Іерусалимскую христіанскую общину, терзаетъ ее кровавыми пытками и при безуспѣшности истязаній желаетъ по крайней мѣрѣ парализовать ея вліяніе лишеніемъ свободы дѣйствій, врываясь въ дома и влача мужчинъ и женщинъ въ темницы на безвыходное заключеніе (Дѣян. VIII, 3. XXII, 4. 19. XXVI, 10). По этимъ побужденіямъ онъ не ограничивается однимъ мѣстомъ, но старается повсюду исторгнуть опасное зло и въ неистовомъ одушевленіи (Дѣян. IX, 1) направляется въ чужіе города (Дѣян. XXVI, 11), чтобы и тамъ убить язву (Дѣян. XXII, 5) и такимъ способомъ водворить на землѣ миръ божественной святости и безмятежіе

чистой совѣсти, ничѣмъ не развлекаемой и не искушаемой. Эта неумолимая послѣдовательность и желѣзная непреклонность постулируютъ къ непрерывно работающей и несокрушимой въ своей крѣпости силѣ, каковою будетъ усердіе къ отеческимъ преданіямъ. Они всячески непреложны и своимъ авторитетомъ чуть ли не превосходятъ Тору, которая просто подтверждаетъ ихъ, почему іудейскій праведникъ скорѣе поплатится жизнью, но не нарушитъ словъ мудрецовъ ¹⁴⁷). Для раввинизма приказанія соферимовъ были важнѣе повелѣній закона (Sanhedrin 10, 3) ¹⁴⁸),—и его сторонники твердо исповѣдывали: *τεθνῆσομεθα δὲ πρότερον ἢ παραβῆναι τοὺς νόμους* (Jos. Flav. Antiqu. XVIII, 8: 3) ¹⁴⁹). Естественно, что, принадлежа въ одной школѣ съ Акибой ¹⁵⁰), Савль неумолимъ въ своей номистической ревности, а она, раздражаясь отъ столкновений, не знаетъ милости и требуетъ себѣ жертвы. Въ ней источникъ гонительства, и Павелъ отчетливо и категорически убѣждаетъ насъ въ ея внутренней принудительности, когда говорить (Дѣян. XXVI, 9): „я думалъ, что мнѣ *должно* (ἔδοξα δεῖν) много дѣйствовать противъ имени Иисуса Назорея“. Очевидно, главнѣйшій мотивъ къ сему былъ въ немъ самомъ, въ его личномъ фарисейскомъ преуспѣяніи, вліявшемъ на него съ моральною непреложностію священной заповѣди. Потому разрушеніе идетъ у него рука объ руку съ созиданіемъ путемъ приобщенія всѣхъ къ благамъ его собственныхъ упований. По этой причинѣ его мучительство неразрывно отъ нагнетательнаго прозелитизма, и онъ „*принуждалъ* (ἰνάγκασεν) христіанъ хулить Иисуса“ (Дѣян. XXVI, 11). Разумѣется, это было бы не мыслимо, еслибы онъ самъ былъ неустроенъ въ своихъ вѣрованіяхъ и чувствовалъ внутреннее угрызеніе снѣдающаго

¹⁴⁷) См. у *F. Weber*, Die Lehren des Talmud, S. 102—106.

¹⁴⁸) См. Philo von Alexandria als Ausleger des Alten Testaments an sich selbst und nach seinem geschichtlichen Einfluss betrachtet. Nebst Untersuchungen über die Graecitaet Philo's von Dr. Prof. *Carl Siegfried*. Jena 1875. S. 3—4.

¹⁴⁹) *Flavii Josephi Opera* edidit et apparatus critico instruxit *Benedictus Niese*. Vol. IV, Berolini 1890. P. 189.

¹⁵⁰) Des doctrines religieuses des juifs pendant les deux siècles antérieurs à l'ère chrétienne par *Michel Nicolas*. Deuxième édition, Paris 1867. P. 391.

сомнѣнія. Его не было и въ самой минимальной степени, и Савль обнаруживаетъ мрачное спокойствіе искренняго служенія Богу. Съ этой точки зрѣнія каждый поклонникъ Распятаго былъ для него тѣмъ же, чѣмъ онъ оказался потомъ для своихъ сродниковъ по плоти. Это—„губитель“ (Дѣян. XXIV, 5: *λοιμός*), взывавшій къ суровому суду первосвященника ¹⁵¹). Понятно теперь, что здѣсь всего менѣе могло быть влеченія къ новой религіи и желанія постигнуть ея смыслъ, оцѣнить ея хотя бы относительное достоинство и отыскать ей нѣкоторое оправданіе. Все исключало подобныя попытки, и онѣ были не допустимы и нечестивы въ примѣненіи къ богопротивной ереси. Поэтому и на закатѣ дней своихъ, когда его жидовствованіе уже вполне разъяснилось ему въ своемъ предуготовительномъ качествѣ и было достаточно заглажено подвигами евангельскаго проповѣданія,—св. Апостоль съ тяжелою скорбію вспоминаетъ, что онъ былъ хульникомъ, гонителемъ и досадителемъ, и не находитъ себѣ другого извиненія кромѣ того, что онъ поступалъ такъ *по невѣдѣнію вслѣдствіе неспрія* (1 Тим. I, 13) ¹⁵²).

При такихъ условіяхъ внѣшняго положенія и душевнаго настроенія совсѣмъ не допустима „революція мысли и жизни“ ¹⁵³) въ сторону „внутренняго возникновенія правильнаго познанія Иисуса“ ¹⁵⁴). Въ Савлѣ не имѣлось ничего сверхъ зилотическаго усердія, и всѣ его силы были направлены къ его поддержанію и укрѣпленію. Его воля опредѣлилась окончательно, и никакія побочныя воздѣйствія не могли потрясти ее и сдвинуть съ принятой линіи. Посему-то отъ сопріеженія съ христіанами его ярость лишь воспламеняется до чрезмѣрности (Дѣян. XXVI, 11), и ангельскій образъ всепрощающаго Стефана вызываетъ въ немъ звѣрское дыханіе

¹⁵¹) О значеніи термина *λοιμός* см. Prof. Oscar Holtzmann's Studien zur Apostelgeschichte, 3, въ „Zeitschrift für Kirchengeschichte“, XIV Band, 4. Heft (Gotha 1894), S. 495—502.

¹⁵²) Ср. Die Anbetung des „Herrn“ bei Paulus. Von Alfred Seeberg. Dorpat 1891. S. 17.

¹⁵³) W. F. Adney, The Theology of the N. T., p. 158.

¹⁵⁴) Der Galaterbrief nach seiner Echtheit untersucht nebst kritischen Bemerkungen zu den paulinischen Hauptbriefen von Prof. Rudolf Steck, Berlin 1888, S. 82.

кровожадности (Дѣян. IX, 1). Здѣсь предназначалось и его ближайшее естественное развитіе. Оно было бы просто возрастаніемъ въ жидовствѣ до полнѣйшей самопреданности ему въ великомъ и маломъ, въ его духѣ не менѣе, чѣмъ въ ютѣ и чертѣ. Въ результатѣ мы имѣли бы національно-іудейскаго патріота и номистическаго фанатика въ родѣ Іоанна Гискальскаго ¹⁵⁵), и исторія Павла завершилась бы героическою смертію среди развалинъ Іерусалима на камняхъ пылавшаго храма, а міръ христіанскій не украшался бы именемъ своего великаго благовѣстника, озарившаго свѣтомъ Христовымъ всю вселенную.

Послѣ связаннаго неоспоримо, что психологическая теорія не соотвѣтствуетъ фактамъ и разбивается ими. Она попираетъ ихъ, но они сами ломаютъ ее, потому что въ ней нѣтъ внутренней жизненности и объективнаго содержанія. Ея предпосылки не даютъ изъ себя нужнаго слѣдствія, которое поэтому и отсылаетъ къ другимъ основаніямъ ¹⁵⁶). По этой причинѣ справедливо указываютъ ¹⁵⁷), что у самого Павла не находится ни малѣйшихъ намековъ на внутреннее предвареніе своего обращенія,—и такое соображеніе особенно вѣско при остротѣ и пронипательности его психоло-

¹⁵⁵) *J. L. Hug*, Einleitung in die Schriften des N. T. II, S. 330.

¹⁵⁶) И Prof. *Carl Weizsäcker* совершенно справедливо замѣчаетъ (Das apostolische Zeitalter der christlichen Kirche. Zweite Auflage, Freiburg i. B. 1882. S. 74), что «въ фактическія предположенія (какія выставляются для объясненія обращенія) были лишь основанія, по которымъ Павелъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ секту христіанъ».

¹⁵⁷) *G. B. Stevens*, The Pauline Theology, p. 2. 20. St. Paul: His Life and Times. By Prof. *James Iverack*. Third thousand (London, Nisbet). P. 24. Die Apostelgeschichte übersetzt und erklärt von Prof. *Joseph Felten*. Freiburg i. B. 1892. S. 187. Hand-Commentar zum Neuen Testament. Erster Band. Synoptiker. Apostelgeschichte. Bearbeitet von Prof. *H. J. Holtzmann*. Zweite Auflage, Freiburg i. B. 1892. S. 359—360. Vollständiges Bibelwerk von Chr. C. J. Bunsen. Vierter Band. Erste Abtheilung. Die Bibel. Uebersetzung und Erklärung. Vierter Theil: Die Bücher des Neuen Bundes. Herausg. von Prof. *H. J. Holtzmann*. Iprzg 1861. S. 307a (къ Дѣян. IX, 14). *Eug. Ménégos*, Le péché et la rédemption, p. 196. Saint Paul. Sa vie, son oeuvre et ses épîtres par *Félix Bungener*. Paris 1867. P. 20. 36. Die heilige Schrift Neuen Testaments zusammenhängend untersucht von † Prof. *J. Chr. K. v. Hofmann*. Zehnter Theil. Die biblische Geschichte Neuen Testaments bearbeitet von Prof. *W. Volk*. Nördlingen 1883. S. 357.

гическаго анализа, при умѣннн и способности проникать въ сокровенныя тайники душевныхъ движеній и рѣзко схватывать всѣ ихъ мимолетныя оттѣнки ¹⁵⁸). Впрочемъ, это важно не само по себѣ, поелику о несуществующемъ говорить всегда рискованно и безцѣльно для убѣжденія или опроверженія. Гораздо выше и многозначительнѣе, что это умолчаніе покоится на принципиальной невозможности подобныхъ смущеній въ себѣ по влеченію къ чему-либо другому. Эти два момента не разрывны по своей взаимной условливаемости, ибо нельзя колебаться въ хорошемъ, не видя лучшаго, и не мыслимо искать новаго при абсолютной самодостаточности прежняго. Но съ обѣихъ сторонъ это положеніе исторически не оспоримо, почему обычнымъ путемъ было бы непостижимо и слабое склоненіе Савла къ христіанству и уже прямо не мыслимо его рѣшительное обращеніе со всецѣлымъ порабоженіемъ Господу. Для сего потребна наличность благоговѣйнаго и преданаго преклоненія предъ Нимъ, и критики стараются подмѣтить ее въ самомъ ужасѣ опустошительнаго гонительства, создавая „искусственный романъ“ ¹⁵⁹). Однако на это нѣтъ данныхъ и этого не было въ зародышѣ, поскольку „между іудейскою и христіанскою жизнію не усматривается посредства“ ¹⁶⁰). Напротивъ, Савль именно теперь былъ особенно далеко отъ вѣры ¹⁶¹) и—слѣдовательно—всего менѣе обѣщалъ быть исповѣдникомъ Распятаго и свѣтильникомъ Евангелія ¹⁶²). Тутъ необходимъ былъ внѣшній сокрушительный толчокъ, разомъ разбившій корабль

¹⁵⁸) Ср. Die Geschichte der heiligen Schriften Neuen Testaments, entworfen von Prof. *Eduard Reuss*. Erste Abtheilung. Fünftе Ausgabe, Braunschweig 1874. S. 52 (§ 61).

¹⁵⁹) Das Leben Jesu von *Willibald Beyschlag*. Erster, untersuchender Theil. Halle 1885. S. 425.

¹⁶⁰) Ср. *Chr. Fr. Schmid*, Biblische Theologie des N. T., S. 330.

¹⁶¹) Ср. Das Gesetz nach der Lehre und Erfahrung des Apostel Paulus von *D. Adolf Zahn*. Zweite Auflage, Halle 1892. S. 74.

¹⁶²) Это соображеніе особенно примѣнимо къ критикѣ, которая утверждаетъ (*E. Zeller*, Die Apostelgeschichte, S. 199—200), что новое «воззрѣніе (Павла) было не основаніемъ, а дѣйствіемъ вѣры, явля—точнѣе—проявленіемъ обнаружившейся вѣры», и что «чѣмъ больше вѣроятность внутренней борьбы и предуготовленій, тѣмъ меньше вѣроятность внѣшняго чуда».

и выбросившей путника на невѣдомую землю ¹⁶³). Отсюда истинна и диллема, что измѣненіе въ Савлѣ могло быть только внезапно или никогда ¹⁶⁴); а перваго ничто не вызывало, поэтому и вышло бы второе.

Этимъ вопросъ собственно и рѣшается въ неблагоприятномъ смыслѣ для защитниковъ душевной трансформациі. Ея не находится, такъ какъ не было для того достаточной причины ¹⁶⁵). По своему основанію вся разобранная теорія „имманентнаго развитія іудейскаго сознанія“ ¹⁶⁶) создается на Гегелианской почвѣ враждующихъ антиномій съ примиреніемъ ихъ въ побѣдѣ сильнѣйшей ¹⁶⁷). Съ этой точки зрѣнія „діалектическій процессъ“ ¹⁶⁸) внутренняго обновленія ветхого челоуѣка сводится къ борьбѣ за свое существованіе съ энергическимъ отпоромъ нападающему, пока могущественное не подавляетъ и не поглощаетъ слабое, еще болѣе истощаемое интенсивною обороной при встрѣчныхъ схваткахъ. Поэтому весьма удачно сказано, что все въ немъ построено по Дарвиновской схемѣ ¹⁶⁹), которая получаетъ неожиданное приложеніе къ величайшему эпизоду апостольскаго вѣка. Однако здѣсь она еще менѣе пригодна, чѣмъ въ сферѣ жизни орга-

¹⁶³) Ср. *Historia Revelationis Divinae Novi Testamenti* scriptore *Josepho Danko*, Vindobonae 1867, p. 335.

¹⁶⁴) *Geschichte des Christenthums in dem Periode seiner ersten Einführung in die Welt durch Jesum und die Apostel*. Von Dr. *G. J. Planck*. Erster Band, zweite Abtheilung. Göttingen 1818. S. 103. Ср. *J. K. Oertel*, *Paulus in der Apostelgeschichte*, S. 113. Святой Апостоль Павелъ † проф. *Ф. Шаффа*. Переводъ (плохой) о. В. Михайловскаго. Спб. 1863. стр. 11.

¹⁶⁵) *H. J. Holtzmann* въ *Bunsen's Bibelwerk*, IV,¹ 4, S. 306 В: «Нельзя оспаривать дѣйствительности необычнаго событія (обращенія), двинушаго на новый путь и внутреннее развитіе Савла и вѣдшій ходъ его жизни; безъ него не возможно объяснить столь внезапный переворотъ въ религіозномъ направленіи Савла».

¹⁶⁶) *A. Hausrath*, *Neutest. Z.—Geschichte* II, S. 460.

¹⁶⁷) Ср. *A. Schweigler*, *Das nachapostolische Zeitalter* I, S. 155—156: «Это имманентное развитіе самого іудейства, діалектическое превращеніе религіи закона въ религію свободы, связаннаго и удрученнаго сознанія въ непоколебимую убѣжденность примиренія: вотъ что совершилось въ павлианизмъ, — конечно, въ формахъ мысленія и религіозныхъ возрѣвннй той эпохи».

¹⁶⁸) *A. Hausrath*, *Neutest. Z.—Geschichte* II, S. 459.

¹⁶⁹) *C. F. Nösgen*, *Geschichte der neutestamentlichen Offenbarung* II, S. 179, 1.

нической, ибо не просто преувеличиваетъ и извращаетъ дѣйствительное, а упрямо попираетъ его ради призрачныхъ миражей. Они совершенно разсѣваются предъ лицомъ исторической реальности и психологическаго правдоподобія, ибо вмѣсто раздора въ Савлѣ царило зловѣщее спокойствіе. Тогда самопроизвольное его перерожденіе будетъ невѣроятнымъ, лишившись своего источника въ благодатно-оплодотворяющей крови христіанскихъ мучениковъ, оросившей пепель сожженной совѣсти. Въ этомъ случаѣ обращеніе было бы естественнымъ итогомъ разнородныхъ вліяній, которыя изъ себя прямо „образуютъ его“¹⁷⁰⁾. Но ихъ не имѣлось въ нужной мѣрѣ; значитъ, не было бы и такого результата. И поскольку онъ неопровержимъ фактически, для него обязательны совсѣмъ иные дѣятели, выходящіе изъ ряда обычныхъ историческихъ условій и потому сверхъестественные¹⁷¹⁾.

Всѣ ограниченныя внѣшнія и внутреннія влеченія и впечатлѣнія лишь способствовали утвержденію и фатальному окаменѣнію Савла, постепенно пріобрѣтавшаго инертную неподвижность. Для ея нарушенія требовалось страшное потрясеніе, которое по самому эффекту должно быть моментальнымъ, поелику оно могущественно. Переломъ будетъ мгновеннымъ¹⁷²⁾ и своимъ неожиданнымъ и необъятнымъ исходомъ свидѣтельствуетъ о своемъ божественномъ происхожденіи. По этой неотвратимости, всячески неизбѣжной, перерожденіе гонителя оказывается „неразрѣшимою психологическою проблеммой“¹⁷³⁾ и для самого Баура, если онъ

¹⁷⁰⁾ Такъ выражается Prof. Ad. Harnack въ Lehrbuch der Dogmengeschichte. Erster Band. Zweite Auflage, Freiburg i. B. 1888. S. 81.

¹⁷¹⁾ Ср. Die Wirkungen des heiligen Geistes, nach der populären Anschauung der apostolischen Zeit und nach der Lehre des Apostels Paulus. Eine biblischtheologische Studie von Privatdoc. Hermann Gunkel. Göttingen 1888. S. 81: «Христіанское состояніе Павла не есть органически возникающій продуктъ прежней жизни. Между настоящею жизнію христіанна и его іудейскимъ или языческимъ прошлымъ нѣтъ такого психологическаго посредства, которое соединяло бы ихъ и выясняло позднѣйшее изъ раннѣйшаго. Христіанская жизнь начинается съ перелома, чрезъ вторженіе сверхъестественнаго, новаго, т. е. Духа Божіа».

¹⁷²⁾ C. Werzsäcker, Das apostolische Zeitalter, S. 65.

¹⁷³⁾ La Bible. Traduction nouvelle avec introductions et commentaires par Prof. Edouard Reuss. Nouveau Testament. Troisième partie: Les Epîtres Pauliniennes. Tome premier, Paris 1878. P. 11.

сознается, что „ни психологическій, ни діалектическій анализъ не въ состояніи раскрыть внутреннюю тайну акта, въ коемъ Богъ явилъ Сына Своего“ въ хульнигѣ¹⁷⁴⁾). Равно и Пфлейдереръ думаетъ¹⁷⁵⁾, что „обращеніе Павла, хотя объясняется до извѣстной степени психологическими средствами, навсегда останется религіознымъ «откровеніемъ» въ строжайшемъ смыслѣ этого слова, будетъ восхищеніемъ души божественною мощію истины, которой она не могла произвести изъ себя и которая—при руководствѣ внутренней и внѣшней жизни—обнаружилась предъ нею, какъ спасительный ключъ къ загадкѣ, какъ освобожденіе отъ внутренняго раздора и борьбы,—кратко сказать,—какъ сила Божія ко блаженству (Рим. I, 17. 2 Кор. IV, 6)“. Это искренно и правильно, но единственно потому, что для естественнаго переворота не существовало необходимыхъ мотивовъ и надлежащихъ элементовъ. Безъ нихъ же не было бы и допускаемаго „внѣшняго рефлекса внутренняго духовнаго процесса“¹⁷⁶⁾, коль скоро нѣтъ послѣдняго.

Разъ это констатировано съ неопровержимостію,—психологическая гипотеза не можетъ раскрыть „изъ внутреннихъ причинъ“¹⁷⁷⁾ и характера Дамасскаго явленія при всемъ своемъ стремленіи оградить его цѣлостъ. Она въ полной мѣрѣ принимаетъ библейскія извѣстія и соглашается, что „Павель видѣлъ Христа и былъ убѣжденъ въ объективной реальности своего христовидѣнія“¹⁷⁸⁾; только—по ея мнѣнію—все это происходило совершенно иначе, въ смыслѣ „произведенія конечнаго духа“¹⁷⁹⁾, его „имманентно-психологическаго акта“¹⁸⁰⁾. Душевный конфликтъ былъ собственно отголоскомъ могущественнаго напора новой религіи и ея постепеннаго торжества надъ старою фарисейскою закваской. Привычка раввинскаго школьника

¹⁷⁴⁾ Geschichte der christlichen Kirche. Von Dr. Ferd. Chr. Baur. Erster Band: Kirchengeschichte der drei ersten Jahrhunderte. Dritte Auflage, Tübingen 1863. S. 45.

¹⁷⁵⁾ O. Pfleiderer, Der Paulinismus, S. 16.

¹⁷⁶⁾ Baur, Geschichte der christl. Kirche I, S. 44.

¹⁷⁷⁾ Holsten, Zum Evangelium des Paulus und Petrus, S. 7.

¹⁷⁸⁾ Holsten *ibid.*, S. 8.

¹⁷⁹⁾ Holsten *ibid.*, S. 7.

¹⁸⁰⁾ Holsten *ibid.*, S. 65.

упорно борется съ этимъ искушеніемъ и отстаиваетъ свою самобытность; однако не рѣдки примѣры, какъ подобные фанатическіе противники бываютъ всего ближе къ своему злѣйшему врагу ¹⁸¹). Павелъ уже готовъ полюбить то, что ненавидитъ ¹⁸²), и образъ Распятаго мало по малу овладѣваетъ умомъ зилота и покаряетъ себѣ его сердце. Послѣднее конвульсивно отражаетъ страшные удары и, не выдержавъ крайняго напряженія, сдается окончательно, при чемъ торжествующій Господь такъ глѣбоко захватываетъ все существо побѣжденнаго и съ такою отрадой всецѣлаго удовлетворенія входитъ въ сокрушенную душу, что Савль непосредственно ощущаетъ Его присутствіе и свое духовное прозрѣніе проэктируетъ во внѣ съ реалистическою наглядностію боговидѣнія ¹⁸³). Значить, сокрушенный Тарсіецъ усмотрѣлъ теперь именно то, что было въ немъ самомъ, и по своему содержанію Дамасское откровеніе пунктуально совпадало съ его настроеніемъ ¹⁸⁴), было простымъ „проявленіемъ истины посредствомъ внутренняго созерцанія“ ¹⁸⁵), „дѣйствіемъ и обнаруженіемъ вѣры“ ¹⁸⁶).

Въ этомъ весь центръ тяжести натурально-психологическаго объясненія и въ этомъ же пунктѣ его смертельнаго пораженія, когда оно не находитъ себѣ точки опоры ¹⁸⁷). А мы показали, что въ Савлѣ не было ничего кромѣ зилотическаго рвенія и догматическаго запаса изъ неисчерпаемой сокровищ-

¹⁸¹) *M. Krenkel*, Paulus, S. 28.

¹⁸²) *E. Renan*, Les Apôtres, p. 176.

¹⁸³) Ср. *Wilh. Brückner* (Die Chronologische Reihenfolge, in welcher die Briefe des Neuen Testaments verfasst sind, Haarlem 1890, S. 138. 139): «Въ постепенномъ развитіи среди тяжелой внутренней борьбы» «въ духовной жизни Павла проложило себѣ путь новое убѣжденіе», и «это вновь приобретенное прозрѣніе (на счетъ источника религіознаго христіанскаго движенія) оны возводитъ къ Богу».

¹⁸⁴) Съ психологической точки зрѣнія былъ безусловно правъ *E. Langhans*, предлагая для Дамасскаго явленія Христа Савлу терминъ Glaubens vision—видѣніе вѣры: см. у *Th. Keim*, Geschichte Jesu von Nazara III, S. 579, 2.

¹⁸⁵) Prof. *A. Hausrath*, Art. «Paulus, der Apostel Jesu Christi» въ Bibel-Lexicon von Prof. *D. a. n. Schenkel*, vierter Band (Lpzg 1872), S. 418.

¹⁸⁶) Prof. *A. Hilgenfeld*, Die Bekehrung und apostolische Berufung des Paulus въ «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie» VII (1864), S. 161.

¹⁸⁷) Ср. Théologie du Nouveau Testament. Tome second: L'enseignement des Apôtres. Par Prof. *Jules Boron*. Lausanne 1894. P. 82. *A. Sabatier*, L'Apôtre Paul, p. 46.

ницы отеческихъ преданій ¹⁸⁸). Потому гонитель не могъ усматривать Христа блистающаго, когда Онъ предносился ему во мракъ Голго夫скаго затменія съ позоромъ тернiевъ и креста ¹⁸⁹). Въ такомъ положеніи визионерство не мыслимо и не допустимо ¹⁹⁰), поелику для него не имѣется вызывающихъ и объективирующихся элементовъ ¹⁹¹). Понятно, что при отсутствіи „принципа, изъ коего естественно могла развиться вся переменна“, ¹⁹²) Савлъ былъ не въ состояніи видѣть Искупителя и не сдѣлался бы Его Апостоломъ и благовѣстникомъ ¹⁹³).

¹⁸⁸) Ср. Paul the Missionary by *William M. Taylor*, London 1894, p. 25—26.

¹⁸⁹) Съ этой стороны не ошибся Prof. *Hermann Olshausen*, говоря (Biblischer Commentar über sämtliche Schriften des Neuen Testaments. Zweiter Band, dritte Abtheilung: Die Apostelgeschichte, umgearbeitet von Dr. A. u. g. E b r a r d. Vierte Auflage, Königsberg 1862. S. 143), что скудость естественныхъ предвареній, указываемыхъ критикой, вынуждала бы допустить, что Павелъ самъ себя убѣдилъ, какъ это мы и находимъ у *D. Jo. G. Rosenmüller'a* (Scholia in Novum Testamentum. Tom. III, continens Acta Apostolorum et Epistolam Pauli ad Romanos. Editio quinta. Norimbergae 1804. P. 136... ad meliorem mentem esse redeundum) и *Ernest Havet* (Le Christianisme et ses origines, t. IV, Paris 1884, p. 181—182 и La conversion de St. Paul въ «Bibliothèque de l' Ecole des hautes études», vol. 1: Études de critique et de l'histoire, Paris 1889, p. 179—194), которые склоняются къ грубо-натуралистическому объясненію Аммона касательно Дамасскаго чуда.

¹⁹⁰) По самой задачѣ своей, преслѣдующей совсѣмъ не апологетически-полемическія цѣли, мы не имѣемъ побужденій входить въ разборъ визионерной гипотезы, но думаемъ, что сказаннымъ нами она подрывается въ самомъ корнѣ. Это во всякомъ случаѣ наиболее важный моментъ во всемъ вопросѣ, хотя существуетъ не мало и другихъ возраженій въ ортодоксально-апологетической литературѣ по предмету воскресенія Христа и Его явленій ученикамъ. Изъ позднѣйшихъ работъ этого рода указываемъ на Ein Beitrag zur Apologetik von *F. G. Steude* Die Bedeutung der Anferstehung Jesu Christi (въ «Studien und Kritiken» 1887, II, преимущественно стр. 257 сл.)—съ оговоркою, что въ ней сдѣлано не мало незаконныхъ уступокъ, которыя свидѣлствуютъ, насколько шатки даже самыя благонамѣренныя построенія узко-практической апологетики, не простирающейся дальше случайныхъ и временныхъ интересовъ самозащиты и нападенія. Въ библейско-богословскомъ смыслѣ гораздо серьезнѣе трактатъ *Otto Schmoller'a* Die geschichtliche Person Jesu nach den paulinischen Schriften, изданный по смерти автора въ «Studien und Kritiken» за 1894 г. (кн. IV и особенно стр. 667—693).

¹⁹¹) А вѣдь и по мнѣнію *Голштена* (Zum Evangelium, S. 81) «элементы визионернаго образа напередъ должны быть въ духѣ визионера, чтобы послѣдовало видѣніе». Ср. еще у него же на стр. 84:

¹⁹²) *Baur*, Paulus I (Zweite Ausgabe, Lpzg 1866), S. 87.

¹⁹³) Этотъ моментъ справедливо выдвигается съ особенною рельефностью у

Едва ли требуется прибавлять дальше, что психологическимъ путемъ не изясняется и Евангеліе Павлово, разъ не обазывается простого христіанина. Его начало и источникъ лежатъ въ обращеніи призванія ¹⁹⁴⁾, но если его нѣтъ, то не будетъ и соотвѣтствующаго ему вывода. Съ этой стороны абсолютно ограждается божественное достоинство ученія св. Павла, которое перестаетъ быть „созданіемъ его мыслящаго духа“ ¹⁹⁵⁾, коль скоро не получается во внутреннемъ процессѣ. Думаемъ, что послѣ предшествующихъ соображеній это заключеніе не нуждается въ особой аргументаціи. Довольно для нея и того, что не было явленія Христа, потому не было и знанія о Немъ.

Необходимо засвидѣтельствовать въ подкрѣпленіе, что благовѣстіе Апостола языковъ и дѣйствительно не поддается психологическому толкованію по своему происхожденію и характеру. На этотъ счетъ утверждаютъ, что все христіанское вѣдѣніе Павлово развилось подѣ влияніемъ непримиримаго контраста новыхъ христіанскихъ воззрѣній и прежнихъ фарисейскихъ вѣрованій ¹⁹⁶⁾. Въ продолжительной и „крайне мучительной борьбѣ“ ¹⁹⁷⁾ между ними первыя одерживаютъ побѣду и уничтожаютъ раввинистическую систему съ ея догматами и упованіями, водворяясь на ея развалинахъ съ правами завоевателя. Человѣкъ самъ разбиваетъ своихъ кумировъ и поклоняется тому, что ранѣе отвергалъ. Все его духовное достояніе будетъ голымъ отрицаніемъ прошлаго и по

F. L. Steinmeyer Apologetische Beiträge. III. Die Auferstehungsgeschichte des Herrn in Bezug auf die neueste Kritik. Berlin 1871. S. 144. 146. Die Apostelgeschichte ausgelegt von Prof. *Otto Zöckler* (въ *Strack-Zöckler's* Kommentar zu den heiligen Schriften A. und N. Testaments. B. Neues Testament. Zweite Abtheilung. 2 Heft. Zweite Auflage, München 1894, и въ отдѣльномъ отискѣ съ неизмѣнною пагинаціей *ibid.* 1895), S. 217. Der Apostel Paulus. Ein Lebensbild von Prof. *Chr. Ern. Luthard.* Lpzg 1869. S. 18.

¹⁹⁴⁾ *Holsten*, Zum Evangelium, S. 66: In ihren (der Vision) Genesis ist der Keim des paulinischen Evangelium gegeben. См. у него же стрн. 253 прим. Ср. *J. Stalker*, The Life of St. Paul, p. 59: «Все богословіе св. Павла было лишь раскрытіемъ его собственнаго обращенія». St. Paulus, der Apostel. Eine apologetische Studie von *Georg Stosch.* Lpzg 1894. S. 41.

¹⁹⁵⁾ *Holsten* *ibid.*, S. 55.

¹⁹⁶⁾ *Holsten* *ibid.*, S. 118 Anm.

¹⁹⁷⁾ *Holsten* *ibid.*, S. 97.

этой самой причинѣ прямымъ отголоскомъ его въ смыслѣ простой замѣны блага чернымъ и наоборотъ. Въ этомъ случаѣ подобная интерпретація близко напоминаетъ сходныя попытки освѣщенія протестантства его рѣшительною адверсативностію католичеству: не даромъ же такъ часто и усердно выдвигается и примѣръ Лютера въ параллель св. Павлу!.. Не будемъ касаться этой аналогіи, потому что въ ней и самый *terminus comparationis* не достаточно проченъ. Замѣтимъ болѣе важное, что рассматриваемая гипотеза многое предполагаетъ и тѣмъ не менѣе дѣла не раскрываетъ. Она воображаетъ, что Савлу христіанство было извѣстно въ самыхъ его глубочайшихъ основахъ. Какимъ способомъ было достигнуто это разумѣніе,—понять весьма трудно. Нѣкоторые особенно ссылаются на Стефана, и Бауръ считаетъ его чуть не отцомъ Апостола, который только всестороннѣе и шире развилъ мысли знаменитой обличительной рѣчи архидіакона ¹⁹⁸). Гольштень не соглашается съ этою смѣлою догадкой ¹⁹⁹) и находитъ вліяніе христіанскаго мученика недоказаннымъ ²⁰⁰), но и онъ думаетъ, что „еще раньше преднихъ Савль прозрѣлъ въ мессіанской вѣрѣ первыхъ учениковъ сокрушительнаго врага для іудейства и для его праведности“ ²⁰¹) въ „ей противорѣчии съ ортодоксально-мессіанскою идеей“ ²⁰²).

Весьма странный феномень, что неумолимый гонитель лучше и точнѣе понимаетъ силу и достоинство осаждаемыхъ и пользуется этими свѣдѣніями для своего ослабленія. О возможностяхъ, конечно, не спорять, хотя онѣ часто бывають и не возможны; однако мы съ искреннею готовностію принимаемъ формулированный тезисъ, поелику онъ имѣетъ для себя оправданіе въ историческомъ фактѣ кровавой ярости

¹⁹⁸) *Baur*: Paulus I, S. 49 ff.; Kirchengeschichte I, S. 42. *E. v. Bunsen*. Die Ueberlieferung II, S. 54. *A. Sabatier*, L'Apôtre Paul, p. 25: «Въ главахъ IX и X посланія къ Римлянамъ св. Павелъ только догматически формулируетъ декретъ отверженія, какой былъ выраженъ въ рѣчи Стефана въ формѣ исторической». Нѣсколько съ иной точки зрѣнія та же мысль высказывается и у *A. Schweigler*, Das nachapostolische Zeitalter II (Tübingen 1846), S. 102.

¹⁹⁹) *Holsten*, Zum Evangelium, S. 52, 2.

²⁰⁰) *Holsten* *ibid.*, S. 253, 1.

²⁰¹) *Holsten* *ibid.*, S. 89.

²⁰²) *Holsten* *ibid.*, S. 51.

зилота-фарисея. Все въ немъ живое опроверженіе христіанства, и по отношенію къ нему онъ допускаетъ лишь самую опустошительную войну. При неравенствѣ орудій и средствъ она кончается не въ его пользу, и онъ склоняется предъ побѣдителемъ съ признаніемъ его безусловнаго превосходства. Прежній врагъ будетъ исключительнымъ носителемъ истины, и по сравненію съ нею все бывшее оказывается уже сплошною ложью. Отсюда вселяется непоколебимое и неискоренимое убѣжденіе, что въ прошломъ господствовало только заблужденіе, которое вытѣснено новою правдой. Это законный психологическій путь, всюду наблюдаемый и всячески неоспоримый, но его исходъ достаточно извѣстенъ и далеко не миренъ. Рѣшительная капитуляція не даетъ желаннаго покоя душѣ, если весь ея старый запасъ не входитъ въ гармоническое общеніе съ добытымъ наслѣдіемъ. Между тѣмъ на это нѣтъ ни малѣйшей надежды. Минувшіе образы возстаютъ предъ нею въ мрачныхъ очертаніяхъ, возбуждая отвращеніе и вѣчно причиняя совѣсти невыносимую боль. Естественно, что тогда нельзя смотрѣть на раннѣйшее даже глазами снисходительной терпимости, ибо оно фатально увлекало къ гибели и удаляло отъ спасенія. Потому всякое ренегатство неразрывно отъ ненависти, а Савль былъ бы наихудшимъ типомъ этого рода, презирающимъ своихъ предковъ и всѣ ихъ святыни ²⁰³). При этомъ въ немъ мы получили бы печальный примѣръ неистоваго отступника, перенесшаго свою фарисейскую лютость съ учениковъ Христа на виновниковъ распятія ²⁰⁴). Въ такомъ случаѣ для нихъ не было у него иной

²⁰³) Ср. *H. W. J. Tiersch*, Die Kirche im apostolischen Zeitalter und die Entstehung der neutestamentlichen Schriften. Dritte Auflage, Augsburg 1879. S. 114.

²⁰⁴) Ср. Prof. *A. Hilgenfeld*, Historisch-kritische Einleitung in das Neue Testament, Lpzg 1875, S. 222: «Съ тѣхъ поръ, какъ Павелъ не могъ больше считать христіанство за ложь и обманъ, онъ настолько совершенно постигъ всю его истину, что его иудаистическій антихристіанизмъ превратился въ христіанскій антииудаизмъ». *Vorlesungen über neutestamentliche Theologie von Dr. Ferd. Chr. Baur*, herausgegeben von Ferd. Friedr. Baur, Lpzg 1864, S. 129: «Насколько круто произошло обращеніе Павла, настолько радикаленъ былъ и разрывъ его съ иудействомъ». *Wilh. M. L. de Wette*, Einleitung in das N. T., S. 263: Павелъ... «вступилъ въ рѣшительнѣйшую противоположность съ иудействомъ».

защиты, кромѣ отказа отъ себя съ жалостною мольбой о крохахъ съ трапезы господь... Вопреки сему сродники по плоти всегда были и оставались для Апостола его „братьями“ со всѣми ихъ прерогативами преимущественнаго участія въ мессіанскихъ благахъ, которыя прежде отерываются іудею и потомъ ѳллину (Рим. I, 16) ²⁰⁵).

Очевидно, что психологическая теорія не выясняетъ намъ благовѣстія Павлова въ его спеціальному достоинствѣ и извращаетъ его. Дальше необходимо слѣдуетъ, что она не проникаетъ и въ его подлинную сущность. Это совершенно несомнѣнно по всѣмъ соображеніямъ. Вспомнимъ, что Евангеліе явилось будто бы результатомъ эссенціального контраста раввинизму, — и мы должны будемъ придти къ мысли, что возникшая вѣра теряла всѣ связи съ исконными чаяніями, разъ и самое „іудейское сознание Павла преобразуется въ совершенно новое“ ²⁰⁶). При столкновеніи подобныхъ антиномій ихъ совмѣстность не возможна, почему онѣ не бываютъ не только въ солидарности, но и подлѣ одна другой. Неизбѣжное завершение ихъ взаимной встрѣчи увѣнчивается абсолютнымъ торжествомъ сильнѣйшей съ безусловнымъ истребленіемъ слабѣйшей. Всѣ нити между ними прерываются, и возсіявшій свѣтъ не допускаетъ минимальнаго прираженія тьмы. Содружество ихъ не менѣе не допустимо, чѣмъ ангела и веліара, которые живутъ въ разныхъ сферахъ и дѣйствуютъ въ діаметрально несходныхъ направленіяхъ. При этихъ условіяхъ Евангеліе Павлово по самому происхожденію своему изъ отрицанія іудейства было бы радикальнымъ его упраздненіемъ до полнаго испепеленія. Доселѣ оно упорно отвергалось и, не предуготовляемое прошлымъ, ничего не заимствуетъ отъ него и съ ужасомъ исключаетъ всякое родство съ нимъ. Это была бы рѣзко антиіудейская система, по основному своему смыслу противная христіанскому благовѣстію, какъ оно раскрылось въ миссіонерскомъ

²⁰⁵) По этому вопросу ср. Die Erwählung Israels nach der Heilsverkündigung des Apostels Paulus von Privatdoz. *Johannes Dalmer*. Gütersloh 1894. Die Stellung des Apostels Paulus zu seinem Volke Von † Prof. *A. H. Franke* въ „*Studien und Kritiken*“ 1895 (III—IV), S. 421—470. 733—773.

²⁰⁶) *Holsten*, Das Evangelium des Paulus, S. 6.

служеніи Апостола языковъ. Онъ глубоко чувствовалъ и энергически подчеркивалъ контрастъ закона и благодати, но лишь потому, что Христосъ былъ концомъ для перваго (Рим. X, 4). Съ этой стороны ветхозавѣтная педагогія Моисеевыхъ заповѣдей и очень тягостна и не удовлетворительна, — и все же она не была безцѣльною и напрасной. По своему характеру она была суровою воспитательною школою и примѣняла жестокія мѣры дисциплинарнаго тюремнаго заключенія (Гал. III, 23). Это правда, и здѣсь ея коренной недостатокъ; только онъ свидѣтельствуетъ просто о ея временности и соподчиненіи высшимъ планамъ. И, дѣйствительно, законнической институтъ не былъ самоцѣльнымъ выраженіемъ единой воли Божіей, поелику чистѣйшій свѣтъ ея изливается не прямо (Гал. III, 20), а преломляется въ средѣ посредствуемаго народа Израильскаго и приспособляется къ его фактическимъ нуждамъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ приводящимъ учрежденіемъ (ср. Рим. V, 20) между обѣтованіемъ и его исполненіемъ и необходимо утрачиваетъ всякое значеніе съ явленіемъ обѣтованнаго сѣмени, потому что въ немъ осуществляется, обазываясь больше ненужнымъ по несоотвѣтствію своихъ дѣтскихъ пріемовъ возмужалости бывшихъ питомцевъ. Его роль узкая и недолговѣчная, но она не лишена своей достаточной цѣны предваряющаго подготовленія. По этой причинѣ законъ—по историческому преемству—находится въ гармоніи съ благодатию, хотя и поглощается ею на подобіе зари, померкающей съ возсіяніемъ солнца. Онъ былъ пѣстуномъ во Христа (Гал. III, 24) и, по самой диспаратности Ему въ недоставленіи правды, имѣлъ положительную важность въ пробужденіи неудовлетворяемой и потому неумирающей потребности въ ней²⁰⁷). Въ послѣдовательномъ ходѣ божественнаго домостроительства завѣтъ Синайскій былъ суще-

²⁰⁷) Забвеніе и затемненіе этой истины необходимо ведутъ къ крайнему припужденію историческаго значенія закона, какъ это замѣтно въ Vortrag, gehalten auf der Schlesischen Pastoralkonferenz in Liegnitz, am 8 Juni 1892 von Prof. Dr. (E.) Kühl in Marburg: Stellung und Bedeutung des alttestamentlichen Gesetzes im Zusammenhang der paulinischen Lehre (въ «Studien und Kritiken» 1894, I, 134—135, и въ диссертаціи Bernh. Dulm, Pauli Apostoli de Judaeorum religione judicium exposita et dijudicata, Gottingae 1873.

ственнымъ моментомъ, и его нельзя вычеркнуть, не нарушая естественнаго и постепеннаго движенія въ фактическомъ обнаруженіи верховнаго промысленія. Съ этой икономической точки зрѣнія благовѣстіе не враждебно ему, а стоитъ въ тѣсной связи. Ихъ адверсативность и исключительность начинаются лишь съ тѣхъ поръ, когда слово ветхое усваиваетъ себѣ права Евангелія и старается вытѣснить его, чтобы занять его мѣсто съ безызъятностію. Но на это оно не способно по самой своей природѣ и таковымъ не бываетъ. Для того обязательно, чтобы законническій институтъ имѣлъ прямою цѣлю и обладалъ средствами къ сообщенію евангельскаго обновленія: тогда онъ несомнѣнно былъ бы противенъ обѣтованіямъ и по своему намѣренію и по дѣйствию. Между тѣмъ въ немъ не усматривается даже желательныхъ условій. Нужно было бы допустить, что законъ данъ именно для оживотворенія и располагаетъ соотвѣтственною внутреннею мощію, почему въ состояніи награждать и праведностію, ибо она служитъ залогомъ жизни (Гал. III, 21). Коль скоро этого въ немъ не находится, онъ не посягаетъ на евангельскія прерогативы и не восхищаетъ ихъ; значить, немислимо и взаимное столкновеніе. Оно бываетъ только при ложномъ пониманіи и неправильномъ примѣненіи того, что по своему достоинству являлось мирнымъ элементомъ спасительнаго водительства. Въ силу этого упраздненіе законничества во Христѣ распространяетъ благословеніе Авраамово и на язычниковъ, которые наравнѣ съ іудеями получаютъ обѣтованіе отъ Духа (Гал. III, 13—14).

Мы видимъ теперь, что ученіе Павлово ничуть не обнаруживаетъ навязываемой ему нетерпимости къ прошлому; первое было неизбѣжнымъ итогомъ и прямымъ слѣдствіемъ второго послѣ того, какъ это оказывается полнымъ и исчерпаннымъ до тла въ реализаціи предписаннаго ему въ заповѣдяхъ (Гал. IV, 4). Понятно, что исторически Евангеліе неразрывно отъ закона, будучи послѣднимъ звеномъ великой промыслительной цѣпи, заключительнымъ гласомъ непрерывнаго божественнаго призванія (Евр. I, 1—2). Воображаемаго контраста нѣтъ, и натуральный генезисъ оказывается непригоднымъ по несовпаденію со своимъ объектомъ. Психологическая теорія „имманентнаго діалектиче-

скаго развитія изъ іудейскаго сознанія“²⁰⁸⁾ не можетъ выяснитъ благовѣстіе Апостола языковъ въ смыслѣ завершенія ветхозавѣтно-законнической педагогіи и къ нему не подходитъ, потому что фальшиво обращаетъ скорбнаго печальника о народѣ своемъ въ іудеоненавистническаго Маркіона. Здѣсь она наталкивается на непреоборимое препятствіе и разбирается своимъ собственнымъ абсурдомъ. Предъ лицомъ его и возникаютъ попытки отыскать точки соприкосновенія между старымъ и новымъ и естественнымъ способомъ сплотить ихъ въ стройное религиозное созерцаніе, какое господствуетъ у св. Павла, хотя фактически онъ просто „вставилъ въ существующую рубрику историческое имя Іисуса изъ Назарета“²⁰⁹⁾.

Этотъ поворотъ полезенъ въ интересахъ самосохраненія, но далеко не изъ счастливыхъ и едва ли отмѣчаетъ болѣе вѣрную дорогу. Исходнымъ пунктомъ для него служитъ анализъ внутренняго настроенія Савла—гонителя. Въ немъ подмѣчаютъ тяжелое душевное бorenіе по предчувствію непрочности своихъ прежнихъ твердынь. Собственное наблюденіе показываетъ ему много пробѣловъ, которые грозятъ паденіемъ всему зданію, и онъ старается подкрѣпить его позаимствованіемъ у христіанъ нужныхъ строительныхъ матеріаловъ. Его одушевляетъ жажда правды и спасенія, и онъ неудержимо стремится къ достиженію мессіанской славы. Но тутъ встрѣчается неожиданная преграда, сокрушающая всѣ его надежды. Грядущее царство обѣщано праведникамъ и утверждается лишь среди нихъ, а неотразимый опытъ свидѣтельствуешь, что это условіе раздѣляется цѣлою бездной отъ живой реальности. Мало того: сокращеніе ея не предвидится даже въ туманѣ невѣдомаго будущаго, поелику самыя искреннія и напряженныя усилія законнической ревности убѣждали Савла въ ихъ бесплодной тщетѣ для дарованія непорочности. Въ такомъ положеніи оставалось или отказаться отъ всѣхъ завѣтовъ, или найти иное средство. Но

²⁰⁸⁾ *Holsten, Zum Evangelium, S. 6.*

²⁰⁹⁾ Ср. *Die Paulinische Christologie in ihrem Zusammenhange mit der Heilslehre des Apostels dargestellt von Privatdoc. Richard Schmidt, Göttingen 1870, S. 3.*

первое богохульно и потому выдвигается второе. При этомъ сама собою подсказывается мысль, что недоступное личному усердію должно сообщаться отвнѣ путемъ вмѣненія преизобильной праведности умиловительной жертвы за міровой грѣхъ. Здѣсь и приходило на помощь христіанство со своимъ таинствомъ Голгоэскаго искупленія, благостно восполняя недостатокъ законничества и дѣлая его всесовершеннымъ. Эта идея глубоко поражаетъ умъ фарисея, и его неумолимая діалектика постепенно вводитъ ее въ организмъ раввинистической системы, которая въ своей законченности удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ благочестиваго сердца и покорно принимается имъ. Савль безповоротно склоняется на сторону новой религіи съ безавѣтною преданностію ей. Все это слишкомъ просто и по одному этому вполне естественно.

Такъ соблазнительно говоритъ намъ теорія, но она забывается, что подобная простота пріобрѣтается на счетъ исторической вѣроятности своего происхожденія. Если христіанство было такимъ спасительнымъ элементомъ для раввинскаго ученія, то оно и казалось бы для послѣдняго милостивымъ избавителемъ отъ его немощи и скудости. Не потрясая ничего, оно все сохраняло и укрѣпляло, всюду вливало живительную стихію для цѣлесообразнаго развитія и вездѣ возбуждало радость возрожденія. Столь чудеснаго врача обыкновенно встрѣчаютъ съ восторгомъ и провожаютъ съ благодарностію, — и раввинизмъ ради себя самого обязанъ былъ восхищенно привѣтствовать благодать и считать крестъ Христовъ своею личною побѣдой, священнымъ знаменіемъ своего торжества. Его богатыя способности получали необходимую опору для соотвѣтствующей христіанской переработки исконнаго наслѣдія и дѣйствовали бы параллельно Евангелію, между тѣмъ мы знаемъ съ безошибочностію, что онѣ функционировали рѣшительно въ противномъ направленіи. Тоже было и съ Савломъ, который не былъ бы тогда опустошительнымъ для Церкви хищникомъ. Онъ отрывалъ въ Распятомъ желаннаго примирителя совѣсти, освѣщающаго мракъ его мессіанскихъ затменій и приводящаго ихъ къ солидарности тѣнѣйшаго содружества. И для него неизбѣжнымъ было усвоить эту истину во всей ея полнотѣ и въ тиши

умственного созерцанія сдѣлать ее необходимымъ членомъ своего духовнаго достоянія. Понятно, что этотъ процессъ не могъ завершиться скоро и требовалъ для себя много интеллектуальнаго напряженія, но онъ и ограничился бы одними діалектическими усиліями логическаго закругленія новаго міровоззрѣнія.

Здѣсь не оказывается мѣста для тяжелыхъ потрясеній радикальнаго перелома,—и Дамасская катастрофа во всякомъ ея видѣ будетъ феноменомъ невозможнымъ, потому что онъ не нуженъ для результата и ничѣмъ не вызывается. Психологически это безспорно и потому оправдывается фактическими аналогіями. Въ этомъ случаѣ хорошую иллюстрацію и убѣдительный примѣръ представляетъ исторія Индусскаго теиста Протаба Мозумдары, о которомъ высказывается, что, не исповѣдуя открыто христіанства, онъ будто бы гораздо глубже въ своей вѣрѣ во Христа, чѣмъ многіе ортодоксальные христіане. Онъ описываетъ, какъ „ощущеніе грѣха постепенно возростало въ немъ, а одновременно съ этимъ пробуждалась тяжелая и горестная тревога вмѣстѣ съ необходимостію примиренія между страстнымъ влеченіемъ и практикой“. Подъ такими впечатлѣніями „онъ почувствовалъ личную близость къ духу Христову, и все содержаніе жизни и смерти Господа пріобрѣло для него чудесную притягательность и обаяніе“, такъ что, „не смотря на частыя разочарованія“, онъ пребывалъ въ неизмѣнномъ самоуслажденіи. Наконецъ, „около 1867 г. наступилъ періодъ духовнаго опустошенія. Внутреннія терзанія достигли кризиса... Я размышлялъ о состояніи моей души и объ избавленіи отъ духовнаго бѣдствія. Я молился и взывалъ къ небесамъ. И вотъ внезапно мнѣ показалось—позволю даже сказать: открылось, — что вблизи меня свѣтѣйшій, благословенный и любвеобильный, гдѣ моя смятенная голова можетъ найти упокоеніе. Иисусъ явился для моего сердца необычайною человѣчески-родственною любовію, упокоеніемъ, симпатичнымъ утѣшеніемъ, неоскудѣвающимъ сокровищемъ, къ которому я столь милостиво призывался. Отвѣтъ мой немедленно послѣдовалъ безъ всякихъ колебаній. Съ этого дня Иисусъ сдѣлался для меня неотлучною и неоспоримую реальностію, былъ моимъ двигателемъ, источникомъ

свѣта, любви и утѣшенія. Онъ для меня святой и превознесенный Искупитель, и въ Немъ я признаю истиннаго Сына Божія“²¹⁰). Это изображеніе окрашено восточною напыщенностью, однако и въ немъ достаточно ясны характерныя черты естественной духовной трансформаціи. Возникая на почвѣ морально-религіозной неудовлетворенности даннымъ, она отливается въ напряженное исканіе лучшаго и въ немъ заключается обрѣтеніемъ. Она насквозь проникнута сердечнымъ влеченіемъ и, чуждая враждебности, ограничивается просто энергическими попытками ко всецѣлому овладѣнію, при которомъ и разрѣшается въ трепетномъ упоеніи. Въ ней не имѣется ни обостреннаго разлада, ни потрясающаго крушенія. По этой причинѣ она не вынуждаетъ отреченія отъ прошлаго, но мирно уживается съ нимъ и даже продолжается подъ его прикрытіемъ

При подобныхъ условіяхъ и въ Савлѣ было бы тоже самое въ его фарисейскомъ развитіи при сходствѣ по результату. Христіанство восполняло скудость іудаизма и съ этой стороны оказывалось лишь счастливымъ придаткомъ къ нему. По самой своей благотворности оно было только содѣйствующимъ номистической энергіи и соподчиненнымъ ей. Его роль побочная и второстепенная и всего менѣе обезпечиваетъ ему первенство или главенство. Напротивъ, оно способствуетъ единственно абсолютному торжеству законничества и при немъ скромно ступевывается на задній планъ, всему служа усердно и нигдѣ не выступая напередъ. Однимъ словомъ: благодать поглощается закономъ и—подобно незамѣтной струѣ—исчезаетъ въ его потокѣ.

Но фактически было совсѣмъ иначе и у св. Павла обосновывается въ обратномъ смыслѣ. Историческая постепенность божественнаго промысленія вызвала къ бытію временной институтъ заповѣдей, отрезвляющихъ усыпленную совѣсть и пробуждающихъ въ ней неистребимую и неутолимую жажду праведности. Въ этомъ достоинствѣ вѣщаго колокола и исчерпывается все ихъ значеніе, поскольку онѣ не содер-

²¹⁰) Это извлеченіе изъ книги Geo. H. Ellis «The Oriental Christ» приведено у J. Fr. Clarke (The Ideas of St. Apostle Paul, p. 281—283), хотя и для совершенно иныхъ цѣлей.

жать въ себѣ живительной влаги и не утоляютъ голода небеснымъ хлѣбомъ. Понятно поэтому, что онѣ устраниются на вѣки, когда человѣкъ находитъ желанную пищу потребнаго качества и въ совершенномъ изобиліи. И это тѣмъ необходимо, что самые запросы возникли подъ вліяніемъ и раздраженіемъ номистическихъ внушеній, которыя обязательно смолкаютъ при наличности категорическаго отвѣта. Приобрѣтеніе искомага тутъ не разлучно отъ устраненія путеводителя, доставившаго странника въ обѣтованную землю, потому что здѣсь онъ—господинъ въ своемъ царствѣ и для него не пригодны знатоки пустыни. По этой причинѣ Апостоль языкъ формально заявляетъ, что „для закона онъ умеръ закономъ“ (Гал. II, 18). Послѣдній самъ былъ посредствующимъ виновникомъ (διά сѣ genit.=per) моего умиранія для него, такъ какъ онъ только обѣщаль, и естественно уничтожается съ пришествіемъ обѣтованія. Во всякомъ случаѣ христіанинъ остается уже безчувственнымъ для него въ родѣ окоченѣвшаго трупа, не поддающагося и самому энергичному его напору. Кратко сказать: номизмъ прекращается разомъ и навсегда и затѣмъ устранивается съ исторической сцены для неотвратимаго саморазложенія. Но, будучи добровольнымъ, это удаленіе чуждо тягостнаго и насильственнаго вытѣсненія, поелику сопровождается отраднымъ замѣщеніемъ. И намъ извѣстно, что чаявшій утѣшенія Израилева старецъ Симеонъ сходитъ во гробъ съ побѣднымъ славословіемъ, а роковое „Нынѣ отпускаеши“ покрывается у него свѣтлымъ ликованіемъ, что его очи видѣли спасеніе...

Сообразно этому и законничество упраздняется въ христіанствѣ въ силу своего осуществленія въ немъ и окончательной ненадобности въ дальнѣйшемъ. Это легко постигнуть по слѣдующимъ соображеніямъ, ясно отмѣчаемымъ у св. Павла. По его сужденію (Гал. V, 14), „весь законъ заключается въ одной заповѣди: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“ (Лев. XIX, 18). Эта истина всячески не оспорима. Въ приведенномъ повелѣніи выражается, чтобы человѣкъ всецѣло отождествился съ приснымъ и относился къ нему съ не меньшею преданностью, что и къ себѣ. Въ каждомъ онъ обязанъ видѣть свое „я“ и сливаться съ нимъ до точности. Фактически это не воз-

можно до тѣхъ поръ, пока между мною и окружающими нѣтъ желательнаго совпаденія и въ замѣнъ его господствуетъ раздѣленіе съ безконечными градаціями по полу, національности, социальнымъ отличіямъ и т. п. Естественно, что при этомъ все внѣ меня будетъ несходнымъ и не подлежить сліянію. Для него необходима наличность реальной общности, при которой неизбѣжна и одинаковость въ проявленіи своей энергіи, ибо всюду она влечется съ безусловною притягательностію. Поэтому указанное предписаніе постулируетъ въ дѣйствительному объединенію меня съ остальными, чтобы я и въ жизни не разнился отъ нихъ. Это требованіе было соблюдено въ ветхозавѣтнымъ откровеніи, поелику оно тѣснѣйшимъ образомъ спланивало всѣхъ потомковъ Авраама въ цѣлостный союзъ избранныхъ міра и наслѣдниковъ обѣтованія. И по своему религіозному положенію и по правамъ они были въ должномъ равенствѣ и покрывали другъ друга. Съ этой стороны этическое приказаніе отсылало къ религіозному и покоилось на немъ, а это—въ свою очередь—воплощалось въ первомъ, поскольку оно было не мыслимо безъ него. Такъ въ заповѣданной любви концентрировалось все ветхозавѣтное домостроительство и обнималось ею. Но предначертанная цѣль далеко не достигалась въ немъ на практикѣ. Прежде всего, чтобы смотрѣть на всѣхъ съ точки зрѣнія единства, иудей непремѣнно долженъ былъ исходить отъ единого Бога и въ Немъ уничтожать свое разстояніе отъ прочихъ. Разъ же это Іегова Израилевъ,—и „братомъ“ будетъ лишь „сынъ народа Божія“, соплеменникъ въ узко-національномъ смыслѣ плотскаго сѣмени Авраамова. Это ближайшее ограниченіе не разрывно отъ второго и болѣе важнаго. Самое единство было для еврея только идеаломъ и не составляло всеобщаго достоянія, потому что оно находилось выше человѣка, будучи свойствомъ Божіимъ. Его нужно было напередъ всѣмъ пріобрѣсти въ собственное обладаніе, чтобы они были однородными фактически. Для сего и дана была божественная норма въ законѣ, который равенъ себѣ и выравниваетъ своихъ исполнителей лишь при точномъ его воспроизведеніи въ каждомъ. Само собою понятно, что центръ тяжести переносится теперь на слабыя человѣческія усилія, и задача съ роковою необходи-

мостью подчиняется частнымъ индивидуальнымъ успѣхамъ, всегда неразлучнымъ отъ дробности и градальности. Это легко постигнуть по тому неотразимому наблюденію, что идеальное предписаніе не всѣми осуществляется съ адекватною ему пунктуальностію и дозволяетъ безконечное количество степеней отъ плохого до похвальнаго. Въ такомъ случаѣ взаимное приближеніе людей между собою оказывается чрезвычайно шаткимъ, измѣнчивымъ и разнообразнымъ, почему любовь будетъ прихотливо преломляться въ самыхъ рѣзкихъ оттѣнкахъ по своему блеску и интенсивности. По этой причинѣ названная заповѣдь не раскрывается и въ относительномъ отождествленіи, не говоря уже о томъ, что предуказанное совершенство ни для кого не мыслимо, когда оно создается скудными средствами тварной природы.

Здѣсь не мѣсто слѣдить, какъ въ іудействѣ на опытѣ выразилось это печальное явленіе, повлекшее за собою почти кастовое разчлененіе и типически отлившееся въ горделивое презрѣніе вождей къ проклятому народу (ср. Ін. VII, 49). Для специальныхъ потребностей разбираемаго предмета намъ довольно констатировать, что любовью несомнѣнно исчерпывается весь законъ, если она бываетъ въ нужной мѣрѣ. Это мы находимъ только въ христіанствѣ съ безпредѣльностію и совершенною нескончаемостію. Въ немъ вѣрующій умираетъ въ своей индивидуальной личности и въ благодати возрожденія срастается съ Господомъ, Который и живетъ въ немъ исключительно (Гал. II, 20). Тутъ происходитъ таинственное общеніе съ Искупителемъ, для всѣхъ одинаковое по Его абсолютности. Неизбѣжно, что всѣ во Христа крестившіеся становятся чадами Божиими, разъ Онъ Сынъ Божій, и оказываются ближними между собою въ качествѣ братьевъ. Затѣмъ, Зиждитель этого спасительнаго союза универсально-божественный, какъ и средство усыновленія Ему въ вѣрѣ (Гал. III, 26) всѣмъ открыто и для всѣхъ доступно; посему христіанское братство реально и необъятно. Въмѣстѣ съ этимъ, разумѣется, фактически водворяется и взаимное тожество всѣхъ въ этомъ великомъ организмѣ. Такимъ путемъ немощное закона вытѣсняется несокрушимою крѣпостію Христовой (Рим. VIII, 2. 3) послѣ всецѣлаго его исполненія въ любви (Гал. V, 14:

πεπλήρωται—rectius. Рим. XIII, 8—10: πλήρωμα νόμου ἡ ἀγάπη) и препобѣждается на вѣки и безъ малѣйшаго остатка.

Законничество уничтожается безусловно, не сохраняя за собою и достоинства полезнаго регулятора нравственной жизни (*tertius legis usus* по сравненію съ его догматическою и обрядовой сторонами)²¹¹). Всякія дальнѣйшія его попытки будутъ уже преступнымъ узурпаторскимъ вторженіемъ раба въ сферу самодержавнаго господина и тщетнымъ поползновеніемъ бессильнаго напряженія поколебать незыблемый тронъ. Тогда законъ выходитъ изъ своей области въ чужіе предѣлы и потому изгоняется изъ нихъ, ибо предвосхищаетъ не принадлежащія ему прерогативы. Изъ преемственности онъ желаетъ сдѣлать совмѣстность, невозможную по самой природѣ. Отсюда начинается его враждебная адверсативность, которая обязательно граничитъ со всеисключаемостію. Онъ былъ пригоднымъ для младенчества въ качествѣ временнаго педагогическаго метода (Гал. IV, 1 сл.), и его вліяніе не простирается за порогъ школы, гдѣ свои руководители, приличные зрѣлому возрасту, и воспитанники, не нуждающіеся въ дисциплинарныхъ приемахъ. По этой причинѣ для новаго періода онъ не существуетъ, а—при стремленіи къ удержанію своей роли—будетъ принципиально противнымъ, трактуя мужа совершеннаго за безвольнаго ребенка. Такъ имѣемъ

²¹¹) Эта мысль очень хорошо раскрыта у Prof. *Kühl*'я въ названномъ рефератѣ *Stellung und Bedeutung des alttestamentlichen Gesetzes* («*Studien und Kritiken*» 1894, I, 120—146), хотя со многими частными положеніями автора мы не согласны, а *C. Holsten* (*Die drei ursprünglichen, noch ungeschriebenen Evangelien. Zur synoptischen Frage. Karlsruhe und Leipzig 1883. S. 14 ff.*) въ принципиальномъ отношеніи излагаетъ дѣло не совсемъ правильно. Въ последнее время Prof. *H. H. Wendt* высказалъ (*Die Lehre des Paulus verglichen mit der Lehre Jesu* въ «*Zeitschrift für Theologie und Kirche*» IV, 1, S. 20); что «законъ—въ общемъ смыслѣ требованія Божія въ отношеніи къ поведенію людей—и для христіанъ сохранять свое значеніе и долженъ быть исполненъ ими въ совершенствѣ (Рим. 3, 31; 8, 4)»; но это обнаруживаетъ только цѣвѣрное пониманіе предмета, поелику въ немъ оправдывающее и моральное достоинство не расторгимы, между тѣмъ, «какъ правовой институтъ для самостоятельнаго приобрѣтенія спасенія, весь ветхозавѣтный законъ—по воззрѣнію Павла—уничтоженъ чрезъ Христа» (S. 23). Отсюда ясно, что и упрекъ Апостолу языковъ въ недостаточности его соображеній по этому вопросу падаетъ на самого *Wendt*, изболдчая его въ неудовлетворительности разумія Павлова ученія.

грозную, но безспорную формулу (Гал. II, 21), что „если закономъ оправданіе, то Христосъ умеръ напрасно“ (δωρεάν),— безъ достаточнаго основанія и побужденія, значить, и безъ плодотворнаго результата. Теперь онъ былъ бы источникомъ правды (Гал. III, 21) и залогомъ къ приобрѣтенію наслѣдства (Гал. III, 18), поелику думаетъ способствовать вѣрующему въ томъ и другомъ отношеніяхъ. Въ такомъ случаѣ онъ окажется замкнутою системою оправдательнаго возрожденія, строго согласованною во всѣхъ своихъ частяхъ и въ каждой мелочи одинаково важною по связи ея съ цѣлымъ. По этому принятіе даже самой ничтожной черты грозитъ деспотическимъ порабощеніемъ номизму во всей его совокупности. И до послѣдней степени непреложно, что всякій обрѣзывающійся бываетъ повиненъ предъ всѣмъ закономъ (Гал. V, 3), который оправдываетъ самобытно и обязательно расторгаетъ отъ Господа. Въ итогѣ получится отпаденіе отъ благодати чрезъ разлученіе со Христомъ (Гал. V, 4), когда—по необходимости—отъ Него не будетъ и минимальной пользы для перитемниста (Гал. V, 2).

Мы видимъ, какъ мало св. Павелъ склоненъ былъ къ допущенію взаимнаго восполненія ветхаго новымъ и наоборотъ. Скажемъ прямо и точно,—онъ рѣшительно отвергалъ подобную солидарность ради истины своего Евангелія (Гал. II, 5) и по вниманію къ тому, что составляло самое его существо, а оно только и было благовѣстіемъ Христовымъ, приносящимъ радость всеобщаго и окончательнаго избавленія въ самопреданіи божественнаго Сына. Это была для него единственно дорогая и священная идея, все содержащая въ себѣ и не позволявшая малѣйшаго омраченія приложеніемъ номистическихъ добавленій. За нее онъ пламенно ратовалъ всю жизнь и въ ней не уступалъ ни на мгновеніе и никому. Посему онъ и для пользы мира не покорился іудеистамъ въ Иерусалимѣ на счетъ обрѣзанія Тита (Гал. II, 3), не сморя на горячія требованія, поелику они сводились къ мысли, что благодать Христова не достаточна для спасенія природнаго эллина и нуждается въ ветхозавѣтномъ подрѣзѣніи. Здѣсь было коварно шпіонское и принципиальное покушеніе на свободу во Христѣ Іисусѣ, и съ этой стороны

оно встрѣтило энергическое отраженіе. Но тутъ не было личнаго упорства, если языческій миссіонеръ непосредственно послѣ названнаго событія самъ обрѣзалъ Тимофея (Дѣян. XVI, 3). Это онъ сдѣлалъ „для іудеевъ“, для успѣшности и плодотворности миссіонерскаго оглашенія своего сотрудника, совсѣмъ не думая возвышать его этимъ въ христіанскомъ достоинствѣ. Совершенно иной вопросъ, когда подобными актами подчеркивается неудовлетворительность христіанскаго искупленія, хотя бы косвенно и ненамѣренно. Тутъ св. Павелъ неумолимъ и непреклоненъ. Его не устрашаютъ никакіе авторитеты, и въ Антиохіи онъ смѣло и нелицепріятно обличаетъ знаменитѣйшаго столпа Церкви, Апостола Петра (Гал. II, 11 сл.). Кифа просто разорвалъ общеніе съ эллино-христіанами въ трапезахъ и прекратилъ житейскую связь съ ними. На это имѣлись у него и основанія и побужденія. На Апостольскомъ Соборѣ было выяснено и опредѣлено, что законъ не требуется для христіанскаго оправданія язычниковъ; однако этимъ еще не было выражено категорически, что потомки Авраама обязаны жить поязычески и должны пожертвовать добрыми обычаями и чистыми привычками завѣтной старины. Историческому опыту предлежало сгладить эти наслѣдственныя особенности, пока заслуживавшія вниманія въ благовѣстническихъ цѣляхъ. Поэтому Петръ постепенно уклонился отъ своего первоначальнаго направленія изъ опасенія вызвать соблазнъ среди соплеменниковъ и тѣмъ затруднить себя въ предназначенномъ ему апостольствѣ у обрѣзанія. Коренное убѣжденіе сохранялось незыблемо, и его измѣна равнялась собственно лицемѣрью практическаго приспособленія къ слабымъ и немощнымъ, была икономическимъ прикрытіемъ исконнаго воззрѣнія. Но во всякомъ случаѣ и онъ не могъ не сознавать, что поступаетъ вѣчнымъ ради временнаго и преходящаго и бываетъ зорнымъ (Гал. II, 11) даже въ въ своихъ глазахъ по суду совѣсти. Фактически было безспорно, что и въ періодъ лицемѣрнаго устраненія онъ жилъ по язычески (Гал. II, 14) въ безусловномъ смыслѣ. Будучи природнымъ іудеемъ (Гал. II, 15) и естественно наслаждаясь всѣми преимуществами своего происхожденія, онъ—при вѣрности своему натуральному достоинству—вынуждался къ без-

прекословному и всецѣлому повиновенію Моисею съ послушаніемъ ему во всемъ своемъ внутреннемъ и виѣшнемъ устроеніи. Разъ онъ принимаетъ пророка больше и лучше Синайскаго законодателя, послѣдній лишается спеціальнаго значенія, и человекъ ускользаетъ изъ-подъ его опеки и контроля на просторъ житія, номистически не регулируемаго. При немъ принятіе прежнихъ нормъ отмѣчало бы, что безъ нихъ свободное христіанское хожденіе не безопасно и не достаточно обезпечено въ своей плодотворности. Такъ сохраняются въ неприкосновенности и конечная цѣль и истинное направленіе, но путникъ снабжается дополнительными запасами ветхозавѣтной практики для безошибочности своего движенія, для твердости своего шага. Между тѣмъ онъ христіанинъ, отказавшійся отъ мозаизма безвозвратно,—и это привозложеніе заповѣдей будетъ для него тягостнымъ обремененіемъ, подешивающимъ его ноги и невольно заставляющимъ сбиваться съ ближайшей дороги ко Христу. Въ результатъ выйдетъ οὐκ ὀρθοπῶδες (Гал. II, 14), а въ перспективѣ—роковая случайность удаленія на окольные тропинки съ рискомъ заблудиться въ дебряхъ и желаннаго пункта не достигнуть.

Этотъ характерный примѣръ внушительно свидѣтельствуетъ, какъ ревниво относился св. Павелъ ко всякимъ вторженіямъ номизма и усматривалъ его въ едва условныхъ зачаткахъ. Понятно, что онъ не могъ прилагать его къ благодати или поддерживать ветхое новымъ. Напротивъ, такое согласованіе было не терпимо и не дозволительно. Этотъ способъ проповѣдывали и защищали іудаисты всѣхъ цвѣтовъ и красокъ съ равною горячностію, хотя и съ различіемъ въ объемѣ. Они считали, что законъ, по крайней мѣрѣ, помогаетъ христіанскому возмужанію, облегчаетъ его приобрѣтеніе и возводитъ на высоту. Эта точка зрѣнія, очевидно, навязывается и Апостолу языковъ. Но онъ самъ является наилучшимъ посрамителемъ всякихъ попытокъ даннаго рода. Іудействующіе были для него лжебратьями—φευδαδέλφοι (Гал. II, 4. 2 Кор. XI, 26). И это не пристрастная кличка врага, потому что въ ней сжато и мѣтко опредѣляется подлинное качество предмета. Христіанское братство покоится на нашемъ единеніи со Христомъ, въ Которомъ—черезъ Сына Божія — и мы бы-

ваемъ братьями по силѣ усыновленія Богу. Въ этомъ слияніи и вся важность, а оно должно быть полнымъ и для всѣхъ посредствуется лишь одною вѣрой. Привнесеніе къ ней чего нибудь побочнаго затрудняетъ общеніе, дѣлаетъ его незаконченнымъ и тѣмъ разрушаетъ братскую солидарность въ самомъ ея основаніи. При этомъ іудаисты со своими номистическими аппаратами неизбежно отпадаютъ отъ Главы и расторгаются съ ея членами, почему въ дальнѣйшемъ оказываются ложно и фальшиво кутающимися въ мантию братскаго равенства. Ихъ проповѣдническій престижъ есть самообольщеніе, если не прямой обманъ, — и на миссіонерскомъ поприщѣ они были только „лжеапостолами“ (2 Кор. XI, 13). Естественно, что ихъ принадлежность къ христіанскому союзу совершенно фиктивная, лишенная опоры и оправданія. Тогда всѣ подобныя лица въ принципиальномъ смыслѣ будутъ (Гал. II, 4) коварными шпионами (*παρεισάκτοι*), тайно прокрадывающимися (*παρεισῆθον*) всюду съ узко-эгоистическими и злокозненными цѣлями высмотрѣть (*κατασκοπήσαι*) слабыя стороны довѣрчивыхъ и похитить у нихъ драгоценное сокровище свободы беспрепятственнаго доступа къ Богу во Христѣ Иисусѣ (*τὴν ἐλευθερίαν ἣν ἔχομεν ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ*) для поработенія игу Моисееву (*ἵνα καταδουλώσουσιν*).

Такимъ путемъ выходитъ, что содружество Синая и Голгофы съ откровеніемъ благодати было для св. Павла символомъ потери самага христіанскаго званія и его безпощаднымъ крушеніемъ, потому что въ сферѣ оправданія они противны до полной исключительности. Если же психологическая теорія усвоитъ ему именно такое возрѣніе, то мы въ правѣ сказать, что она радикально извращаетъ апостольское ученіе и по своему методу не можетъ вывести его изъ обычнаго хода душевной жизни ²¹²).

Въ этомъ ея второй и главнѣйшій недостатокъ, что она не въ состояніи постигнуть благовѣстіе Павлово въ смыслѣ окончательнаго устраненія имъ законничества и трактуеть собственно объ іудаистическомъ партикуляризмѣ, вы-

²¹²) Ср. Lehrbuch der Biblischen Theologie des Neuen Testaments von Dr. Prof. Bernh. Weiss. Sechste Auflage, Berlin 1895. S. 203.

родившемся потомъ въ еретическое сектантство. При ней Апостоль языкъ будетъ либо эвѣонитомъ, либо Марѣиономъ, что не соединимо въ одномъ человѣкѣ. Такое навязываніе диаметральныя крайностей, убивающее всю психологическую гипотезу, убѣждаетъ съ неотразимостью, что она не схватила самыхъ существенныхъ элементовъ Евангелія Павлова. Въ немъ согласно и дружественно уживаются двѣ основныя стихіи, придающія ему своею совмѣстностію типическую характерность. Это—прежде всего—гѣснѣйшее взаимоотношеніе его съ закономъ, который исторически предшествуетъ благодати и подготавливаетъ ее. Необходимо поэтому, что онъ въ солидарности съ послѣднею и находится съ нею въ одной плоскости, движется въ общемъ направленіи и стремится къ тождественной цѣли. При фактической встрѣчѣ онъ, какъ слабѣйшій, уступаетъ болѣе сильному и находитъ въ немъ свое высшее удовлетвореніе. Послѣ этого новой факторъ начинаетъ дѣйствовать неограниченно и безслѣдно вытѣсняетъ прежняго, ибо въ своемъ царствѣ онъ абсолютный владыка и не нуждается ни въ помощникѣ, ни въ покровителѣ. Отсюда и Христосъ конецъ закона (Рим. X, 4) по его осуществленію и упраздненію, родившійся во плоти въ Палестинѣ, но господствующій по духу святости во всемъ мірѣ отъ края до края (Рим. I, 3—5).

Очевидно теперь, что „имманентное развитіе духа и сердца“ Савла²¹³⁾ по категоріямъ іудейскаго сознанія во „внутреннемъ духовномъ процессѣ, въ которомъ выработалось его особенное воззрѣніе“²¹⁴⁾, не выясняетъ благовѣстія Павлова въ смыслѣ завершенія въ немъ и устраненія имъ законничества всецѣло и навсегда.

Эта роковая истина заставляетъ согласиться, что при разобранныхъ предпосылкахъ столь глубокой душевный переворотъ психологически не мыслимъ и не возможенъ. Потому названный методъ ошибоченъ и отрицательно вызываетъ свою противоположность въ иномъ пониманіи личности ученика Гамалилова. Его особенно рельефно выдвигаетъ и энергически

²¹³⁾ *Holsten*, Zum Evangelium, S. 62.

²¹⁴⁾ *Baur*, Vorlesungen über neutestamentliche Theologie, S. 130.

защищаетъ М. Фридлэндеръ. По сужденію этого автора, іудей изъ Тарса былъ глубоко либеральнымъ эллинистомъ, весьма нетвердымъ въ номистическихъ упованіяхъ и страшно тяготившимся законническимъ игомъ. Съ такими наклонностями онъ пришелъ въ Іерусалимъ и здѣсь услышалъ о Мессіи въ Иисусѣ изъ Назарета. Въ изображеніи первохристіанъ — и преимущественно Іакова — Господь являлся яркимъ воплощеніемъ номистической жесткости, и Савль бурно обрушивается на своего врага, доколѣ не узнаетъ, какъ близко къ его эллинистическому созерцанію проповѣдуемое назарянами іудейство ²¹⁵). Это открытіе совершилось благодаря Стефану, который — по словамъ Ренана ²¹⁶) — былъ «его отцомъ, учителемъ и руководителемъ». Тутъ свободолюбивый зилоть нашелъ средство для сверженія ненавистнаго ему бремени законничества, при чемъ желанный избавитель отъ рабства легко оказался обѣтованнымъ Спасителемъ при предзанятомъ проникновеніи въ духъ Писаній. Покрывало спадаетъ съ его глазъ, и хульникъ становится исповѣдникомъ Распятаго, беря въ свои руки Его дѣло тамъ, гдѣ Онъ кончилъ ²¹⁷).

При такой модификаціи весь вопросъ переносится уже на чисто историческую почву и слишкомъ уклонилъ бы насъ отъ непосредственной задачи. Для него мы пока не имѣемъ времени. Достаточно замѣтить только, что изложенная гипотеза попираетъ всѣ свидѣтельства Дѣеписателя и самого Апостола языковъ. Чрезъ это она сразу лишается фактическаго фундамента и, будучи частнымъ теоретическимъ измышленіемъ, не заслуживаетъ подробнаго разбора. Довольно будетъ подчеркнуть лишь нѣкоторые главнѣйшіе пункты. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ гонительство Савла, абсолютно загадочное при толкованіи Фридлэндера. Онъ объясняетъ его возмущеніемъ эллиниста по поводу богохульства, что мессіанство со-

²¹⁵) Очевидно, въ этомъ именно смыслѣ нужно понимать и раннѣйшее заявленіе М. *Friedländer*'а (*Patristische und talmudische Studien*, S. 53), что «безъ Иисуса Савль едва ли сдѣлался бы Павломъ», почему оно теряетъ свою знаменательность даже въ устахъ іудейскаго писателя.

²¹⁶) *Les Apôtres*, p. 183.

²¹⁷) *Zur Entstehungsgeschichte des Christenthums. Ein Excurs von der Septuaginta zum Evangelium. Von M. Friedländer. Wien 1894. S. 163—172.*

зидается крестомъ ²¹⁸). Но таковымъ онъ былъ единственно для строгаго раввинизма и по своей причинѣ и по слѣдствію. Въ первомъ отношеніи онъ свидѣтельствовалъ о рѣшительномъ несоотвѣтствіи Христа законническо-мессіанскимъ идеаламъ, во второмъ удостовѣрялъ справедливое и безповоротное законническое осужденіе позорнымъ повѣшеніемъ на древѣ при сопричтеніи къ разбойникамъ. Здѣсь было яркое торжество номизма, который потому именно фанатически ненавидѣлъ пригвожденнаго. По этому соображенію и свирѣпый опустошитель долженъ быть ожесточеннымъ законникомъ, или иначе левъ обращается въ агнца. Для столь свободомыслящаго человѣка, какимъ представляютъ Савла, не было необходимаго мотива къ подобной нетерпимости. Самъ мучась подъ давленіемъ правилъ на правилахъ и заповѣдей на заповѣдяхъ (Иса. XXVIII, 10), онъ скорѣе обязанъ былъ допустить, не сбросилъ ли ранѣе Господь это рабское ярмо, если номистическое ретроградство и фарисейское старовѣріе отомстили ему приличными для нихъ средствами? Они сокрушительны съ законнической точки зрѣнія, но разъ сама она сомнительна и несносна, ихъ позоръ естественно падаетъ на нее со всѣмъ неизгладимымъ поруганіемъ. И, не усматривая во Христѣ Мессію, Савль необходимо прозрѣлъ бы въ немъ дорогаго союзника, который вызываетъ симпатіи своею героическою смѣлостію и побуждаетъ къ горячей поддержкѣ въ его счастливомъ и исцѣляющемъ новаторствѣ. Гонительный періодъ уничтожается, а его наличность громко говорить, что вся теорія виситъ на воздухѣ.

Понятно, что и дальнѣйшій ходъ жизни зилота не поддается ея разумѣнію. Въ этомъ случаѣ всѣ нити сводятся къ Стефану и здѣсь дружески примиряются писатели взаимно исключающихъ убѣжденій, ибо провозвѣстники окаменѣвшаго раввинизма въ Савлѣ объединяются съ глашатаями его необузданнаго эллинизма, граничащаго почти съ ренегатствомъ. Они единодушно утверждаютъ, будто первомученикъ подорвалъ самые корни номизма и потрясъ его въ глубочайшихъ основаніяхъ ²¹⁹). Въ дѣйствитель-

²¹⁸) *M. Friedländer, Zur Entstehungsgeschichte des Christenthums, S. 169.*

²¹⁹) Ср. выше на стрн. 61. 99.

ности было совсѣмъ иначе и даже совершенно обратно. Въ своей одушевленной рѣчи архидіаконъ слѣдитъ за исторіею народа Израильскаго и всюду подмѣчаетъ въ ней благостное водительство Божіе. Съ этой стороны законъ былъ его высшимъ и наиболѣе полнымъ выраженіемъ. Принятый устройствомъ ангельскимъ (Дѣян. VII, 53), онъ—въ качествѣ глаголаннаго чрезъ ангеловъ слова—былъ незыблемъ, почему преступленіе и ослушаніе его неминуемо влекли за собою праведное мздовоздаяніе (Евр. II, 2). Поэтому особенная вина іудеевъ въ томъ, что они его „не сохранили“ (Дѣян. VII, 53) и допустили грѣхъ богоубійства (Дѣян. VII, 52). Какое ближайшее и точное значеніе этихъ мыслей,—вопросъ другой, но не оспоримо по крайней мѣрѣ, что изъ нихъ ни мало не вытекаетъ маркіоновскаго антиіудаизма, который прямо опровергается и устраняется ими. И если полагаютъ, что въ нихъ Савль имѣлъ „прочный якорь“²²⁰⁾, отсюда выходитъ, что и конструкція корабля и душа капитана не разгаданы. Этою роковою близорукостію и страдаетъ Фридлэндеръ, поелику онъ извращаетъ Евангеліе Павлово и въ его началѣ и въ раскрытіи, считая его системою злостнаго антиномизма, когда оно было увѣнчаніемъ и завершеніемъ законнической педагогіи. Впрочемъ, это и не діалектически-логическій итогъ раннѣйшаго, откуда самобытно развивается и естественно возникаетъ. Все благовѣстіе покоилось на промыслительно-спасающей волѣ Божіей, которая постепенно и согласно обнаруживается въ разныхъ степеняхъ, но всегда по собственной инициативѣ и автономно. Въ ней одной источникъ и ветхаго и новаго, и она даруетъ ихъ изъ себя въ особое время многократно и многообразно съ такою послѣдовательностію, что для нея и законъ былъ прикровенною благодатію (Гал. III, 8: *προευγγελισατο*) и благодать оказалась осуществленнымъ закономъ (Рим. III, 31: *νόμον іσtάνομεν*. VIII, 4: *τὸ δικαίωμα τοῦ νόμου πληρωθῆ ἐν ἡμῖν*). Ихъ историческая противность не мыслима и для св. Павла не возможна; потому эллинистическій генезисъ его ученія будетъ несоответствующимъ своему предмету.

²²⁰⁾ *M. Friedländer, Zur Entstehungsgeschichte, S. 169—170.*

Вмѣстѣ съ этимъ падаетъ послѣдняя опора для рационалистическаго выясненія таинственнаго и радикальнаго переворота въ душѣ гонителя, изъ ожесточеннаго врага вѣры ставшаго ревностнымъ ея служителемъ. Онъ покорился своему призванію и повиновался Призвавшему, ибо позналъ Его съ неотразимостію. Между тѣмъ опытъ жизни исключаль это съ рѣшительностію, и потому мы научно вынуждаемся сказать словами св. Іоанна Златоуста, что „никто никогда прежде Павла, ни онъ не находилъ Христа самъ собою, а Христось являлъ Себя“²²¹⁾. Чудо откровенія Сына Божія предъ Дамаскомъ оказывается неизбѣжнымъ, поскольку безъ него не постижимы всѣ фактическія слѣдствія. Оно производитъ рѣзкій переломъ въ принятомъ теченіи и сообщаетъ ему иное направленіе, гдѣ обрисовываются и невѣдомыя ранѣе перспективы. Но не будетъ ли оно—въ такомъ случаѣ—насильственнымъ, внѣзапно разбивающимъ человѣка и на развалинахъ окончательнаго крушенія изъ ничего творящимъ оригинальное бытіе? Совсѣмъ не преднамѣченное обращеніе лишается всякой опоры, будучи чисто „магическимъ“ актомъ самопроизвольнаго возникновенія—безъ надлежащаго базиса въ наличномъ и безъ фактическихъ ресурсовъ на будущее?

Это возраженіе²²²⁾, близко напоминающее Никодимовское недоумѣніе о вторичномъ вхожденіи старца въ утробу, особенно торжественно выдвигается критикой и съ поразительнымъ единодушіемъ употребляется на свою защиту. Въ одномъ изъ наиболѣе яркихъ обнаруженій²²³⁾ оно стремится собственно поколебать самую идею библейскаго чуда, весьма далекаго отъ обычной чудесности, и—при неотрицаемости факта—побуждаетъ лишь къ положительному раскрытію его

²²¹⁾ De laudibus sancti Pauli Apostoli homilia IV ap. Migne, gr. ser. t. L, col. 488. *Святаго Іоанна Златоустаго* Бесѣды на разныя мѣста Свщц. Писанія, т. III (Спб. 1863), стрн. 569.

²²²⁾ А. Hilgenfeld въ «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie» VII, S. 181. O. Pfleiderer: Das Urchristenthum, S. 36; The Influence of the Apostle Paul, p. 34.

²²³⁾ Съ этой стороны вѣрно указано мѣсто событія предъ Дамаскомъ и въ книжкѣ von D. V. von Strauss und Torney Die Wunder im Neuen Testamente, Lpzg 1893, S. 40—41.

дѣйствія и вліянія. Съ этой только стороны оно и требуетъ нашего разсмотрѣнія.

Здѣсь самъ Апостоль точно опредѣляетъ характеръ Дамасскаго событія и категорически устраняетъ изъ него всякое примѣшеніе магическаго свойства. Онъ прямо и убѣжденно говоритъ намъ, что явленіе Сына было ему отъ Бога, Который избралъ его отъ чрева матери (Гал. I, 15—16); значитъ, оно подготовлялось съ самаго зачатія—еще раньше, чѣмъ онъ увидѣлъ свѣтъ. Въ этомъ смыслѣ обращеніе утверждалось на предшествующемъ его развитіи и имѣло въ немъ реальное основаніе. Безъ этого и понять его нельзя, потому что тогда Господь долженъ бы открываться всѣмъ, разъ Онъ открылся одному, поелику Его мощь вездѣ необъятна и непрепобѣдима, а воля блага и всѣмъ людямъ желаетъ спасенія (Рим. IX, 19 и др. 1 Тим. II, 4). Это первый моментъ, и въ немъ чрезвычайно важны его типическія черты. Свое призваніе св. Павелъ сводитъ всецѣло къ божественному благоволенію, дѣйствующему независимо отъ внѣшнихъ условій, хотя и по соображенію съ ними. Здѣсь чудесное видѣніе мотивируется единственно въ Богѣ и бываетъ для человѣка полною неожиданностію, абсолютно непредусмотрѣнною. Всѣ естественныя предваренія устроятся въ немъ десницею Вышняго и для него самого остаются неизвѣстными, пока ихъ не осіяетъ небесный свѣтъ. До тѣхъ поръ они складываются въ тайникахъ души и тамъ невѣдомо развиваются подобно зерну, о которомъ сѣятель не знаетъ, какъ оно всходитъ и растетъ (Мрк. IV, 27). Въ этомъ смыслѣ и для Савла его прошлое оставалось безгласнымъ, а когда созрѣла богатая нива, скрылось подъ нею отъ нашего взора до непроницаемости. Вѣрно только, что оно было удобною почвой для воспріятія слова Божія.

Съ этой точки зрѣнія все іудейское житіе должно было служить цѣлямъ Промысла и отвѣчать его намѣреніямъ. Поэтому въ самомъ существѣ жидовства Савлова заключается и искомая разгадка. Въ чемъ же точно оно состояло?—для сего необходимо обратить вниманіе на слѣдующую особенность, рельефно выраженную у Апостола. Онъ

свидѣтельствуеть, что его гонительство находилось въ причинной связи съ зилотическимъ усердіемъ и непосредственно вызывалось имъ. Отношеніе здѣсь настолько тѣсное, что онъ сдѣлался опустошителемъ Церкви именно въ силу своей законнической ревности (Филипп. III, 6). Отсюда—по контрасту—опредѣляется, что новая религія поражала фари́сея въ самое сердце своимъ отрицаніемъ его надеждъ и въ этомъ смыслѣ была противною имъ, почему св. Павелъ говорилъ послѣ: *яже ми бяху приобрътеныя, сія вмѣнилъ Христа ради тщету* (Филипп. III, 7). Тутъ обязательно столкновение на общей основѣ, а это возможно при единствѣ направленія къ опредѣленному пункту и совершенной адверсативности силъ, взаимно оскорбляющихъ и раздражающихъ. Иначе онѣ дѣйствовали бы въ разныхъ плоскостяхъ, не затрогивали другъ друга и были взаимно индифферентны. Ихъ враждебность удостоверяеть абсолютное тожество стремленія при радикальной исключительности средствъ: тогда дознанная недостаточность однихъ располагаетъ къ принятію лучшихъ, если они даютъ нужное удовлетвореніе вполнѣ согласно съ моими раннѣйшими желаніями. Въ этомъ случаѣ побѣда можетъ быть неожиданною и внезапною, но для пораженнаго она будетъ обезпеченіемъ его свободы и готовно воспринимается имъ въ собственныхъ интересахъ своей независимости. Такъ и чудо, произвольное и необычайное по своему происхожденію, оказывается соотвѣтствующимъ натуральному развитію по своему впечатлѣнію и вліянію. Это было и съ Савломъ.

Его гонительство являлось простымъ отраженіемъ его фари́сейской пламенности, побочнымъ результатомъ ея напряженной энергіи. Корень его не въ Евангеліи; оно придавало ему только специально антихристіанскую форму и условливало внѣшнее историческое обнаруженіе, которое—по своему источнику—покоилось на внутреннемъ основаніи фари́сейскихъ надеждъ и чаяній и созидалось на іудаизмѣ²²⁴⁾. Очевидно, послѣдній былъ законченнымъ прежде и составлялъ неотъемлемое обладаніе ученика Гамаліилова. Онъ образовался и выросъ внѣ христіанскихъ вліяній по своимъ зако-

²²⁴⁾ Ср. *J. R. Oertel*, Paulus in der Apostelgeschichte, S. 112—113.

намъ и изъ своихъ природныхъ стихій. Потому на практикѣ раввинизмъ сказался преуспѣяніемъ въ немъ самомъ и въ Савлѣ достигъ колоссальныхъ размѣровъ превосходства надъ всѣми сверстниками (Гал. I, 14). Понятно, что въ этотъ періодъ и побужденія и идеалы, способы и дѣли заимствовались изъ наличнаго и почерпались въ сферѣ господствующихъ отеческихъ преданій (Гал. I, 14). Не менѣе необходимо, что въ это время вся ревность сводилась единственно къ пріобрѣтенію потребной зрѣлости путемъ адекватнаго воплощенія предписанной нормы. Въ принципиальномъ отношеніи—это было стремленіе къ наиточнѣйшему совпаденію съ заповѣдію, чтобы затѣмъ быть праведнымъ предъ нею, а въ ней и предъ Богомъ. Въ этомъ морально-религіозномъ усердіи исчерпывалась вся духовная жизнь молодого Тарсійца, работавшаго надъ своимъ развитіемъ по открытому и священному для него масштабу законничества. Здѣсь всего менѣе замѣшано мессіанство, потому что оно было отдаленною и неясною звѣздой и лишь по тенденціи воздѣйствовало на злотическое рвеніе, которое всецѣло заправлялось и регулировалось мотивами номистическаго характера. Вслѣдствіе этого христіанство казалось ненавистнымъ—главнѣе всего—потому, что оно предлагало другой методъ съ устраненіемъ прежняго, безраздѣльно властвовавшаго донинѣ. Мессіанское достоинство Господа раздражало іудейство не само по себѣ; причина тому лежала въ его абсолютномъ несходствѣ съ господствовавшими вѣрованіями, въ отрицаніи и пограніи ихъ. Въ равной степени Савлъ долженъ былъ наталкиваться на это противорѣчіе факта съ его ожиданіями и вождельніями. Отсюда его сокрушительная полемика не умолима, но чужда непримиримости и заключаетъ въ себѣ залогъ соглашенія. Во всякомъ случаѣ она естественно переходила въ союзничество, когда новая правда покоряла ветхую, хотя бы и независимо отъ его усмотрѣнія. Вопросъ о способѣ этого торжества для нашего предмета посторонній; важно пока просто его качество, по которому оно является желаннымъ для души, ибо полнѣе удовлетворяетъ ее. Въ этомъ дана необходимая психологическая связь откровенія съ прежнимъ этически-религіознымъ содержаніемъ; при ней—пер-

вое вступаетъ въ гармонію со старымъ и находитъ въ немъ готовую почву.

Послѣ этого вся задача будетъ въ ближайшемъ выясненіи историческихъ основаній для зилотической ярости Савла къ христіанству. Здѣсь самый центръ проблемы и ключъ къ правильному ея рѣшенію. Къ сожалѣнію, на этотъ счетъ существуетъ масса недоразумѣній и множество перетолкованій, не лишенныхъ вѣроятія по неоспоримымъ свидѣтельствамъ. По нимъ несомнѣнно, что ожесточенный фари́сей обрушивался на самое имя Іисуса, какъ и въ эпоху апостольства онъ удостовѣрялъ, что соблазнъ для іудеевъ въ крестѣ Христовомъ, бывшемъ для нихъ камнемъ преткновенія (1 Кор. I, 23. Гал. V, 11. Рим. IX, 32). Изъ этого заключаютъ, что Голгоеская смерть Господа была единственнымъ стимуломъ для фанатической лютой, при чемъ все столкновение переносится въ область чисто интеллектуальныхъ пререканій касательно несоотвѣтствія дѣйствительнаго должному ²²⁵). По своему результату это, конечно, безспорно, но тутъ не схватывается вся сила явленія и не затрагивается его принципиальный смыслъ. Само по себѣ подобное раздвоеніе довольно безразлично и на каждомъ шагу встрѣчалось въ опытѣ, никого особенно не поражая. И это потому, что при немъ неизмѣнно удерживалось исконное убѣжденіе въ совершенной значимости неосуществленнаго по его обязательности и непреложности. Антиномія начинается лишь съ того момента, когда несопадающее отрицаетъ свой прототипъ и вытѣсняетъ его съ занятой позиціи съ равными правами. Поэтому и крестное искупленіе представлялось нетерпимымъ по его устраненію законническаго института при своемъ антиномистическомъ достоинствѣ. Но съ этой стороны оно было источникомъ и обладателемъ новой праведности и жизни съ осужденіемъ и отверженіемъ ветхой во всемъ ея объемѣ. Такимъ образомъ за враждою къ Голгоескому таинству скрывается номистическое несогласіе съ его оправдывающею важностію. Безъ этого мессіанство Спасителя въ

²²⁵) См. *Holsten*, Das Evangelium des Paulus, S. 10, и *A. Hausrath*, Der Apostel Paulus, S. 16.

глазахъ раввиниста было бы только странною мечтой, если-бы съ нимъ не соединялось неразрывно, что оно выше законническаго и упраздняетъ его. Принципіальное раздѣленіе сосредоточивается не на особенности и отдаленности идеи и факта, а на ихъ противности по средствамъ при одинаковости въ цѣли, которою вездѣ являлось сообщеніе святости. Въ этомъ для Савла была коренная адверсативность и она служила точкою отправленія и пунктомъ опоры для его гонительства. Несомнѣнность этой истины подтверждается съ достаточною неотразимостію. Прежде всего, располагая всѣмъ завѣтнымъ наслѣдіемъ, питомецъ Гамаліила не чувствовалъ бы и нужды интересоваться Назарянами, разъ они нимало не тревожатъ его законническаго покоя. Въ самомъ худшемъ случаѣ они были бы несчастными жертвами самообольщенія или обмана, воображая, будто вѣкъ нынѣшній уже минулъ и отерялось мессіанское царство, столь желанное для Израиля. Къ такимъ людямъ позволительна была развѣ жалость, не чуждая горделиваго презрѣнія,—и въ іудейской исторіи они нерѣдко являлись даже въ блескѣ мимолетнаго успѣха ²²⁶). Совсѣмъ другое дѣло, когда это мессіанское заблужденіе отрицаетъ свои историческіе устои и посягаетъ на права законническаго обновленія, думая произвести его неслыханными и невозможными способами. Здѣсь оно прямо обращается въ нечестивое богоборчество и неизбежно вызываетъ отпоръ во всякомъ, кто дорожить своимъ спасеніемъ, поелику его отнимаютъ безъ надежды на возмѣщеніе. Но мессіанство іудейскихъ ожиданій само по себѣ не грозило подобною опасностію и—скорѣе наоборотъ—было для нихъ побѣднымъ вѣнцомъ, потому что ихъ воспринимало и имъ отвѣчало. Поэтому оно было и пребываетъ священнѣйшимъ предметомъ надеждъ и молитвъ каждаго іудея. Если христіанское его пониманіе было встрѣчено не такъ, это съ очевидностію убѣждаетъ, что

²²⁶) Таковы, напр., Февда при прокураторѣ Фадѣ (*Josephi Flavii Antiqu.* XX, 5: 1 въ Opera ed. Bened. Niese IV, p. 292), Египетскій жепророкъ при Феликесѣ (*Jos. Flavii De bello jud.* II, 13: 5 у B. Niese IV, Berolini 1894, p. 204; *Antiqu.* XX, 8: 6 *ibid.* IV, p. 304—305, и ср. Двин. XXI, 38) и разныя другіе обольстители (*De bello jud.* XII, 8: 4 у B. Niese VI, p. 203).

въ немъ фарисей получаетъ оскорбительное разочарованіе въ своихъ горячихъ стремленіяхъ къ праведности, которая подмѣнивается хульнымъ приглашеніемъ къ общенію со злодѣемъ.

Савль не могъ мыслить иначе, если онъ не хотѣлъ быть нестовымъ попутелемъ своей нравственной природы, неудержимо влекущейся къ облагороженію возвышенной чистоты, — и онъ ринулся на христіанство, ибо оно считало ее номистически тщетною, предлагая скверну. Къ тому же склоняли его и историческія соображенія. Распятіе Христово было совершившимся событіемъ и съ этой стороны оказывалось фактическимъ судомъ надъ притязаніями Назаретскаго Учителя. Для Тарсійскаго зилота оно имѣло смыслъ естественнаго итога и не было конечнымъ основаніемъ ни его личнаго взгляда на благодатную религію, ни извѣстнаго отношенія къ ней. Въ своемъ размышленіи онъ неотвратимо приходитъ къ источному мотиву этой казни и ея юридическому оправданію. Она же была просто результатомъ мессіанскаго движенія и фатально предрѣшалась въ самомъ его характерѣ. А съ этой точки зрѣнія все слагалось такимъ образомъ, что Христосъ не Мессія, *потому* и распять. Разумѣется, послѣ этого пригвожденіе Господа являлось и внѣшнимъ поводомъ для недовѣрія къ Нему, но исключительно по тому логическому закону, что отъ слѣдствія мы обратно восходимъ къ причинѣ, коль скоро они связываются между собою до неразрывности. Однако принципиально первое важно по силѣ его предвареній, которыя даны реально, несомнѣнны по своему существу и держатъ на себѣ всѣ необходимыя побочныя дѣйствія. Значить, смерть Спасителя возмущала іудея лишь въ смыслѣ знаменія и запечатлѣнія ложности Его мессіанскихъ претензій, которыя оцѣнивались независимо отъ нея, ибо были прежде. Тутъ господствовало сравненіе ихъ по качеству съ раввинистически-фарисейскимъ типомъ, когда открывалось, что Иисусъ отвергаетъ его съ неограниченностію и утверждаетъ Свою правду на абсолютномъ сыновствѣ Богу. Въ этомъ кроется вся загадка враждебности къ Нему іудейства въ періодъ земной жизни и отсюда объясняется характеръ Его искупительнаго подвига не мепѣе, чѣмъ и позднѣйшая нетерпимость окаменѣв-

шаго Израиля ²²⁷). Законничество выродилось до степени отрицанія своего спасенія и должно было уничтожиться въ самомъ своемъ торжествѣ кроваваго богоубійства, гдѣ оно лишается всякой энергіи и уступаетъ свои обѣтованія небесному Избавителю для всемірнаго пользованія. Его нужно было напередъ устранить, давъ ему возможность исчерпаться вполнѣ. Крестное поруганіе Христа именно и было единственно пригоднымъ средствомъ къ водворенію и устроенію всеобщей святости, но для ревнительныхъ зилотовъ оно являлось соблазномъ по своему необъятному универсализму съ вытѣсненіемъ всякихъ иныхъ пособій. Какъ ниспроверженіе закона въ равномъ ему достоинствѣ, оно особенно раздражало Савла своимъ антиномистическимъ свойствомъ вседовлѣющаго источника праведности. Поэтому главнымъ препятствіемъ для обрѣзанныхъ всегда было опасеніе, что, „ища оправданія во Христѣ, они будутъ грѣшниками“ (Гал. II, 17) и, лишившись безспорнаго оправдательнаго способа, падутъ въ бездну языческаго житія. Въ глазахъ ихъ Голгоѳа не составляла непреоборимой преграды къ христіанству и при совмѣстности съ Сіономъ допускалась невозбранно. Примѣръ тому іудаисты, желавшіе сохранить нѣкоторые ветхозавѣтные приемы и въ царствѣ благодати. Апостоль передаетъ намъ чрезвычайно характерное извѣстіе, что они отличаются перитемническимъ усердіемъ, „дабы не быть гонимыми крестомъ Христовымъ“ (Гал. VI, 12). Онъ, видимо, тяготѣетъ надъ ними и угнетаетъ ихъ своимъ давленіемъ, а потому не есть нѣчто постороннее и безразличное; напротивъ, въ извѣстномъ отношеніи онъ близокъ и дорогъ имъ и тѣмъ вызываетъ душевную муку. И вся причина въ его безусловной неограниченности, ибо въ христіанствѣ исключительный владыка—Господь, все созидающій крестнымъ подвигомъ. Его мессіанство, пожалуй, допустимо и частію согласно съ идеею Избавителя; но что орудіе искупленія столь позорно и что оно до такой степени абсолютно,—съ этимъ никакъ не могла примириться

²²⁷) Ср. и въ нашемъ трактатѣ «О пасхальной вечери Христовой и объ отношеніяхъ къ Господу современнаго Ему еврейства», Спб. 1893, стр. 51—61 (=«Христіанское Чтеніе» 1893, V, 301—311).

іудейская совѣсть. Въ сердцѣ начинается сокрушительный раздоръ живой симпатіи и инстинктивнаго отвращенія. Это внутреннее гонительство покоится въ тѣ *σταυρῷ* и побуждаетъ къ ослабленію остроты крестнаго универсализма, почему іудействующіе стараются прикрыть свою душевную рану наложеніемъ печати Авраамовой на другихъ, чтобы только не быть окончательными измѣнниками предъ закономъ, котораго они и сами не соблюдаютъ (Гал. VI, 13). Въ силу этого Павелъ избавился бы отъ преслѣдованій, еслибы онъ — наряду съ вѣрою—по прежнему жидовствованію продолжалъ проповѣдывать обрѣзаніе, ибо тогда совершенно исчезъ бы всякій „соблазнъ“ креста (Гал. V, 11). Ясно, что его блаженность коренилась — прежде и главнѣе всего—въ его непримиримости съ законничествомъ, въ поглощеніи и устраненіи всего Синайскаго института.

Такимъ образомъ безспорно, что крестное поношеніе энергически отталкивало номистовъ и было ближайшею опорой ихъ противоборства и полемики съ христіанствомъ. Въ этомъ пунктѣ благонамѣренный Бейшлагъ совсѣмъ напрасно отрицаетъ ²²⁸⁾ фактическій поводъ, который былъ внѣшнею точкой отправленія для фарисейской ненависти и раввинскаго упорства. Но за нимъ скрывался болѣе существенный мотивъ вражды принципиальной въ томъ, что крестъ Христовъ являлся единственнымъ средствомъ къ праведности и объективно и субъективно, поелику чрезъ него и Господь сдѣлался искупителемъ и вѣрующей спасается. Этотъ основной моментъ не схваченъ ни у Гольштена ²²⁹⁾, ни у Пфлейдерера ²³⁰⁾, почему они не могутъ безошибочно опредѣлить и истинное отношеніе Савла—гонителя къ Распятому. Оно не было интеллектуальнымъ предубѣжденіемъ пламеннаго мессіаниста, какими были всѣ христіане, а возникало изъ морально-религіозной сферы непорочнаго по правдѣ законной (Филипп. III, 6) зилота, который дорожитъ своимъ нравственнымъ достоин-

²²⁸⁾ W. Beyschlag въ «Studien und Kritiken» 1870, S. 16 flg. et passim. J. R. Oertel, Paulus in der Apostelgeschichte, S. 123 flg.

²²⁹⁾ Holsten, Zum Evangelium, S. 49 flg.

²³⁰⁾ O. Pfleiderer, Der Paulinismus, S. 8—9.

ствомъ и неудержимо разъяряется, когда его попирають ²³¹). Все несогласіе сосредоточивалось исключительно въ оправдывающей области, гдѣ предстоялъ выборъ между старымъ и новымъ. Поэтому номистическое усердіе іудея изъ Тарса не подавлялось насильственно и не уничтожалось съ его обращеніемъ; оно просто получило иное примѣненіе и въ этомъ смыслѣ было наилучшимъ предуготовленіемъ къ благодати. Значить, послѣдняя не врывалась разрушительно и не была магическою; точнѣе сказать — она мирно водворилась въ приспособленной для нея обители и приносила съ собою радость оживотворенія.

Вопросъ дальше лишь въ томъ, насколько вѣра могла быть для Савла вышею и вседовлѣющею при взаимномъ сравненіи,— и онъ безповоротно рѣшался утвердительно, если прежнее обазывалось недостаточнымъ и неудовлетворяющимъ по самой своей природѣ. Было ли подобное убѣжденіе фактически и мыслимо ли психологически? Въ отвѣтъ на это мы должны принять во вниманіе спеціальное достоинство закона. Будучи святымъ, праведнымъ и благимъ, онъ содержалъ въ себѣ всѣ желанныя сокровища для спасенія. Не менѣе того онъ стремился сообщить ихъ всякому въ полное обладаніе,—и осуществимость указаннаго намѣренія гарантируется его божественностію. По всему этому онъ, несомнѣнно, былъ „заповѣдію къ жизни“ (Рим. VII, 10) и подателемъ ея. Здѣсь причина, что принципиально онъ ни въ чемъ не нуждался и ничего не допускалъ наравнѣ съ собою. Затѣмъ оставалось воплотить этотъ идеалъ,—и искомая цѣль достигалась безусловно. *Аще данъ бытъ законъ могій оживити, воистинну отъ закона бы была правда* (Гал. III, 21): — это положеніе было безспорнымъ при абсолютной номистической корректности.

²³¹) Совершенно справедливо замѣчаютъ Prof. Bernh. Weiss (Lehrbuch der Einleitung in das Neue Testament. Zweite Auflage, Berlin 1889. S. 116), что «вопросъ о мессіанствѣ Христа былъ для Павла не школьно-богословскимъ, а жизненно-религіознымъ вопросомъ». Не менѣе вѣрно W. Sanday и A. C. Headlam утверждаютъ (Commentary on the Epistle to the Romans, Edinburgh 1895, p. 186), что интеллектуальное признаніе Христа могло и можетъ существовать наряду съ жестокою нравственною борьбой, которая—у однихъ—ведетъ къ христіанству, у другихъ—сопутствуетъ принятію его.

Но теперь и начиналась страшная дисгармонія, ибо ревнитель „усматривалъ, что человекъ не оправдывается дѣлами закона“ (Гал. II, 16) даже при самыхъ напряженныхъ и искреннихъ усиліяхъ. А разъ такъ, бесплодность зависить не отъ нашей ограниченности и слабости; корень ея будетъ въ самомъ законническомъ институтѣ. Это и понятно. По своему юридическому характеру онъ всецѣло держался на возмездіи и потому требовалъ непрекословнаго и всегдашняго послушанія. Необходимо было „пробывать“ въ немъ неотлучно до такой степени, чтобы имъ заключалось и исчерпывалось все наше бытіе, чтобы онъ былъ единственнымъ моимъ содержаніемъ, чтобы мы имъ жили, двигались и существовали. Посему онъ охватываетъ личность безызытно и является всепоглощающею стихіей ума и сердца. Для него обязательна пунктуальная и непрерывная реализація всего написаннаго въ книгѣ законной, чтобы творить это (Второз. XXVII, 26 въ Гал. III, 10) во всей его дробности и мелочности. Безъ этого всякое минимальное уклоненіе будетъ оскорбленіемъ его святости и неизбѣжно повлечетъ наказаніе осуждающаго проклятія. Естественно, что законъ и говоритъ съ категорическою безповоротностію: *сътвори выи та человекъ—живъ будетъ* (Лев. XVIII, 5 въ Гал. III, 12). Онъ былъ нормою исполненія, и качествомъ послѣдняго опредѣлялось его оживляюще-спасающее или смертоносно-губительное вліяніе. Въ немъ требованіе теоретическое неразлучно отъ фактическаго повиновенія въ дѣлахъ, ему соотвѣтствующихъ (genit. object.) и его раскрывающихъ (genit. subject.). Для него нѣтъ другихъ лицъ кромѣ неключимыхъ рабовъ, удовлетворяющихъ всѣмъ и всяческимъ его хотѣніямъ. Тутъ вѣчное созиданіе безъ конца и безъ исхода, пока не наступила гармонія съ должнымъ. Вотъ это-то совпаденіе и бываетъ неустранимою невозможностію на практикѣ. Внутренній и безпристрастный опытъ душевнаго самонаблюденія неотразимо свидѣтельствуетъ каждому, что для заповѣданнаго акта не имѣется приспособленныхъ средствъ. Напротивъ, обнаруживается неизгладимый контрастъ, послѣву „законъ духовень, а я плотянь“ (Рим. VII, 14), и въ членахъ моихъ утвердился иной законъ, борющійся съ закономъ

ума моего и деспотически плѣняющій себѣ (Рим. VII, 23). Между тѣмъ въ плотяности совсѣмъ не находится добраго (Рим. VII, 18); въ ней царственно живетъ грѣхъ (Рим. VII, 17), и я бываю проданнымъ ему (Рим. VII, 14) и автоматически покорнымъ его мановеніямъ во всемъ моемъ нравственномъ поведеніи (Рим. VII, 20).

Въ итогѣ для законническаго преуспѣянія будетъ у меня одно голое желаніе добра (Рим. VII, 18) съ сокрушительною оговоркой, что *хотяшу ми творити доброе, мнѣ злое прилежитъ* (Рим. VII, 21). Понятно отсюда, что при подобныхъ условіяхъ законническое дѣланіе фактически тщетно и выражается просто въ напрасныхъ потугахъ и истощающихъ усиліяхъ. Такъ законъ бываетъ фатально немощнымъ по немощности плоти (Рим. VIII, 3), и всѣ расчеты мои на него разбиваются въ прахъ. Въ этомъ и гибельная коллизія, что отъ человѣка требуютъ святости, когда онъ натурально нечистъ и погруженъ въ бездну грѣховности. Въ такомъ случаѣ природная скверна будетъ неизмѣнно примѣшиваться всюду и омрачать самыя прекрасныя намѣренія, вносить свою растлѣвающую заразу и все окрашивать мрачнымъ колоритомъ плотяной грязи. Потому законническая „непорочность“ фарисейской совѣсти не спасаетъ отъ смертельнаго пораженія. По своему достоинству она означаетъ только внѣшнюю корректность, хотя искреннюю, но крайне далекую отъ совершеннаго отождествленія, ибо для него необходимо напередъ данное внутреннее возрожденіе, крѣпость, цѣлостность и неповрежденность всѣхъ душевныхъ способностей. Если же этого не имѣется,—искомый результатъ будетъ недоступнымъ. Въ практическомъ отношеніи законничество весьма подходило къ язычеству и отличалось отъ него развѣ по степени. Было бы вопіющею и жестокою неправдой думать, что въ эллинизмѣ не находилось зародышей добра въ смыслѣ его разумѣнія и стремленія къ нему. Они, конечно, были въ массѣ и у лучшихъ умовъ приобрѣтали высокое теоретическое развитіе, во многомъ приближавшееся къ помистическому уровню ²³²). Наряду съ

²³²) Есть не малая доля истины и въ слишкомъ рѣшительномъ замѣчаніи

этимъ и здѣсь было прежнее несчастье, что фактически они не осуществимы и оставались лишь свѣтлою мечтой, которую жизнь принижала и заслоняла ежеминутно. Поэтому Апостоль уклоненіе Галатійскихъ эллинохристіанъ въ номизму прямо называетъ возвращеніемъ къ прежнимъ немощнымъ и бѣднымъ стихіямъ (Гал. IV, 9), каѣмъ они были поработены въ періодъ до-благодатнаго дѣтства (Гал. IV, 3). Все до-христіанское человѣчество было въ одинаково разслабленномъ положеніи и томилось въ безвыходномъ раздвоеніи, столь рѣзко и глубоко отмѣченномъ у св. Павла формулой (Римл. VII, 18): *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю*. Иудейство возвышалось надъ этою линіей особенно тѣмъ, что у него яснѣе и отчетливѣе рисовался идеаль блага, но именно потому, въ немъ и разладъ былъ живѣе, мучительнѣе и безотраднѣе. И не предвидѣлось ни малѣйшаго избавленія, поелику между задачей и средствами была рѣшительная адверсативность, причѣмъ несоотвѣтствіе ихъ естественно давало отрицательный результатъ. Въмѣсто ожидаемой праведности получалось безпощадное осужденіе: *елицы бо отъ дѣлъ закона суть, подѣ клятвою суть* (Гал. III, 10).

Такова печальная участь номистической ревности въ самомъ наилучшемъ ея выраженіи, неразлучномъ отъ „внутренняго самопротиворѣчія“²³³). Она не случайна и не условна, не производится посторонними и побочными вліяніями, а неизбежна по самому свойству предмета. Заповѣдь разсчитана на праведное исполненіе, согласное съ ея величіемъ,—и для нея потребна совершенно однородная энергія. Но разъ въ человѣкѣ она извращена плотностію и осквернена ею,—номистическое функціонированіе непремѣнно будетъ нарушеніемъ предписанной нормы, и грѣховное пожеланіе облечется въ грѣховный и юридически навазуемый актъ. Это было преду-

Dr. Prof. *Joseph Langen*'a (Das Judenthum in Palästina zur Zeit Christi. Ein Beitrag zur Offenbarungs- und Religions-Geschichte als Einleitung in die Theologie des N. T. Freiburg i. B. 1866. S. 12): «Нельзя сомнѣваться, что метафизически-религіозныя понятія Платона и Аристотеля во многихъ пунктахъ были совершеннѣе и чище, чѣмъ у лучшихъ среди избраннаго народа».

²³³) *W. Beyschlag*, Neutestamentliche Theologie II, S. 7.

смотрѣно при самомъ дарованіи закона, поелику натурально вытекаетъ изъ него, и онъ *παράβασεν χάριν προσητέθη* (Гал. III, 19). Въ своемъ историческомъ явленіи онъ встрѣтилъ близкую среду грѣховности и, присоединившись къ ней въ качествѣ подходящаго прибавленія, достигъ того, что исконный грѣхъ отлился въ форму преступленія небесныхъ вельвий и тѣмъ поразилъ себя судомъ Бога и совѣсти.

Мы проникли теперь въ самые тайники законническаго воздѣйствія и отыскали коренную причину его безуспѣшности въ оправдывающей сферѣ. Абсолютно святой по своей цѣли— въ практическомъ употребленіи законнической институтъ послужить *въ смерть* (Рим. VII, 10). Онъ просто искалъ недостижимаго, потому что отъ нечистаго хотѣлъ имѣть свѣтлость ярче солнечной, а „собираютъ ли смолы съ терновника и снимаютъ ли виноградъ съ кустарника“ (Лк. VI, 44)? Поэтому, доколѣ каждый пребывалъ въ поврежденіи, законничество было бессильно для созданія праведной жизни по невозможности къ его осуществленію. Въ этомъ противорѣчьи и взаимной исключаемости лежитъ роковая бѣда его беспомощности. Ее указываетъ и Апостоль съ особенною выразительностію, если дважды (Рим. III, 20 и Гал. II, 16) псаломское изреченіе (CXLIИ, 2) приводитъ съ измѣненіемъ и дополненіемъ, что во вѣки „не оправдывается“ *никакая плоть дѣлами закона*. Онъ построенъ на началахъ воздаянія и работаетъ на основаніи фактическихъ матеріаловъ, соизмѣряя ихъ масштабомъ своей моральной возвышенности. Она же всецѣло духовная и всегда только оскорбляется плотностію, деспотически возоблававшей въ чловѣкѣ. Тогда послѣдній, пробудившись отъ своего моральнаго сна, фактически постигаетъ лишь свою фатальную подавленность и сознательно тяготится ею, почему завѣтъ Синайскій по своему вліянію былъ Агарянско-рабскимъ учрежденіемъ (Гал. IV, 24—25), обострившимъ положеніе узника путемъ своего нравственнаго отрезвленія. Разумѣется, при такихъ условіяхъ праведность законническая оказывается принципиально и вѣчно недоступною никогдѣ и ни для кого²³⁴).

²³⁴) Печальнымъ помраченіемъ этѣ истины въ иудаизмѣ объясняются возникновеніе и возобладаніе въ немъ догматическаго мнѣнія о несомнѣнной воз-

удержаны (Лук. XXIV, 16), — и въ своемъ фарисейскомъ ослѣпленіи онъ пралъ на рожонъ христіанской дѣйствительности, раздражаясь ея блескомъ, невыносимымъ для поврежденнаго глаза. Нужно было спасительное исцѣленіе, чтобы прозрѣть и видѣть. И „Богъ, повелѣвшій изъ тьмы возсіять свѣту, озарилъ его сердце, дабы просвѣтитъ познаніемъ славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа“ (2 Кор. IV, 6), — и мрачная ночь его невѣднія навсегда померкла въ лучахъ яркаго дня. Сходствуя съ Эммаусскими путниками, Савлъ близко напоминалъ и учениковъ при запертыхъ дверяхъ, когда только внѣшнее явленіе могло вывести изъ заключенія невиннаго узника. Для него свобода была давно желаннымъ и лелѣемымъ идеаломъ, — и на широкомъ просторѣ онъ оказался готовымъ къ ней и достойнымъ ея. Здѣсь было величайшее осуществленіе обѣтованія Христова, что алчущіе и жаждущіе правды получаютъ блаженство насыщенія (Мѡ. V, 6), — и молодому зилоту было дано второе, ибо онъ имѣлъ первое. Теперь-то вполнѣ благовременно „отъемлетъ свѣтъ у гонителя съ предоставленіемъ его благовѣстителю“²³⁵). Потому Апостоль всегда говоритъ объ этомъ событіи съ чувствомъ безпредѣльнаго благоговѣнія: *благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ* (Рим. VII, 25), ибо *благодатию Божіею есмь, еже есмь* (1 Кор. XV, 10). Она принесла ему именно то, чего ему не доставало. Онъ неотразимо испытывалъ клятвенное тяготѣніе, но *Христосъ ны искупилъ естъ отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. III, 13). Онъ томился подъ гнетомъ грѣховной плотяности, однако *Богъ невѣдѣвшаго грѣха — по насъ грѣхъ сотвори* (2 Кор. V, 21) и чрезъ это „осудилъ грѣхъ во плоти“ (Рим. VIII, 3). Отселѣ воцаряется реальная и полная праведность, объективно пребывающая въ Господѣ. Значить, требуется только слиться съ Нимъ, чтобы почерпать изъ Него безъ конца и безъ мѣры. Въ этомъ отношеніи всѣмъ одинаково открытъ доступъ въ вѣрѣ, которою мы объединяемся съ Распятымъ и, уничтожаясь въ Немъ со своею брэнностью, торжествуемъ съ Воскресшимъ, „погребаемъ съ Первымъ

²³⁵) Выраженіе *b. Augustini* въ *Sermo CCLXXIX de Paulo Apostolo I*, 1 ap. Migne, lat. ser. t. XXXVIII, col. 1276.

крещеніемъ въ смерть, дабы ходить потомъ въ обновленной жизни“ (Рим. VI, 4). Тѣло грѣховное! упраздняется (Рим. VI, 6), и возраждается въ цѣлости человекъ „въ правдѣ и преподобіи истины“ (Еф. IV, 24). Такъ личность срастается съ Искупителемъ и, избавившись отъ своей грѣховности, постепенно поглощается въ Немъ до совершенной потери ветхой самобытности. Здѣсь вѣра наполняется оправдывающе-благодатнымъ содержаніемъ Голгоѣской жертвы и бываетъ (Гал. V, 6) дѣйствующею сама изъ себя и по себѣ въ любви ²³⁶), поелику воспроизводитъ таинство благостно-любвеобильнаго снисхожденія Сына и тѣмъ „всецѣло осуществляетъ (ἀναπληρώσατε) законъ Христовъ“ (Гал. VI, 2), какъ онъ выразился въ божественномъ самопреданіи за людей (Гал. II, 20). А это „законъ духа жизни“ и „во Христѣ Иисусѣ освобождаетъ меня“ для духовности (Рим. VIII, 2. 1). Въ ней вѣра будетъ основаніемъ и источникомъ, любовь—слѣдствіемъ и наилучшимъ обнаруженіемъ ²³⁷), которое на высшей ступени вытѣснить ту въ видѣніи (1 Кор. XIII, 8. 11). Такимъ образомъ каждый чрезъ вѣру (διὰ πίστεως) расторгнетъ узы плотяно-грѣховнаго рабства, отъ вѣры (ἐκ πίστεως) оправдывается и

²³⁶) Ἐνεργουμένη нельзя понимать здѣсь пассивно въ смыслъ вѣры, приходящей въ дѣйствіе любовью (или посредствомъ любви) и усовершенняющейся ею, какъ это находимъ—преимущественно—въ католической экзегетикѣ, гдѣ подобное толкованіе закрѣплено и освящено авторитетомъ Тридентскаго собора въ ученіи о *fides formata, quae per caritatem operatur* (sessio VI, c. 7 de justific.), почему оно удерживается досель даже при медіальной интерпретаціи причастной формы (Dr. *Friedrich Windischmann* въ *Erklärung des Briefes an die Galater*, Mainz 1843, S. 131—132, по примѣру *Bened. Justiniani S. J. In omnes B. Pauli epistolas explanationes*, vol. I, Lugduni 1612), грамматическое значеніе которой считается даже почти безразличнымъ (*Cursus Scripturae Sacrae. Commentariorum in Nov. Test. pars. II, vol. III: Commentarius in epistolas ad Corinthios alteram et ad Galatas Auctore Rudolpho Cornely S. J., Parisiis 1892, p. 566—567*). Всѣ эти разсужденія не имѣютъ достаточной текстуальной опоры, поелику еще выше у св. Апостола вѣра представляется законченною и вдохновляющею человека свойственною надеждою на плоды сообщеннаго оправданія (Гал. V, 5), а теперь онъ говоритъ о пребывающихъ ею «во Христѣ Иисусѣ», гдѣ возможна только вѣрующая жизнь.

²³⁷) Въ этомъ пунктѣ замѣчается нѣсколько непонятное колебаніе и въ дѣльной книгѣ доц. *В. Н. Мышцына* («Ученіе св. Апостола Павла о законѣ дѣлъ и законѣ вѣры»), который находитъ, что у Апостола Павла «вѣра есть ничто иное, какъ особенная (?) форма или видъ любви» (стрн. 171), между тѣмъ послѣднія «лишь моментъ вѣры, .. сила вѣры, ея душа, жизнь» (стрн. 205).

въ вѣрѣ (ἐν πίστει) живетъ (Гал. II, 16—20) по свойственной ей любви,—и всѣ законническія препятствія и затрудненія устраняются рѣшительно, потому что онъ выѣ и выше ихъ. вмѣстѣ съ этимъ при пребываніи въ Искупителѣ преобладаются всѣ ограниченія условности. Съ Нимъ я приговождаюсь ко кресту, но это крестъ Господень; потому онъ бываетъ спасительнымъ для меня и натурально, если на немъ висѣлъ человѣкъ—Иисусъ, и безспорно, разъ Онъ—Мессія—Христосъ. Поелику же въ этомъ крестномъ поруганіи міръ обнаружилъ свое упорное отверженіе и противленіе,—онъ самъ распинается для меня и бываетъ лишь безбожнымъ палачемъ; естественно, что я не воспринимаю его вліяній и буду для него распятымъ мертвецомъ (Гал. VI, 14). Мое дальнѣйшее бытіе оказывается независимымъ отъ него и просто параллельнымъ ему, являясь результатомъ одинаковаго творческаго акта. Я становлюсь „новою тварью“ (Гал. VI, 15. 2 Кор. V, 17), оригинальнымъ созданіемъ благодати по ея роду²³⁸). Понятно, что въ немъ дѣйствуютъ собственныя и особыя силы съ соответственными плодами обновленія и святости (Гал. V, 22—23), чуждыми прежнихъ космически-стихійныхъ прираженій, будутъ ли они отъ обрѣзанія или отъ необрѣзанія (Гал. V, 6. VI, 15),—это безразлично. Теперь *древняя мимо идоша, се быша вся нова* (2 Кор. V, 17),—и вѣрующій, пришельничая на землѣ, бываетъ жителемъ неба.

Съ этой стороны откровеніе по своему результату равнялось всецѣлому возрожденію. Посему справедливо указывается, что такой переворотъ не могъ быть обязанъ простой діалектической работѣ ума по несоответствію слѣдствій своимъ при-

²³⁸) Терминъ *κτίσις* употребляется здѣсь пассивно—для обозначенія фактическаго результата творчества, или творенія (см. Еф. IV, 24 и ср. *ibid.* II, 10. 15. Кол. III, 10. 2 Кор. IV, 16), а не активно—въ смыслъ процесса созиданія, почему и вся комбинація терминовъ не равняется *קִרְיָת הַחַיִּים* иудейскихъ писателей въ приложеніи къ тѣмъ, которые пришли путемъ прозелитизма) къ познанію Бога истиннаго (см. *Chr. Schoettgenii Notae hebraicae et talmudicae in universum Novum Testamentum*, t. I, Dresdae et Lipsiae 1733, p. 704—705 ad 2 Corinth. V, 17). Иначе «нова тварь» была бы не достаточно прочною въ своемъ существованіи, между тѣмъ у св. Апостола она есть бытіе несомнѣнное, параллельное прежнему и независимое отъ него, или безусловно реальное во всѣхъ своихъ несравнимыхъ качествахъ.

чинамъ ²³⁹⁾). Христианство не было для Ап. Павла новымъ религиознымъ мировоззрѣніемъ, какъ его понимаетъ Гольштенъ ²⁴⁰⁾, а силою Божіей во спасеніе. Разумѣется, многіе приходили къ нему и безъ тяжелыхъ внутреннихъ катастрофъ,—и въ этомъ недостаточность аргументаціи Бейшлага, потому что онъ смѣшиваетъ признаніе благодати съ ея дѣйствіемъ. Но когда такія потрясенія несомнѣнны,—отсюда вытекаетъ, что движущимъ стимуломъ челоуѣка служить не разумъ, опредѣляющій направленіе „руководствомъ непреклонной логики“ ²⁴¹⁾. Это глубокое и чистое влеченіе къ своему нравственному совершенству, вѣчное исканіе своего идеала, пока онъ не воплощается фактически.

Таково именно было настроеніе и молодого Тарсійскаго фарисея. Оно требовало своего удовлетворенія и въ немъ завершается полнымъ успокоеніемъ. Въ засвидѣтельствованномъ мессіанствѣ Господа желанная цѣль морально-религиозныхъ стремленій Павла осуществляется до точности и согласно съ его исконными намѣреніями, ибо достигаетъ фактической непорочности сыновства Богу. Поэтому Дамасское отервеніе всего менѣе было магическимъ, безъ поддержки въ прошломъ и безъ опоры въ настоящемъ. Скорѣе и вѣрнѣе,—оно шло на встрѣчу злоту и въ помощь ему ²⁴²⁾, почему онъ и „не воспротивился (οὐκ ἐναντίωθη ἀπειθήσ) небесному видѣнію“ (Дѣян. XXVI, 19), хотя теоретически это было возможно. Самъ гонитель двигался на него враждебно, но въ высшій моментъ своего разъяренія—

²³⁹⁾ *W. Beyschlag* въ «*Studien und Kritiken*» 1870, S. 15. 18 и др.

²⁴⁰⁾ *Holsten*, *Zum Evangelium*, S. 5. 43.

²⁴¹⁾ Такъ понимаетъ дѣло Prof. *Charles Carroll Everett* въ своей интересной, но и довольно странной книгѣ «*The Gospel of Paul*», Boston and New York 1893, p. 296.

²⁴²⁾ По этой причинѣ обращеніе Павла, будучи глубоко жизненнымъ и всецѣло отвѣчая запросамъ благочестивой души, оказывается способнымъ обращать и другихъ, какъ свидѣтельствуегъ *Dean C. J. Vaughan* (*The Church of the First Days: Lectures on the Acts of the Apostles*, London 1890, p. 198). Здѣсь разумется извѣстный въ политикѣ и литературѣ лордъ *George Lytton*, который размышленіемъ объ этомъ чудесномъ фактѣ былъ приведенъ отъ невѣрія къ вѣрѣ и по сему предмету написалъ свои замѣчательныя *Observations on the Conversion and Apostelship of St. Paul*, перевзданныя въ подлинникѣ *Religious Tract Society* съ предисловіемъ *Henry Rogers's* и своевременно выпущенныхъ по нѣмецки *Hahn* ономъ (*Hannover 1751*) подъ заглавіемъ *Anmerkungen über die Bekehrung und das Apostelamt Pauli*.

по волѣ божественнаго промысла — нашелъ тутъ свое безусловное насыщеніе ²⁴³). Это не былъ „Каіафа, котораго не въ состояніи сдѣлать проповѣдникомъ Евангелія никакое чудо“ ²⁴⁴). Потому „откровеніе съ неба“ неожиданно принесло глубоко радостную вѣсть для истомленной ожиданіемъ души. Такимъ путемъ ей было указано средство въ исцѣленію отъ натурально-хроническаго недуга, чтобы быть здоровою даже сверхъ надеждъ и расчетовъ и, конечно, въ гармоніи съ ними. Принципіально здѣсь было стройное совпаденіе, — и потомокъ Веніамина (Филипп. III, 5), паравнѣ съ своимъ предкомъ бывшій по утрату хищнымъ волкомъ, вечеромъ раздѣляетъ добычу (Быт. XLIX, 27) ²⁴⁶), пользуясь всѣмъ, что было преимущественнаго въ его происхожденіи, образованіи, гражданско-соціальныхъ прерогативахъ и пр. ²⁴⁷)

Значитъ, видѣніе, не зависѣвшее отъ Савла по источнику и возникновенію, оказывается сроднымъ ему по своему содержанию и обезпеченнымъ въ благопріятномъ дѣйствіи ²⁴⁸). Поэтому откровеніе вступаетъ не насильственно и не вопреки началамъ разума, а въ солидарности съ ними. Можно сказать прямо, что оно было принято одинаково сознательно и убѣжденно какъ сердцемъ, такъ и умомъ. Для выясненія даннаго пункта мы должны припомнить Аравійское уединеніе Павла. Онъ говоритъ,

²⁴³) Въ этомъ только смыслъ видѣніе было для Савла «сокрушающимъ и посярамливающимъ» своею благостію въ замѣнъ заслуженнаго гнѣва. См. *Das apostolische und nachapostolische Zeitalter. Mit Rücksicht auf Unterschied und Einheit in Lehre und Leben dargestellt von Gotth. V. Lechler.* Zweite Auflage, Stuttgart 1857. S. 42.

²⁴⁴) *A. Neander, Geschichte der Pflanzung I, S. 113.* Ср. на стрн. 66 къ прим. 128.

²⁴⁶) Такое примѣненіе находимъ у *блж. Августина* въ *Sermo CCLXXIX de Paulo Apostolo I, 1 ap. Migne, lat. ser. t. XXXVIII, col. 1275.*

²⁴⁷) Нѣкоторыя указанія по этому предмету см. у late bishop *J. B. Lightfoot* въ статьѣ *St. Paul's Preparation for the Ministry* его посмертнаго сборника «*The Biblical Essays*», London 1893, p. 201—211, хотя вопросъ раскрытъ здѣсь не полно и не достаточно отчетливо.

²⁴⁸) По изложенному ясно, что будетъ нѣсколько мало сказать вмѣстѣ съ *Friedr. Bethge* (*Die Paulinischen Reden der Apostelgeschichte, S. 191*) и *Prof. F. Godet* (*Introduction au Nouveau Testament. Introduction particulière. I: Les Épîtres des Saint Paul. Neuchatel 1893. P. 97*), будто все предуготовленіе Павла было «чисто отрицательнаго характера».

что послѣ явленія Христа не сталъ совѣтоваться съ плотію и кровію (Гал. I, 16) и тѣмъ косвенно убѣждаетъ, что имѣлъ нужду въ совѣтѣ—только не отъ плотскихъ человѣческихъ авторитетовъ. О причинѣ мы въ правѣ догадываться по извѣстіямъ Дѣяписателя. Онъ сообщаетъ намъ о пламенномъ проповѣдничествѣ новокрещеннаго фарисея въ Дамаскихъ синагогахъ (Дѣян. IX, 20 сл.). Но мы уже замѣчали ²⁴⁹⁾, что его усилія въ началѣ были безплодны и не увѣнчивались добрымъ успѣхомъ. Свои смотрѣли на него съ недоувѣрчивымъ недоумѣніемъ, потому что для нихъ онъ былъ лишь гонитель, прибывшій съ самыми кровавыми планами; соплеменники относились къ нему съ презрѣніемъ, граничившимъ съ враждебностію къ коварному ренегату. Для всѣхъ его прошлое было печатію отверженія, поелику рѣшительно не подходило къ его христіанской ревности и отрицало ее. Подъ этими внѣшними впечатлѣніями и предъ нимъ самимъ оно всплывало во всемъ ужасѣ неумолимаго обличенія для совѣсти и раздирающаго душу укора. Внутреннее его настроеніе было сокрушено, и онъ терялъ равновѣсіе, необходимое для собственной устойчивости, если думалъ поднимать павшихъ и поддерживать пошатнувшихся безъ риска сдѣлаться опаснымъ слѣпцомъ для слѣпыхъ (Мѡ. XV, 14. Лк. VI, 39). И онъ почувствовалъ потребность въ водвореніи гармоніи ²⁵⁰⁾ въ тиши безмолвія и вдали отъ міра и людей ²⁵¹⁾. Это не бѣгство Іоны отъ своего призванія ²⁵²⁾, а приготовленіе къ

²⁴⁹⁾ См. выше на стрн. 324.

²⁵⁰⁾ *Wilhelm Schenz*, [Historisch-exegetische Abhandlung über das Erste allgemeine Concil in Jerusalem (52 nach Chr.), nebst einer gedrängten Würdigung der neuern Kritik der Gegner aus Tübinger Schule, Regensburg 1869, S. 12], довольно удачно замѣчаетъ, что теперь св. Павелъ *bedurfte einer Sammlung des Gemüthes*.

²⁵¹⁾ Эта психологическая вѣрность вполне подтверждаетъ историческую достоверность Аравійскаго путешествія и совершенно устраняетъ возраженія *R. Steck'a* (Der Galaterbrief, S. 89—91) и Prof. *Daniel Völter'a* (Die Komposition der paulinischen Hauptbriefe. I. Der Römer—und Galaterbrief. Tübingen 1890. S. 124), достаточно разобранныя у Prof. *Johannes Glöel* (Die jüngste Kritik des Galaterbriefes auf ihre Berechtigung geprüft, Erlangen und Leipzig 1890, S. 48—51) и у Dr. *J. M. S. Baljon*, Verhandeling over den brief aan Galatiërs, bl. 141—142.

²⁵²⁾ Такъ думаетъ the Rev. *George Matheson* въ своемъ сочиненіи *The*

нему смущеннаго Или²⁵³). Естественно, что Савль направляется туда, гдѣ лежалъ источникъ прежней зилотической пламенности, приведшей его къ такому печальному завершенію²⁵⁴). Это былъ Синай въ Аравіи²⁵⁵), откуда завѣтъ ветхій, раждающій въ рабство (Гал. IV, 24). Почти въ неизмѣнности сохраняется и понынѣ вся перспектива, предносившаяся взору смятеннаго отшельника. И вотъ *иносказаніе*, которое онъ прочиталъ здѣсь. Предъ нимъ разстилалась суровая и безотрадная мѣстность, лишенная всего, что ласкало его глазъ среди отраднѣхъ картинъ Сиріи и Киликіи; въ такой рамкѣ высилась на 9.000 футовъ надъ уровнемъ моря гора Божія, не имѣвшая не только растительности, но и снѣжной драпировки, воплощенное „соединеніе величія и пустынности“ (Stanley).

Spiritual Development of St. Paul (p. 76), весьма интересно и поучительно по многимъ наблюденіямъ, но построенномъ крайне искусственно и богатомъ разными странностями.

²⁵³) Этимъ достаточно устраняются всѣ сомнительныя предположенія относительно даннаго эпизода. Таково мнѣніе (*W. J. Tiersch*'а въ *Die Kirche im apostolischen Zeitalter*, S. 715, по примѣру *Serp's Das Leben Christi IV*, 1845, S. 46—47), будто св. Павелъ пошелъ въ Аравію ради своей защиты у царя Ареобы. Личность послѣдняго не играла существенной роли въ дѣлѣ Апостола и соприкасается съ нимъ совершенно случайно (2 Кор. XI, 32). Посему и нельзя отрицать Аравійское путешествіе на томъ основаніи, что обращенный не могъ удалиться въ область повелителя враждебнаго ему этнарха, какъ это находимъ въ книгѣ *Die unechtheit des galaterbriefes. Ein beitrag zu einer kritischen geschichte des urchristentums von J. Friedrich (Maeliss)* [Halle a. d. S. 1891, S. 35], который напрасно (и не справедливо, если намѣренно) забываетъ, что внимательство Аравійскаго правителя Дамаска должно падать во всякомъ случаѣ на позднѣйшій періодъ—по возвращеніи Апостола въ этотъ городъ.

²⁵⁴) На этомъ основаніи, подкрѣпляемомъ снесеніемъ съ Гал. IV, 25, нельзя согласиться съ интерпретаціею арабскаго переводчика, который передаетъ терминъ 'Араβία черезъ *El Belka*—въ смыслѣ мѣстности, прилегающей къ Мертвому Морю. Значить, это и не Авранъ, какъ думаютъ многіе изъ новѣйшихъ экзегетовъ, а Синайскій полуостровъ, къ чему склоняется (къ сожалѣнію, не вполне рѣшительно) и *Prof. George Adam Smith* въ *The Historical Geography of Holy Land*, London 1894, p. 620. Ср. еще *Prof. George Rawlinson*, *St. Paul in Damascus and Arabia*, London (Society for Promoting Christian Knowledge), p. 131—135.

²⁵⁵) Вмѣстѣ съ † *J. B. Lightfoot* (*Epistle to the Galatians*, p. 192—193) мы принимаемъ для Гал. IV, 25 чтеніе *κ. С. F. 17 τὸ γὰρ Σινὰ ὄρος ἐστὶν ἐν τῇ 'Αραβίᾳ*.

Что вѣщала она удрученному Апостолу? Увы, голосъ ея былъ строгъ и грозенъ, и онъ постигаетъ горькую истину. Это — вѣчное окаменѣніе, тупая и мертвая кость безъ осмысленной привязанности и сердечной утѣхи. А наряду съ этимъ самъ собою рисовался образъ тучъ, бурь, грома, молній, куреній дыма, грохота сотрясающихся скалъ, — и св. Павелъ проникался скорбнымъ убѣжденіемъ въ тщетности номизма и невольно восклицалъ: да, смертоносно это служеніе писменамъ, начертаннымъ на камняхъ (2 Кор. III, 7)!.. И онъ сразу понялъ все безуміе своего іудаистическаго ослѣпленія и затрепеталъ радостію, точно тяжело больной, увѣровавшій въ свое исцѣленіе послѣ безошибочнаго діагноза. Однако Синай непоколебимъ и тысячи лѣтъ пребываетъ въ неприкосновенности: посему непреложенъ и вѣченъ Господь, разными путями ведущій людей къ Своей цѣли. Щемящее отраженіе минувшаго смягчилось свѣтлою мыслию, что и вообще законъ былъ пѣстуномъ во Христа (Гал. III, 24), почему о невѣрномъ народѣ не менѣе несомнѣнно (Рим. XI, 26): *такъ весь Израиль спасется, якоже есть писано: «придетъ отъ Сіона избавляя, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова»* (Иса. LIX, 20). Послѣ этого и самая пустыня озаряется живительнымъ блескомъ, и возрожденный ученикъ Христовъ съ восторгомъ взываетъ (Гал. IV, 27): *возвеселися неплоды не раждающая: расторгни и возопи не болящая, яко многа чада пустыя паче нежели имущія мужа* (Иса. LIV, 1). Теперь — подобно Илиі — св. Павелъ слышитъ уже „вѣяніе тихаго вѣтра“ (3 Цр. XIX, 12), что его гонительство было затѣмъ, *да въ немъ первомъ покажетъ Іисусъ Христосъ все долготерпѣніе, за образъ хотящихъ впровати Ему въ жизнь вѣчную* (1 Тим. I, 16), какъ это и обнаружилось потомъ, когда знавшіе его только въ качествѣ опустошителя Церкви по поводу его успѣшнаго благовѣстничества прославляли Бога (Гал. I, 22—24). При этомъ прошлое пріобрѣтаетъ характеръ предуготовительный для него и глубоко знаменательный для всего міра. Оно поставило его на высшую ступень законнической непорочности, и онъ могъ ясенѣе видѣть величіе благодати, усвоить ее со смиренною самопреданностію и раскрывать въ абсолютномъ ея преимуществѣ. Оно воспитало въ немъ жажду правды и сдѣлало достой-

нымъ ея органомъ, способнымъ оцѣнить ее во всемъ превосходствѣ и показать другимъ со стороны совершенной несравнимости даже съ самыми наилучшими оправдательными методами. Въ этомъ отношеніи онъ былъ живымъ и неотразимымъ ея лицетвореніемъ, для всѣхъ нагляднымъ и вразумительнымъ до осязательности. Потому и сказано, что „Богъ благоволилъ явить Сына Своего *въ немъ*“ (Гал. I, 16), вмѣстить Его настолько полно, что въ носителѣ прямо созерцалась слава Единороднаго отъ Отца ²⁵⁶).

При такихъ условіяхъ новое откровеніе вошло въ душу Апостола не съ беспощадною сокрушительностію, а съ примрениемъ, успокоеніемъ и упорядоченіемъ хаотической массы напрасныхъ стремленій и враждующихъ желаній. Это былъ Духъ Божій, носившійся надъ космическими водами,—и Онъ былъ воспринятъ съ восхищеніемъ оживотворенія тѣмъ, кто изначала и всегда искалъ истинной жизни. Такъ божественное сообщеніе стало и разумно-убѣжденнымъ достояніемъ св. Павла ²⁵⁷).

Во всѣхъ пунктахъ оно нашло себѣ готовую почву и приспособленныя силы. Его содержаніе сразу обнаружило предъ Савломъ, что спасеніе не зависитъ отъ людей, если подается извергу незаслуженно, что оно создается исключительно Богомъ по Его безконечной любви, виѣшне не вызываемой принудительно, а производится искупленіемъ Сына, въ Которомъ получается каждымъ лишь единеніемъ вѣры съ Нимъ. Это благодать всецѣлаго избавленія и возрожденія въ

²⁵⁶) При такомъ толкованіи, которое мы считаемъ единственно правильнымъ, естественно устраниются всѣ попытки обосновать визионерную гипотезу на терминѣ *ἐν ἐμοί* (*Baur*, Paulus I, S. 35; *A. Hilgenfeld* въ «*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*» VII, S. 164 ff.; *Holsten*, Zum Evangelium, S. 35; *R. Steck*, Der Galaterbrief, S. 82), хотя всего менѣе позволительно понимать его въ смыслѣ «ко мнѣ» или «для меня».

²⁵⁷) Только въ этомъ смыслѣ и можно допустить выраженіе *With. Seuffert's* (*Der Ursprung und die Bedeutung des Apostolates in der christlichen Kirche der ersten zwei Jahrhunderte. Eine kritisch-historische Untersuchung auf Grund der Schriften des Neuen Testaments und der weiteren christlichen Literatur. Leiden 1887. S. 36*), что «въ тиши Аравіи въ Павлѣ родился Апостолъ», который отнынѣ стремится къ осуществленію своего призванія. Не менѣе того подлежитъ ограниченію и мысль *J. C. M. Laurent's* (*Neutestamentliche Studien, Gotha 1866, S. 70*), что новый благовѣстникъ «долженъ былъ созрѣть въ единеніи».

Господь, свобода обновленія чрезъ усыновленіе всѣхъ Небесному Отцу. Здѣсь Евангеліе совпадаетъ съ откровеніемъ и— вмѣстѣ съ нимъ — имѣетъ чудесное происхожденіе и божественный характеръ. Оно не продуктъ личнаго творчества, даже самаго геніальнаго ²⁵⁸⁾, и не результатъ наученія (Гал. I, 12), хотя бы и высоко авторитетнаго. Оно не *по чловѣку* (Гал. I, 11) и не можетъ быть оригинальною системою павлинизма, когда совсѣмъ исчезаетъ *Павелъ Апостолъ, ни отъ чловѣкъ, ни чловѣкомъ, но Исусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ* (Гал. I, 1). По существу своему, это—благовѣстіе Христово.

На этомъ собственно и заканчивается наша научная задача, потому что проповѣдь Павлова возведена къ необходимому первоисточнику и въ немъ обезпечена по своей качественной цѣнности. Однако въ разсматриваемомъ предметѣ есть и другая важная сторона. Его чудесность нарушаетъ всѣ законы „имманентнаго развитія чловѣческаго духа по внутренней причинности“ ²⁵⁹⁾ и колеблетъ все интеллектуальное міросозерцаніе ²⁶⁰⁾ „независимой науки“, которая заранѣе предполагаетъ невозможность и откровенія, и всего сверхчувственнаго ²⁶¹⁾. Чловѣческая мысль тревожно останавливается предъ нимъ въ тяжеломъ раздумьи — или признать его во всемъ объемѣ и отказаться отъ своихъ правъ, или во имя ихъ провозгласить свое торжество автономіи съ рискомъ всеотрицающаго произвола. Критика рѣшительно защищаетъ вторую крайность, но и она дѣйствуетъ не по простому ожесточенію и не только въ интересахъ самосохраненія. Ею особенно двигаютъ мотивы огражденія достоинствъ нашего ума, потому что иначе онъ теряетъ всякую точку опоры, а дѣло Божіе, будучи вышеестественнымъ, окажется уже противосто-

²⁵⁸⁾ Это видѣть въ благовѣстіи Павловомъ, напр., *Holsten, Zum Evangelium*, S. 55.

²⁵⁹⁾ *Holsten ibid.*, S. 65.

²⁶⁰⁾ Ср. *A. Hilgenfeld* въ «*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*» VII, S. 162: «Признаніе сверхъестественнаго міра, который входитъ въ процессъ этого земнаго быванія, какъ чудо, какъ откровеніе, какъ искупленіе, — это признаніе само въ себѣ заключаетъ смертельное оскорбленіе для науки».

²⁶¹⁾ *Etudes d'histoire religieuse par Ernest Renan*, Paris 1857, p. XI.

ственнымъ ²⁶²). Поэтому и ортодоксальные писатели самого безупречнаго настроенія и благонамѣреннаго направленія не менѣе усердно стараются отыскать психологическія предва-ренія для возможнаго приближенія Дамасскаго явленія въ нашему пониманію. Невѣріе и вѣра встрѣчаются тутъ съ трогательнымъ единодушіемъ и согласно недоумѣваютъ: какъ постигнуть „разумное Божіе“? Это вопросъ мыслящей при-роды человѣческой и въ самомъ фактѣ онъ долженъ найти себѣ примиряющій отвѣтъ.

Что же говоритъ намъ исторія Савла?

Мы видимъ предъ собою богато одареннаго юношу во всемъ блескѣ лучшихъ способностей, во всемъ разцвѣтѣ мо-гучихъ силъ. Тщательная и всесторонняя школа шлифуетъ ихъ до тончайшаго обостренія и сообщаетъ имъ феноме-нальную гибкость, необычайную проницательность, желѣзную крѣпость. Это несокрушимый воинъ въ бранныхъ доспѣ-хахъ, недоступный пораженію, незыблемый въ своей пози-ціи, десными и шуими обезпеченный въ своемъ господствѣ. Такъ и кажется, что ему предстоятъ держава, власть и цар-ство съ прогрессивнымъ возрастаніемъ въ славу и величіи. А наряду съ этимъ истинно золотое сердце, не тронутое грубою страстію, полное чистѣйшихъ порывовъ, тонкое въ своей отзывчивости на всякое добро, нѣжное въ каждомъ своемъ біеніи, ласкающее своею теплотой, неудержимо захваты-вающее даже своею пламенностію, прожигающее лишь затѣмъ чтобы исцѣлить, согрѣть и возвысить ²⁶³), — это нѣчто гран-

²⁶²) Такъ и *Holsten* говоритъ во имя принципа «единства и необходимости всехъ моментовъ въ движеніи мысли» (*Zum Evangelium*, S. 4) и утверждаетъ полную «серьезность своей нравственной и логической совѣсти» (*ibid.*, S. X), почему рѣшительно отвергаетъ все подозрѣнія на счетъ «своего нравственнаго и религіознаго характера» (*ibid.*, S. 63), выдвигая противъ Бейшлага (*ibid.*, S. 12 Anm.) грозное апостольское слово (Рим. II, 24): «ради васъ имя Божіе хуляется у язычниковъ». Потому же критикъ охотно признается, что «въ своемъ послѣднемъ основаніи отрицаніе объективной дѣйствительности Павлова видѣнія является догматическимъ сужденіемъ» (*ibid.*, S. 10). Ср. *W. Beyschlag* въ «*Studien und Kritiken*» 1870, S. 262.

²⁶³) Поэтому глубоко несправедливо замѣчаніе *J. L. Hug'a* (*Einleitung in N. T.*, II, S. 331), что «психологически Савлъ не былъ расположенъ стать другомъ людей», какъ будто онъ когда либо отличался человѣконенавистничествомъ. Не менѣе сего невѣрно, хотя по инымъ побужденіямъ и съ другими пѣлями,

діозно-величественное въ своемъ дивно-гармоническомъ сочетаніи, не имѣющее равнаго и не имѣвшее подобнаго. Само въ себѣ оно носитъ залогъ особеннаго успѣха, ослѣпительнаго и по степени и по размѣрамъ, поразительнаго количественно и обаятельнаго качественно, свѣтлаго, какъ лучъ солнца, и не померкающаго въ своей яркости.

Съ такими неисчерпаемыми ресурсами Савлъ выходитъ на свое поприще и немедленно обнаруживаетъ свое превосходство преуспѣваніемъ паче сверстниковъ по ревнительности въ отеческихъ преданіяхъ (Гал. I, 14). Его путь былъ вѣренъ и ясенъ, средства достаточны и надежны, — и онъ смѣло и быстро стремится къ почести совершенной правды и непорочной святости. Все обѣщало отрадное и желанное будущее, котораго еще никто не достигалъ и никто не отыметъ. Но вотъ въ самый разгаръ своей кипучей энергіи онъ внезапно наталкивается на рожонъ и падаетъ въ прахъ, ибо у такихъ колоссовъ и одно сотрясеніе всегда кончается жестокимъ крушеніемъ. Вчера онъ былъ полонъ самыхъ радостныхъ упованій, его душа пылала священнымъ огнемъ, его совѣсть упивалась кровавыми побѣдами, а теперь всѣ крѣпкія опоры, державшія храмину, рухнули разомъ, — и онъ лежитъ поверженный и безпомощный хуже ребенка. „Подъ тяжестію Дамасскаго событія прежнее зданіе его вѣры и праведности треснуло до основанія и распалось навсегда; внутри остались лишь мусоръ и обломки“²⁶⁴). Съ этимъ погибло все, что было жизненнымъ центромъ бытія, — и весь человѣкъ разомъ разбивается въ дребезги. *Господи, что ты хочешь творити* (Дѣян. IX, 6)? — это былъ болѣзненный стонъ ужаса и отчаянія, раздирающій вопль смерти, послѣдній скорбный отзвукъ прошлаго торжества. Да, жестоко прать, потому что пагубно и — значить — не разсудительно. Теперь съ смиренною мольбой поруганной гордости онъ покорно взываетъ: „кто Ты, Господи?“ (Дѣян. IX, 5. XXII, 8. XXVI, 15) и трепетно ждетъ избавленія, когда раздастся спасительное

M. Friedländer (Zur Entstehungsgeschichte des Urchristenthums, S. 168) говорить, что «гониміе Павла было направлено противъ личности, а не противъ ученія Іисуса».

²⁶⁴) Выраженіе *J. R. Oertel*'я Paulus in der Apostelgeschichte, S. 113.

слово: *возстани, и стани на ногу твою! На се явихся ти сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣлъ еси, и яже явлю тебѣ, изимая тя отъ людей иудейскихъ и отъ языкъ, къ нимъ же Азъ тя пошлю, отверсти очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ, и отъ области сатанины къ Богу, еже пріяти имъ оставленіе грѣховъ, и достояніе во святыихъ* (Дѣян. XXVI, 16—18). Все прежнее исчезаетъ изъ его ослѣпленнаго взора, пока чешуя бывшаго величія не спадаетъ съ его глазъ,—и онъ возрождается въ новаго человѣка, не сравнимаго и не соизмѣримаго съ раннѣйшимъ. Разумъ убилъ его затѣмъ, что бы оживотворила вѣра, въ которой и тотъ получаетъ свое истинное достоинство.

Въ этомъ соподчиненіи и разрѣшеніи всей антиноміи, въ этомъ отказѣ отъ незаконнаго абсолютизма и все примиреніе тщетно мятущейся и суетно оскорбляющейся человѣческой мысли, потому что въ ея послушаніи—ея сила и жизнь: таковъ урокъ всей пламенности преспѣвавшаго зилота, таковъ завѣтъ всей ревности блистательнаго раввина. *„Яже ми бяху приобрѣтенія, сія вмѣнихъ Христа ради тщету, яко разумѣти Его* (Флипп. III, 7. 10),—это конечный итогъ безошибочнаго опыта и безспорнаго наблюденія. Всегда и на вѣки непреложно, что даже *буе Божіе, премудрѣе чловѣкъ есть* (1 Кор. I, 25), и міръ со своею премудростію не можетъ уразумѣть Бога въ Его премудрости (1 Кор. I, 21). Въ этой области всякое познаніе возникаетъ не изъ насъ и не производится нами самобытно. Не совсѣмъ точно будетъ сказать „познавъ Бога“, и справедливымъ оказывается совершенно обратное ограниченіе „будучи познаны отъ Него“ (Гал. IV, 9). Тутъ одинъ Богъ является источникомъ нашего вѣдѣнія о Немъ и насадителемъ его въ каждомъ, чтобы затѣмъ онъ пассивно воспринималъ и убѣжденно закрѣплялъ получаемое. По необходимости—тварь слишкомъ удалена отъ Творца и не въ состояніи перешагнуть раздѣляющую бездну, при которой и независимое постиженіе для нея не возможно. Въ интересахъ устраненія подобнаго метафизическаго разлада самъ Господь долженъ пріобщиться къ своему созданію и признать его. Лишь при этомъ условіи соблюдаются всѣ желательныя предположенія для правильнаго и точнаго усвоенія

предмета: здѣсь обязательна неразрывная связь между объектомъ и субъектомъ, чтобы все богатство перваго переходило въ жаждущую насыщенія пустоту и наполняло ее своимъ содержаніемъ. Это взаимное и тѣсное соприкосновеніе не осуществимо со стороны человѣка при его страдательности и ограниченности, рабски держащихъ его въ кругѣ переходящаго и космически-стихійнаго. Отсюда вытекаетъ неизбежность въ нисхожденіе и приближеніе божественнаго начала, если оно захватываетъ человѣческое, вводитъ его въ соприсущую среду и бываетъ для него просвѣщающимъ. Познаваемое беретъ къ себѣ познающее, а послѣднее вступаетъ чрезъ это въ единеніе съ нимъ, чувствуетъ, осязаетъ и видитъ его. Вотъ почему было предопредѣлено воплощеніе Сына Божія; дабы въ Немъ непосредственно встрѣтились небо съ землею и эта познала его чрезъ предварительное признаніе ея тѣмъ. Какъ исходящій отъ Отца и по природѣ собственный Ему, Онъ одинъ былъ въ силахъ изъяснить премірныя тайны. Въ этомъ смыслѣ и говорится, что именно Единородный исповѣдалъ Бога (Ин. I, 18), раскрылъ и истолковалъ Его міру, былъ для него образомъ Невидимаго (Кол. I, 15) и сіяніемъ Его славы (Евр. I, 3). Въ своемъ глубочайшемъ основаніи, подлинное богопознаніе покоится на искупленіи и спасеніи, когда личность вѣрою сочленяется со Христомъ и въ Немъ пріобрѣтаетъ свободу сыновняго доступа къ самому незримому Богу.

По этой причинѣ во всей строгости его не было до благодатнаго избавленія и—въ разрывѣ съ нимъ—не будетъ до скончанія міра. Безъ этого не окажется самаго главнаго момента для разумѣмаго акта въ наличности нужнаго посредства. Оно заключается въ вочеловѣченіи, гдѣ познаваемый срастается съ познающимъ, который, естественно, бываетъ и знающимъ, потому что прямо усматриваетъ всю полноту божества „тѣлеснѣ“ (Кол. II, 9). А разъ это требованіе соблюдается единственно въ христіанствѣ,—и дѣйствительное боговѣдѣніе можетъ быть только христіанскимъ. Тутъ оно во всей абсолютной цѣлостности находится въ Спасителѣ и по объективному источнику возникаетъ изъ любви, такъ какъ не было внѣшнихъ побужденій для попечительности Святѣйшаго

о грѣшномъ. Понятно, что чрезъ нее же оно достигается и другими, поелику при отсутствіи ея будетъ несродность, не допускающая богопросвѣщенія. И насколько правильно, что подобное познается подобнымъ, настолько и еще болѣе несомнѣнно, что *всякъ любяй, отъ Бога рожденъ есть и знаетъ Бога; а не любяй не позна Бога, яко Богъ любви есть* (1 Ин. IV, 7—8). *Аще ли кто мнится въдѣти что, не у что разумъ, якоже подобаетъ разумѣти; аще ли кто любитъ Бога, сей познавъ бысть отъ Него* (1 Кор. VIII, 2—3) и на высшей ступени своего развитія самъ *познаетъ* соотвѣтственно этому (1 Кор. XIII, 12). Но любовь христіанская не самопроизвольна и бываетъ въ насъ по отраженію любви Христовой, заранѣе воспринятой и живущей въ чловѣкѣ. Для этого необходимо въ предшествующемъ гармоническое сліяніе съ ея Носителемъ, вчлененіе въ Него и пребываніе въ Немъ. Это совершается только вѣрою, благодатно вселяющею въ насъ Христа (Еф. III, 17. 2 Кор. VI, 16. Гал. II, 20) и приводящею къ Богу для созерцанія Его въ Сынѣ. Потому, будучи субъективнымъ условіемъ нашего спасенія, она служитъ и первѣйшимъ фундаментомъ нашего истиннаго боговѣдѣнія. Въ ней разумъ выходитъ изъ рамокъ своей узкой замкнутости, проникаетъ въ недоосязаемыя глубины божественной жизни и все испытуетъ (1 Кор. II, 10), получая въ этомъ свое наилучшее удовлетвореніе и величайшее торжество. Онъ держится ею и питается, въ ней почерпаетъ всю свою силу и укрѣпляется. Посему онъ никогда не бываетъ богопознавшимъ, если не будетъ напередъ христіански вѣрующимъ. По справедливому замѣчанію св. Іоанна Златоуста ²⁶⁵), — „какъ растеніе безъ корня не можетъ произращать плода, такъ не можетъ произойти и здравое ученіе безъ предварительнаго познанія вѣры“, — той вѣры, „которая руководитъ къ разумѣнію Бога“.

Таковъ основной принципъ христіанскаго богопознанія. И, будучи представителемъ его въ эти торжественныя ми-

²⁶⁵) Homilia in 2 Corinth., Psal. CXV, 1 et de eleemosyna, n. 2. 4: Migne, gr. ser. t. LI, col. 274. 275. Бесѣды на разныя мѣста Свящ. Писанія, т. III (Спб. 1863), стрн. 6. 10.

нуты отчета посвященной ему Академіи нашей предъ достопочтеннымъ собраніемъ, я смѣло и твердо свидѣтельствую отъ имени его, что священнымъ знаменемъ нашего научнаго убѣжденія и единственнымъ двигателемъ нашихъ ученыхъ стремленій всегда были и вѣчно будутъ апостольскія слова (Евр. XI, 3):

Вѣрою разумѣваемъ!
